

Женни МАРКС

П. ВИНОГРАДСКАЯ

П. ВИНОГРАДСКАЯ

Женни
МАРКС

Издательство
«МЫСЛЬ»

П. ВИНОГРАДСКАЯ

Женни
МАРКС

Женни
МАРКС

*То, что эта женщина,
со столь острым
критическим умом,
с таким политическим тактом,
с такой энергией
и страстностью характера,
с такой преданностью
своим товарищам по борьбе,
сделала для движения
в течение почти сорока лет,
— это не стало
достоянием общественности,
об этом не упоминается
в летописях
современной печати.*

Ф. Энгельс

П. ВИНОГРАДСКАЯ

Женни
МАРКС

(фон Вестфален)

Документальная повесть

Издание шестое,
переработанное и дополненное

Москва «Мысль» 1978

ЗК16
В49

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В $\frac{10601-006}{004(01)-78}$ 89-78

К читателю

Чем более талантлив, гениален и популярен человек, тем больше привлекают внимание людей не только его произведения, деятельность, но и его личная жизнь, близкие, друзья, соратники.

По мере того как в сознании широчайших масс росли значение, роль и популярность Маркса, неизбежно усиливался интерес к его окружению, и прежде всего к образу жены, друга и соратника — Женни фон Вестфален.

Она представляла собой разносторонне образованную, высокоинтеллектуальную, творческую личность с самостоятельным и оригинальным характером. Такие выдающиеся современники Женни, как Гейне, Гервег, Лассаль, были в восторге от ее ума, образованности и, разумеется, красивой внешности... Обладая необыкновенной красотой и женским очарованием, Женни фон Вестфален в то же время была наделена замечательным умом и редкой проницательностью, позволившими ей разгадать гений совсем еще юного Маркса, оценить заложенные в нем способности, подать ему руку помощи и пойти с ним навстречу революционным бурям.

Дочь Элеонора, ставшая впоследствии видным политическим деятелем, имела смелость заявить: не будет преувеличением сказать, что «без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда бы не мог стать тем, кем он был».

Мужественная, непреклонная, цельная, она нашла в себе силы, чтобы долго бороться за союз с Карлом, против семейных предрасудков, фамильных традиций и мнений кастово-аристократической среды.

В течение четырех десятилетий Женни была боевым товарищем и секретарем Маркса, находясь на передовых позициях первого отряда коммунистов. И, несмотря на преследования и лишения, которыми был усеян этот путь, она никогда не проявляла колебаний и оставалась до конца жизни преданной своим идеалам.

Женни фон Вестфален в первый период своей деятельности была среди той небольшой когорты, которая еще до начала массового движения пролетариата помогала Марксу нести боевое знамя, отстаивать и развивать его учение в условиях ожесточенной борьбы со всем буржуазным миром.

Теоретически доказать неизбежность гибели капитализма, переживавшего в ту пору период своего расцвета, и обосновать необходимость организации рабочих для разрушения буржуазного строя было крайне смелым и в то же время гениальным предвидением, определившим на столетие вперед действительный ход истории.

Маркс был глашатаем этих первых «безумцев», Женни находилась в их числе, в той группе первых коммунистов, от которых ведут свою родословную наша славная ленинская Коммунистическая партия и современное международное коммунистическое движение.

Сорок лет шагала Женни рука об руку с Карлом Марксом по жизненному пути. Это был трудный путь. Шла ли речь о бурной деятельности в пору революционного подъема или о работе в период поражений, когда надо было спасать знамя и остатки партии, требовалось ли оказать содействие изгнанным из своих стран коммунистам, или же прорвать блокаду буржуазных издательств и выпустить в свет гениальное творение Маркса, — помощь Женни всегда была неоценимой.

Наконец, именно ей мы обязаны тем, что гениальные, но совершенно неудобочитаемые рукописи Маркса из «вещей в себе» превращались в «вещи для нас». Ведь это она переписывала большинство этих рукописей, которые сам Маркс не мог разобрать из-за своего почерка, переписывала от руки своим ясным бисерным почерком. И даже на склоне лет Женни вспоминала о том наслажде-

нии, которое ей доставляло чтение и переписка этих рукописей в полутемной комнатухе. Эти часы она считала «самыми счастливыми в своей жизни».

Впрочем, разве она их только переписывала? Разве к этому сводилось все?

Нет, она была не только первой читательницей и переписчицей, но и первой советчицей и даже участницей. Совершенно не хвастая, после выхода в свет «Капитала» Женни заметила в одном письме: «...и я бы могла, пожалуй, написать к этому тайную историю его».

Маркс придавал огромное значение мнению Женни и «ничего не отдавал в печать, не выслушав предварительно ее суждений и критики», — свидетельствовал член семьи — муж дочери Лауры — Лафарг в своих воспоминаниях.

Очень высоко Маркс ценил литературные способности Женни, ее изумительный стиль. Он признавался, что мог по 12 раз перечитывать письма жены, считал ее «настоящим виртуозом», особенно в эпистолярном жанре. И не случайно в ранний период публицистической деятельности Маркса Женни брала на себя роль учителя и советовала ему писать легче, свободнее, убеждая Карла, что глубина его мыслей от этого нисколько не страдает.

Блестки ее великолепного стиля, игры исключительного ума, глубокого понимания сложнейших вопросов запечатлены на страницах огромной и ответственной корреспонденции, которую она вела как секретарь Маркса и в моменты важнейших исторических событий, таких, например, как I Интернационал и Парижская коммуна.

Однако возможность выступить самостоятельно на литературном поприще Женни получила лишь в последние годы жизни. Это произошло в 70-х годах, когда на посту секретаря ее сменили подросшие дочери. Тогда-то Женни Маркс проявила себя талантливым публицистом, выступая с целым рядом статей по вопросам искусства.

Но восстановление биографии Женни Маркс представляет большие трудности. Вся ее жизнь и деятельность слились с теоретической и революционной работой Маркса, срослись с историей рабо-

чего движения. Личность и роль Женни можно понять только на фоне истории того периода, поскольку она жила проблемами, волновавшими восходящий класс общества, которому служила.

События же и история совершаются через людей. Нельзя говорить о Женни, не касаясь целого ряда лиц, в среде которых она жила и работала, помогая Марксу. С одной стороны, здесь были сподвижники, единомышленники или временные попутчики Маркса, с другой — его враги и преследователи; наконец, дом Маркса всегда был открыт для революционеров, изгнанных со своей родины.

Если трудно писать о Женни фон Вестфален вне эпохи, вне людей и событий ее века, то еще сложнее писать о ней отдельно от Маркса. Поэтому для написания книги о Женни предварительно необходимо набросать общие контуры биографии Маркса и привести многие факты из жизни и деятельности Энгельса, ближайшего соратника Маркса и лучшего друга семьи. Однако об этих важнейших моментах автору приходится говорить отрывочно, под углом освещения образа Женни, а не самого Маркса. Тесная связь биографии Маркса с ее биографией ставит перед автором еще одно затруднение. Ее долю в работах Маркса и во всей его деятельности нелегко выделить.

Взять хотя бы начальный период их жизни — крейцнахский, парижский или брюссельский. На каких весах историко-биографической критики можно взвесить, в какой мере участвовала Женни в трудах Маркса, как отразились на самых глубоких и блестящих страницах его работ взаимное понимание и дружеская поддержка со стороны Женни в бесконечно тяжкие дни одиночества, изгнания и нужды? Как провести такое деление? Это сложная задача.

Передо мной, как биографом Женни, стояла еще одна трудная задача. Будучи ближайшим помощником Маркса и выполняя обязанности секретаря, Женни должна была в то же время неустанно заботиться о детях и доме. Ее биографию нельзя писать, не открывая завесу личной жизни, в которой великое перемежалось с малым, огромное с мелким, где

в масштабное, сложное, исторически важное врывалось будничное и повседневное.

Женни стоически несла тяжелое бремя повседневного быта, которое она целиком взвалила на свои плечи, чтобы оградить Маркса от гнетущих забот, создать ему условия для самого важного — для выработки революционной теории и вооружения ею пролетариата. Но выполнение обязанностей многодетной матери и хозяйки дома в условиях полицейских преследований, изгнаний и горькой нужды тоже было своего рода героизмом — героикой будней. Тем более что, неся эту изнурительную нагрузку, Женни ни на минуту не прекращала своей секретарской и партийной работы.

Биограф не должен забывать, что и Карл и Женни были прежде всего революционерами и всю жизнь придерживались незыблемого принципа: когда приходилось выбирать между обязанностями перед партией, пролетариатом и перед личной жизнью, они не знали колебаний и раздумий. Второе приносилось ими в жертву первому.

Поэтому, затрагивая личную жизнь Марксов, очень важно соблюсти меру и правильные пропорции. Здесь, если можно так выразиться, нужен такт и деликатность, чтобы не принизить тему. К сожалению, как увидит читатель дальше, не все зарубежные авторы, затрагивающие эту тему, придерживаются такого принципа.

Работая в 30-х годах над биографией Женни Маркс, автор шел еще не проторенными путями. В ту пору почти ничего не было написано специально о ней, если не считать отдельных упоминаний, разбросанных в очень немногих тогда книгах о Марксе, да статей в старых немецких журналах и газетах 90-х годов прошлого века. Материал приходилось отыскивать буквально по крупицам. В Советском Союзе не была еще издана биография самого Маркса. Даже литературное наследство Маркса тогда лишь начали в нашей стране собирать и публиковать. Только Советская Россия по заданию Ленина приступила к его систематическому собиранию и изучению.

В библиотеке Британского музея, в Национальной библиотеке Франции, где автор работал тогда, литература о Марксе находилась в самом плачевном состоянии. Достаточно указать, что в Лондоне, где жил и творил Маркс, не было даже памятника на его могиле. Только в юбилейные даты английские коммунисты украшали семейную надгробную плиту цветами, да мы, приезжавшие из Советского Союза, приносили на эту могилу по революционной традиции красные гвоздики. Памятник на могиле Маркса в Лондоне был установлен только в 1956 году.

О Германии нечего и говорить — там надвигалась мрачная пора фашизма.

Изданная в 30-х годах ничтожным тиражом моя книга «Женни фон Вестфален» осталась почти неизвестной читателю. Время покрыло ее пылью забвения...

Но книги, как и люди, согласно латинскому изречению, «*Nabent sua fata libelli*» (имеют свою судьбу). И вот судьбе было угодно, чтобы через тридцать с лишним лет автор снова вернулся к этой теме, оправдывая тем самым известную французскую поговорку: «*On revient toujours a son premiere amour*» («Каждый в конце концов возвращается к предмету своей первой любви»).

В 1964 г. моя книга о Женни Маркс вышла в издательстве «Мысль». По сравнению с первыми биографическими очерками она представляла собой почти заново написанный труд. Книга вызвала одобрение прессы и читателей, неоднократно переиздавалась, была переведена во многих странах. Последующие издания пополнялись новыми важными документами, поступавшими в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), и публикациями, появлявшимися за рубежом.

Большую ценность представляют письма Женни как личного, так и делового характера, переданные правнуком Маркса Марселем Шарлем Лонге в распоряжение ИМЛа. Эти письма по-новому воссоздают прекрасный образ Женни, освещают творческую лабораторию гения Маркса и всю обстановку, в которой рождались его величайшие произведения.

Некоторые письма Женни к знакомой Берте Маркгейм и Людвигу Кугельману были опубликованы в итальянском журнале «Movimento Operaio» и во французском «La Pensee».

В Германской Демократической Республике собраны и вновь изданы статьи Женни Маркс, посвященные театральной и литературной жизни Англии, печатавшиеся на протяжении 1875 – 1878 гг. в газете «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt».

В предлагаемом ныне издании приведены стихи Маркса из тетради «Buch der Liebe», посвященные Женни, более полно отражена переписка Энгельса с Лаурой и Полем Лафаргами, изданная во Франции¹, приводятся новые весьма важные и интересные материалы о Женни, опубликованные за последнее время в сборнике «Schriften aus Karl Marx-Haus, Trier» (№ 3 за 1970 г. и № 9 за 1973 г.).

Как раз в третьем номере этого сборника за 1970 г. помещены некоторые письма, о которых в свое время сообщал граф Шверин фон Крозигк и судьба которых долгое время оставалась неизвестной.

В предыдущем издании (1969 г.) книги мы упоминали об этом графе, родственнике барона фон Вестфалена, который оказался владельцем части эпистолярного наследия Женни.

Зарубежные старые коммунисты, знакомые мне еще со времен первых конгрессов Коминтерна, а среди них особенно недавно скончавшийся секретарь Швейцарской партии труда Эдгар Воог (мне хочется упомянуть его здесь добрым словом), посылали мне новые публикации, имевшие какое-либо отношение к Женни фон Вестфален. Так я получила еженедельник «Die Wochenpost» от 17 августа 1965 г. Там была опубликована статья Г. Гюнтера под заглавием «Где находятся письма Женни?». Г. Гюнтер обращался с просьбой к читателям помочь в розыске этих писем, ссылаясь на книгу графа Шверина фон Крозигка, в которой тот упоминал о них.

В предисловии к первому тому своей книги² Шверин фон Крозигк сообщал, что сводная сестра Женни – Лизетта, вышедшая замуж за графа Крозигка, приходилась ему бабушкой. Далее он писал:

«Будучи еще молодым человеком, я намеревался в спокойное время издать корреспонденцию жены Карла Маркса из Лондона с ее братом, консервативным министром в Берлине Фердинандом фон Вестфаленом и сводной сестрой. Папка этих писем, как мне поведала старшая сестра моего отца, хранилась в семейном архиве Крозигков в замке Гогенэркслебене (Ангальт). Она, сама писательница, читала эти письма и надоумила меня опубликовать их. Не знаю, что с ними случилось? Надеюсь, они найдутся».

Да, в молодые годы граф намеревался их издать. Но ему, видно, потом было не до того... Он, как известно теперь, достиг высшей ступени общественной лестницы в «третьем рейхе» и стал министром при Гитлере. Граф Люций Шверин фон Крозигк был осужден Нюрнбергским военным трибуналом, отбыл наказание. А теперь... он на свободе в Федеративной Республике Германии и занялся... «литературным трудом».

А совсем недавно, в 1975 году, тот же граф выпустил книгу, специально посвященную Женни Маркс³. В ней он пытается дать искаженный образ не только Карла Маркса, но и самой Женни. Ее, гармоничную, целеустремленную, волевою, верную ученицу Маркса, отдавшую весь жар своего сердца борьбе за счастье людей, Крозигк силится изобразить как женщину, раздираемую противоречиями, не согласную во многом с Марксом и всю жизнь мучимую сомнениями и смятением. В предисловии к своей книге автор пишет: «Женни, будучи даже убежденной коммунисткой, никогда не смогла освободиться полностью от своего «буржуазного» прошлого. Ее новое мировоззрение и прежние традиции жили в ней всегда рядом в непримиримом противоречии». Он рисует Женни в образе Фауста, которая тоже могла бы сказать о себе словами Гёте: «Zwei Seelen Wohnen, ach! in meiner Brust, die eine willsich von der anderen trennen» («Две души живут в моей груди. Одна хочет от другой отделиться»).

Маркса же он изображает «злым демоном», Мефистофелем, якобы овладевшим безраздельно чувствительным, «мечтательным» сердцем Женни и увлекшим ее в бездну.

В дальнейшем мы еще вернемся к этой книге Шверина фон Крозигка. Но одно необходимо здесь отметить: она написана весьма тенденциозно.

★ ★ ★

Приношу свою благодарность дирекции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и старшим научным сотрудникам И. А. Бах, А. И. Гольману, Е. П. Канделю и Б. М. Рудяку, а также дирекции и научным сотрудникам Центрального партийного архива за оказанное внимание.

Иллюстрации для этой книги были любезно предоставлены дирекцией Музея К. Маркса и Ф. Энгельса.

Москва — Переделкино, 1976.

П. С. Виноградская

Юность

Есть люди, чьи судьбы совершенно необычны и чья жизнь идет наперекор идеалам того класса, из которого они вышли. Во имя служения высоким целям они отказываются от воззрений, привычек, привилегий своей среды и смело вступают на тернистый путь революционной борьбы, полной опасностей, преследований и лишений. К их числу принадлежит Женни фон Вестфален — жена и верный товарищ Карла Маркса.

Сто тридцать пять лет назад она примкнула к маленькому отряду коммунистов, который отважно двинулся на штурм всемогущего тогда буржуазного мира во имя «пролетарского завтра». Дворянство, из среды которого она вышла (разгромленное во Франции революцией XVIII века), стало и в Германии постепенно оттесняться со своих командных позиций крепнущей буржуазией. Страна была накануне революции.

В предрассветном сумраке того периода в среде радикальной части немецкой буржуазной молодежи Женни разглядела гений юного Маркса, разгадала заложенные в нем возможности и благодаря союзу с ним была вынесена на арену великой исторической битвы.

Женни фон Вестфален оторвалась от своего класса и, не примкнув к буржуазии, прямой дорогой пришла к самому революционному в человеческой истории классу — пролетариату. Женни отреклась от религиозного напутствия-изречения, которое получила в день конфирмации: «Я живу, но это не я, а Христос живет во мне»¹. Вместо того чтобы следовать заветам Христа, она общилась к коммунистическому учению.

Женни Маркс, урожденная баронесса фон Вестфален, принадлежала к одной из обедневших аристократических семей города Трира. Дедушка Женни Филипп фон Вестфален был советником по гражданским делам при великом герцоге Фердинанде Брауншвейгском, а во время Семилетней войны (1756–1763 годы) в чине фельдмаршала стоял во главе генерального штаба герцога. Осыпанный милостями со стороны британского правительства, он получил дворянский титул и женился на шотландке из рода графов Аргайл. Бабушкой Женни была дочь эдинбургского пастора Джени Уишард оф Питероу, которая по одной линии происходила из старинной шотландской фамилии графов Аргайл, а по другой – от Кемпбелл оф Орчард. Сыном этой четы был Людвиг фон Вестфален.

В прошлом среди представителей обоих знатных родов были мужественные люди, которые умели сражаться и жертвовать собой во имя свободы и независимости своей страны. Один из этих предков был сожжен на костре в борьбе за реформуляцию в Шотландии; другой, граф Арчибальд Аргайл, был обезглавлен как бунтовщик на рыночной площади в Эдинбурге во время освободительной борьбы против Якова II. Однако следует заметить, что к 40-м годам XIX века все эти Аргайлы и Кемпбеллы давно позабыли своих героических предков и были участниками всех гнусностей новой колониально-захватнической политики Англии. Трудно судить, какие остатки бунтарства бурлили в крови самой Женни и проявились в обстановке новых социальных битв, но несомненным остается тот факт, что и она, и ее дети с пренебрежением относились к своему высокому происхождению.

Спустя много лет Женни писала Берте Маркгейм² о своем происхождении: «Моя бабушка – мать моего покойного отца, была родом из Шотландии и происходила из старинной фамилии – семья Кемпбелл и Аргайл. Герцог Аргайльский состоял в близком родстве с моими предками. Когда я вышла замуж, моя дорогая матушка дала мне много великолепного серебра, привезенного из

Шотландии и имевшего герб Аргайлей. Разумеется, серебро и гербы давно исчезли во время наших ссылок, эмиграций и скитаний...»³

В виде курьеза отметим, что Маркс, являясь в ломбард закладывать это тяжелое со старинными гербами серебро Женни, своим более чем скромным видом вызывал подозрение, а однажды в минуту самой отчаянной нужды чуть не подвергся аресту по обвинению в краже. Элеонора писала об этом Либкнехту, когда тот готовил к печати свои воспоминания о Марксе. «В связи с Аргайлами, — писала она, — ты можешь рассказать одну историю о Мавре⁴, о которой до сих пор еще не говорилось в печати. В первые годы своего пребывания в Лондоне он вынужден был однажды направиться в ломбард: в изгнаннической жизни это было нередким явлением. Он принес в ломбард кое-что из очень красивых и дорогих серебряных вещей, которые пошли в приданое матери, — это были серебряные ложки различных образцов; некоторым из них было уже по 300 — 400 лет; на всех была выгравирована корона фамилии Аргайл и ее девиз: «Справедливость — мой приговор»; не правда ли, милый девиз для гнуснейшей фамилии Кемпбелл, к которой принадлежали Аргайли? Закладоприематель был так озадачен, увидев редкое и дорогое серебро в руках дико выглядевшего чужестранца с взъерошенной черной бородой, что хотел уже арестовать Мавра; последнему с большим трудом удалось избежать ареста, но все-таки его адрес был точно записан, и, без сомнения, полиция навела о нем соответствующие справки, вероятно, эти справки были успокоительного свойства, так как уже больше не встречалось никаких затруднений, когда и другие ложки матушки с теми же гербами отправлялись в ломбард»⁵.

Женни родилась в Зальцведеле 12 февраля 1814 года. Первый год своей жизни она провела при господстве Наполеона. В Зальцведеле стояли войска маршала Даву, и там действовал наполеоновский гражданский кодекс. Наполеон был тогда в ореоле славы и все еще гарцевал во главе своих войск, не предполагая, что через год найдет успокоение на острове Святой Елены.

Судьба Наполеона отразилась и на судьбе родины Женни, так как именно тогда Вестфалия была «освобождена» от Франции и присоединена к Пруссии.

В 1816 году Людвиг фон Вестфален со своей семьей переехал в Трир.

После смерти первой жены — Лизетты Вельтгейм Людвиг фон Вестфален женился в 1811 г. на Каролине Гейбель.

От первого брака у него было четверо детей: сыновья Фердинанд и Вернер, дочери — Лизетта и Франциска. Старший сын Фердинанд сделал головокружительную карьеру и достиг министерского поста. Младший, юрист, умер сравнительно молодым. Франциска воспитывалась у знатных родственников покойной жены. А Лизетта, выйдя замуж за графа фон Крозигка, жила в графском имении. От второго брака Людвиг фон Вестфален имел двоих детей: сына Эдгара и дочь Женни.

Отец Женни, тайный советник, несмотря на свое имя и звание, не принадлежал ни к восточно-эльбскому юнкерству, ни к старопрусской бюрократии. Он был, как мы уже видели, сыном одного из германских военных деятелей, непохожих на авантюристов типа «рыцаря Шнапганского», которые всевозможными похождениями добивались герба и лат. Он был далек также от нарождавшегося тогда типа полуфеодала-полубуржуа, к которому вполне применимы иронические слова Гейне, сказанные по адресу Гогенцоллернов:

Ребенок с тыквой-головой,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручонки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...⁶

Карьера Людвига фон Вестфалена была такова. Сначала он служил у герцога Брауншвейгского, владения которого при Наполеоне были превращены в королевство Вестфалию, затем нес службу под начальством маршала Даву. В 1809 году Людвиг фон Вестфален стал заместителем начальника префектуры в Зальцведеде. В 1813 году подвергся репрессиям со стороны Даву, а после ухода францу-

зов был переведен на должность тайного правительственного советника в Трир.

Отец Женни был образованным человеком, большим знатоком и ценителем литературы. Особенно любил он Гомера и Шекспира, которых читал в подлинниках и знал наизусть.

Тонкий вкус, познания и глубокий интерес, которые проявляла Женни к классической и современной литературе, позднее ее декламации на рабочих собраниях и выступления на литературном поприще — все это, несомненно, было привито ей отцом, в частности чтением монологов из древнегреческих трагедий и драм Шекспира.

Для своего круга отец Женни был либерально настроенным человеком. М. Ковалевский (со слов самого Маркса) рассказывал, что именно Людвиг фон Вестфален обратил внимание Карла на учение Сен-Симона⁷. Молодой Маркс находился под влиянием старика Вестфалена и относился к нему с величайшим уважением. Он посвятил ему свою докторскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», предпослав ей следующую надпись: «Дорогому отцу и другу... в знак сыновней любви»⁸. Вестфален умер 10 марта 1842 года незадолго до того, как Женни соединила свою судьбу с Карлом Марксом. Женни и Карл всегда вспоминали о нем с большой любовью. Очень трогательно относилась Женни к своей матери. Особенно она привязалась к ней после смерти отца, когда чванливые родственники — дворянские отпрыски третировали эту женщину как «плебс» (она была дочерью мелкого прусского чиновника, а по материнской линии принадлежала к бюргерскому сословию).

Надо полагать, что Каролине, заурядной, скромной женщине, были мало понятны те высокие идеалы, за которые позже боролись Женни и Карл Маркс. Но она, как любящая мать, по словам Женни, всегда относилась к дочери и ее мужу с искренней преданностью.

Посылая в 1847 году из Брюсселя новогодний подарок матери через подругу Лину Шёлер, Женни писала последней: «Никогда ее образ не встает передо мной с такой ясностью и любовью, как

именно в эти дни, когда она с несравненной материнской нежностью доставляла нам, детям, так много радости и наши маленькие сердца и глаза наслаждались блеском сверкающей елки. Позднее, когда мы лелеяли в своем сердце уже более глубокие, серьезные стремления и надежды, она всегда с одинаковой преданностью заботилась о нас, радовалась и ободряла нас»⁹.

В годы своей юности и становления Женни общалась больше с Эдгаром, чем со сводным братом Фердинандом.

Оба ее брата были очень разными людьми по характеру, мировоззрению, а в дальнейшем и общественному положению.

Сводный брат Женни — Фердинанд фон Вестфален, напыщенный прусский юнкер, занимавший позже пост министра внутренних дел Пруссии, был крайним реакционером. Богобоязненный сын не мог простить прогрессивно настроенному отцу свободомыслия.

В письме к Энгельсу от 24 декабря 1859 года Женни жалуется на Фердинанда, что он не удосужился в предисловии к выпущенной им книге¹⁰ достойно упомянуть «нашего гуманного, поистине благородного и великодушного отца. Правда, последний был только «тверд в Шекспире, но не в Библии» — преступление, которого пиетист-сын не может простить ему даже и в могиле».

Но особенно задело Женни то, что братец не обмолвился ни единым словом о матери. Женни писала Энгельсу в том же письме: «Также было в высшей степени странно с его стороны, поскольку он вообще касался семейных отношений, совершенно не упомянуть о втором браке моего отца и не назвать своей второй матери, которая была счастьем жизни моего отца и которая холила и лелеяла своих неродных детей с такой верностью, любовью и самоотверженностью, какая едва ли часто выпадает на долю собственных детей».

Ясно, что у Женни не могло быть дружественного отношения к Фердинанду в этот период, а тем более раньше, о чем утверждает упомянутый Люций Шверин фон Крозигк в своей книге. Ведь именно Фердинанд не мог простить Женни, что

она отвергла руку и сердце блестящего офицера Паннвица — выгодного жениха, с которым была уже помолвлена. И разумеется, он же был ярким противником ее позднейшего выбора — Карла Маркса, никому не известного тогда студента, без определенных видов на будущее. По его понятиям, девушка из аристократической семьи не имела права связать свою судьбу с необеспеченным студентом. Фердинанд был главной помехой на пути к женитьбе Женни и Карла, страстно любивших друг друга. Это он вкупе с аристократическими родственниками противодействовал их браку, обрекая влюбленных на долгие годы страданий. И Женни рано порвала с Фердинандом всякие отношения.

А в дальнейшем между ними было определенное «разделение труда». Женни, которая пошла на службу к пролетариату, посылала тайными, подпольными путями в Германию из эмиграции произведения Маркса, а ее брат — министр внутренних дел, служивший не за страх, а за совесть реакционной Пруссии, ловил и конфисковывал эти издания с помощью широко расставленных им шпионских сетей.

Взаимоотношения между сестрой и братом впоследствии возобновились, как мы теперь знаем, в конце 50-х годов.

Граф Шверин фон Крозигк не прав, когда утверждает, основываясь на вновь опубликованных письмах, что с этого времени у них снова восстановились сердечные отношения. Письма относятся к 1856 — 1860 гг.¹¹

Публикуемые четыре письма Женни никак не говорят о сердечных ее излияниях в адрес сводного брата Фердинанда. Они даже адресованы не ему, как утверждает граф Шверин фон Крозигк, а Луизе Флоренкур (жене брата). Одно из них направлено Вильгельму Флоренкуру — брату Луизы.

Характерно, что упомянутые письма Женни затрагивают чисто бытовые вопросы. В них нет ни блестящего стиля, ни юмора, ни политического задора, так свойственного ей. Прежде всего они касаются вопроса наследства, которое незаконно присвоил себе брат, лишив Женни ее доли, а также

связаны с извещением Фердинанда о болезни его мачехи Каролины фон Вестфален. Особенно оскорбило Женни, что в ответ на сообщение о смертельно заболевшей матери сын не счел нужным приехать и проститься с ней, а ограничился ханжеским посланием, где писал умирающей матери: «Милость божья, любовь и жалость Иисуса Христа, их сильный дух должен укрепить тебя в этот тяжелый и печальный час». Характерно, что граф Шверин фон Крозигк в своей книге порицает Женни за то, что она, «далекая от религиозных традиций, не могла понять пиетизма своего брата»¹². Да, автор, ярый фашист, человеконенавистник, хорошо разбирается в «пиетизме». Ведь это по его приказу «именем бога и Иисуса Христа» сжигали в газовых камерах детей, женщин и мужчин.

После смерти дяди Георга (брата отца Женни) остались большая библиотека и ценные рукописи деда, которые он собирал. Все это присвоил себе Фердинанд, а от Женни отделался жалкой подачкой вместо посылки ей полагающейся доли наследства. Деньги, вырученные от наследства, могли бы немного облегчить нищенскую жизнь Женни. Но Фердинанда последнее мало тревожило. Женни с болью писала об этом Энгельсу 28 марта 1856 года: «Мне в настоящий момент надо еще свести счета с министром внутренних дел в связи с моим маленьким наследством. Вы, наверное, вспомните, что среди оставленных бумаг моего дяди была масса писем и рукописей деда, военного министра герцога Брауншвейгского. По поводу последних, содержащих военно-исторический материал о Семилетней войне, прусское государство, через посредство г-на фон Шарнхорста¹³, вело переговоры уже с моим отцом, намереваясь их купить. Но вот появляется мой брат, и в окончательном расчете по делу о наследстве мы видим следующие странные моменты: что касается обнаруженных книг, то г-н министр из «соображений пиетета» взял их себе за десять талеров». Понадобилось много усилий, чтобы заставить Фердинанда раскошелиться. Это удалось, вероятно, благодаря вмешательству Вильгельма Флоренкура (брата Луизы — жены Фердинанда), который взял на себя роль посредника и, получив

наконец у Фердинанда векселя в счет следуемой Женни доли наследства, переслал их ей. Вообще необходимо заметить, что отец Вильгельма и Луизы Флоренкур происходил (как об этом повествуют вновь опубликованные материалы)¹⁴ из французской семьи. Он был либеральным и широко образованным человеком. Вильгельм Шассо-Флоренкур тесно подружился с отцом Женни.

Его дочь Луиза — жена Фердинанда — была иного склада человек, чем ее муж — верноподданныческий, черствый, сухой формалист и фанатически религиозный тип.

О том, что в споре с Фердинандом была права Женни, а он вел себя очень непристойно, мы находим подтверждение и в позднейших письмах. Так, в 1859 году Фердинанд послал Женни выпущенную им книгу¹⁵, состоящую как раз из рукописи, оставленной дедом, которую он раньше характеризовал как бессвязные, ничего не стоящие заметки.

Присланная книга и послужила лишним раз доказательством, что он лгал и обманывал Женни. Об этом свидетельствует и ее другое письмо к Энгельсу. Посылая ему как знатоку и специалисту по военным вопросам книгу Фердинанда, Женни писала: «Может быть, она заинтересует Вас и даст Вам материал для критики. Собственно говоря, мой дорогой брат прямо обокрал нас в отношении наследства, и с его стороны было положительно ложью, когда он писал мне несколько лет тому назад, что были обнаружены-де лишь совершенно несвязанные друг с другом, разрозненные бумаги, которые никуда не годились...»¹⁶

Помимо таких отношений материального порядка, когда брат, занимавший пост министра, обкрадывал сестру, сосланную и живущую в страшной нужде, между Женни и Фердинандом существовали еще отношения, продиктованные, как мы видели, политической борьбой, и больше никаких. После смерти жены Фердинанда — Луизы эта переписка оборвалась, и уже навсегда. Сколько бы граф Шверин фон Крозигк ни обелял Фердинанда, Женни относилась с полным пренебрежением к своему «высокопоставленному» брату,

как и к своим аристократическо-дворянским родственникам вообще.

Родной брат Женни Эдгар, которого мы позже встретим в кружке брюссельских единомышленников Маркса, представлял собой полную противоположность ее сводному брату Фердинанду.

Эдгар не мечтал о карьере и не достиг видного общественного положения. Он был противником размеренной и монотонной жизни, имел склонность к странствиям, к постоянной перемене мест. Еще будучи школьником, он, как это видно из его экзаменационной работы на тему «Размышления при выборе профессии», смотрел на жизнь, на мир как на сцену, где все должны выступать как актеры: «Для игры надо выбрать роль». Во всяком случае себе подходящей роли он так и не подобрал.

Кстати, учителя Трирской гимназии, которую посещали и одновременно окончили в 1835 году Эдгар и Карл Маркс, считали Эдгара более даровитым. При выпуске он удостоился лучшего аттестата, чем Маркс. Правда, из этого отзыва, возможно, надо вычесть ту дань лести, которая через голову Эдгара адресовалась его влиятельному отцу. Порывистый, романтически настроенный Эдгар был одним из наиболее близких школьных товарищей Маркса.

Женни любила Эдгара и с детства была привязана к нему. Позже она доверяла ему свои девичьи тайны. Не случайно он брал на себя выполнение поручений сестры сугубо личного и деликатного характера. Через Эдгара, который посещал затем вместе с Марксом Берлинский университет, шла тайная любовная переписка Женни с Карлом. В письме, адресованном Эдгару и предназначенном для Маркса, имеется такая приписка: «Будь добр, дорогой Эдгар, передай это письмо. Я тоже готова выполнить любое твое поручение любовного характера»¹⁷.

Как друг и единомышленник, Эдгар был и позже связан с Женни и Карлом Марксом. Он являлся членом Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета. На циркулярных письмах этого комитета мы встречаем и подпись Эдгара.

В 1847 году он пересек океан и направился в Америку. В письме к Лине Шёлер от 17 декабря 1847 года, с которой Эдгар был помолвлен, Женни по-матерински оправдывала его: «Общая обстановка в Европе с каждым днем становится ужасной. Молодым людям не только трудно, но и просто невозможно создать здесь нормальную, самостоятельную жизнь. Тысячи молодых людей подобно Эдгару вынуждены в поисках своей судьбы пуститься на чужбину».

Интересно отметить, что Женни в этом же письме незадолго до мартовской революции в Германии пишет о быстро надвигающейся буре: «Мы все идем верными шагами навстречу решающим временам, социальным переменам, и, быть может, недалеко то время, когда люди талантливые подобно Эдгару с его храбростью и рыцарством будут нужны, и тогда он немедленно поспешит на родину»¹⁸.

Однако реакция, наступившая после короткой вспышки 1848 года, помешала Эдгару выполнить ту роль, которую ему предрекала Женни. Ему пришлось быть батраком, солдатом, фермером, хотя он (как остроумно заметил Маркс) «никогда не эксплуатировал никого, кроме самого себя»¹⁹. Эдгар в течение нескольких лет скитался по Америке и Европе, неожиданно появлялся у Марксов в Лондоне и снова неожиданно исчезал.

Женни и Карл неизменно любили затерявшегося в жизни неудачливого Эдгара (в его честь и был назван их преждевременно скончавшийся сын). Много лет спустя мы слышим отголоски об Эдгаре в очень печальном письме Женни к Эрнестине Либкнехт, когда он снова появился в Лондоне: «Я его не видела 16 лет. Я думала, мое сердце разорвется от радости... Эдгар был идеалом моих детских и юношеских лет. Но он так опустился, стал таким бедным и жалким, что я его едва узнала. В течение трех лет он принимал участие в войне в Техасе, где он потерял все, в том числе и здоровье...» Далее она просила Э. Либкнехт приласкать бедного Эдгара, направлявшегося в Германию к богатым и чванливым родственникам: «Бедный парень! Известно, что такое богатые

и видные родственники, к тому же еще религиозные. Вот в такие минуты по-настоящему чувствуешь, что значит самому быть бедным»²⁰. В одном из последующих писем Женни иронически сообщала Эрнестине, что к Новому году богатая родня одарила Эдгара жилетом, галстуком и в придачу молитвенником.

Маркс также до конца жизни сохранил дружеские чувства к Эдгару. В 1877 году, будучи в Германии с дочерью и предупрежденный о возможности ареста, он все же рискнул поехать в Берлин «главным образом для того, — пишет Элеонора, — чтобы повидаться с верным другом... с моим дорогим дядей Эдгаром фон Вестфаленом»²¹.

* * *

Эдгар был товарищем Маркса по гимназии. Самая старшая сестра Маркса, Софья, была подружкой детских игр Женни.

Если любовные письма Женни к Карлу шли тайно через Эдгара, то ответные письма Карла к Женни также тайно пересылались через его отца Генриха Маркса и через Софью. В письме отца к сыну мы читаем приписку сестры: «Твое последнее письмо, дорогой Карл, вызвало у меня горькие слезы; как ты мог подумать, что я забуду сообщить тебе новости о твоей Женни... Я мечтаю и думаю только о вас... Наши родители и сестры любят ее выше всякой меры...»²²

В тесной дружбе с отцом Женни Людвигом фон Вестфаленом был и отец Карла — Генрих Маркс.

Таким образом, мы видим, что одна из самых почитаемых семей Трира подружилась с семьей адвоката Генриха Маркса.

Сравнительно передовая и промышленная Рейнская провинция, отошедшая от Франции и позже присоединенная к Пруссии, не получила новой конституции, которую ей сулили. Вместо конституции ей преподнесли «господство капрала». Генриху Марксу, добившемуся профессии адвоката колоссальным личным трудом, была запрещена юридическая практика. Чтобы иметь возможность заниматься адвокатской деятельностью и дать детям

образование, Генрих Маркс в 1816 году принял протестантство²³. В данном случае он лишь оформил юридически то, что уже давно проделал фактически. Заветными книгами Генриха Маркса были произведения философов XVIII века. Властителями его дум стали Лейбниц, Руссо, Вольтер. Он знал наизусть так же хорошо Вольтера и Руссо, как фон Вестфален — Гомера и Шекспира. Это был человек, воспитанный на французской культуре, на просветительных идеях XVIII века²⁴.

Хотя отец Маркса и придерживался всего лишь либеральных воззрений, однако в условиях тогдашней Германии этого оказалось достаточно, чтобы попасть в списки неблагонадежных. В частности, Генрих Маркс был привлечен к следствию за распевание оппозиционных песен в Литературном казино, членом которого он состоял.

«Маркс, — говорит Элеонора, — был сильно привязан к своему отцу. Он без устали о нем рассказывал и всегда носил при себе его фотографию...»²⁵ На похоронах Карла Маркса Энгельс положил эту фотографию в гроб (вместе с фотографией жены и дочери Дженни²⁶).

На фоне семейной дружбы Марксов и Вестфаленов, обмена визитами, длинных бесед родителей и игр детей зарождается и затем прорывается горячим пламенем любовь ослепительно красивой, «сошедшей точно с картины Рубенса» Женни и молодого Карла, любимца и кумира всей семьи Марксов.

Женни фон Вестфален получила по тем временам хорошее образование. По понятиям своей среды, она имела все, чтобы обеспечить себе блестящую будущность: красоту, обаяние, а также аристократическое происхождение. Но в то же время эта дочь дворянской семьи, баловень судьбы и родителей, первая красавица и царица балов Трира обладала замечательным умом и даром предвидения. Это видно хотя бы из решающего шага ее жизни, когда она пренебрегла другими претендентами на ее руку, сулившими ей жизнь в роскоши, ради своего избранника Карла с будущим, полным опасностей.

Легко представить, как много пришлось пережить Женни в семье и обществе в атмосфере маленького провинциального городка. Уже тогда Женни видела иные горизонты и в ответ на недоуменные вопросы, пересуды реакционных пиетистов и филистеров, ослепленных мишурой пустой светской жизни, могла бы сказать словами поэта:

Сюртуки, чулки из шелка,
С тонким кружевом манжеты,
Речи льстивые, объятья —
Если б сердце вам при этом!..
Мир вам, гладкие паркеты,
Люди с гладкими сердцами!
Я хочу подняться в горы,
Чтоб смеяться там над вами²⁷.

Германия 30–40-х годов

Жизнь Женни была обусловлена окружающей социальной обстановкой, определена интересами и направлениями, которые преобладали среди тогдашней молодежи, в частности молодежи Рейнской области.

Женни родилась в 1814 году. Следовательно, ее психология, литературные вкусы и общественные идеалы складывались в 30-х годах.

В какой же общественной среде выросла Женни? Какие политические течения господствовали в то время в Рейнской области, присоединенной к Пруссии в 1815 году?

Еще до присоединения к Франции Рейнская область была самой развитой среди областей с немецким языком и немецким населением. В 1795 году Национальный конвент декретировал присоединение этой области к Франции. В дальнейшем здесь был введен в действие буржуазный кодекс Наполеона, закрепляющий прогрессивные буржуазные тенденции. Ликвидация десятины, остатков феодальных повинностей, старомодных средневековых институтов дворянства и гражданского неравноправия и т. д. — все это оказало благотворное действие на развитие области.

С другой стороны, период мира, наступивший после непрерывных опустошительных войн, превративших Рейнскую область в проходной двор для полчищ солдат различных армий, открывал широкую возможность для промышленного и торгового развития и накопления богатств¹.

Казалось, население провинции должно было оторваться от отсталой, полуфеодальной Германии и благодарить судьбу за присоединение к Франции.

Ничего подобного, однако, не произошло.

После победы над «корсиканцем» король взял назад обещание «дать прусской нации конституцию в виде писаного акта». Все заботы правительства сводились теперь к тому, чтобы уничтожить последние следы наполеоновских государственных учреждений, в особенности на Рейне. Кодекс Наполеона был отменен; раскрепощенные крестьяне снова закрепощены; дворянству были возвращены все политические и социальные привилегии.

Как известно, Наполеон основательно потряс позиции феодального землевладения в германских государствах и нанес ряд ударов сословным привилегиям, особенно на левом берегу Рейна и на территории Рейнского союза.

После победы над Наполеоном феодальные зубры вновь собрались с силами, но ненадолго. 20-е годы ознаменовались аграрным кризисом. На рынках Европы резко упали цены на хлеб, немецкая земельная аристократия стала быстро разоряться, сотни имений продавались «чумазым» разного вида, которые вырубали «вишневые сады», а поместное дворянство либо шло на бюрократическую и военную службу в многочисленные мелкие княжества, и особенно в аппарат Прусского королевства, либо начинало все больше полагаться на буржуазные источники дохода. Вся политическая жизнь была скована льдом реакции, воцарившейся с основания Священного союза, где главную роль играл небезызвестный Меттерних.

Маркс в «Немецкой идеологии» дал чрезвычайно сжатую, но очень меткую характеристику этого периода. «При господстве Наполеона немецкие бюргеры еще в большей степени предавались своим мелким делишкам и великим иллюзиям... Немецкие бюргеры, которые ругали Наполеона за то, что он заставлял их пить цикорий и нарушал их покой военными постоями и рекрутскими наборами, все свое моральное негодование изливали на Наполеона, а все свое восхищение — на Англию; а между тем Наполеон, очистивший немецкие авгиевы конюшни и устроивший цивилизованные пути сообщения, оказал им величайшую услугу...»²

Это «моральное негодование», о котором говорит Маркс, объяснялось отчасти тем, что разгром Германии и ее унижение в период наполеоновских войн задели национальное самолюбие немцев и породили ненависть ко всему французскому вплоть до костюма и прически. Гейне со свойственной ему иронией так охарактеризовал это явление: «Когда бог, снег и казаки уничтожили лучшие войска Наполеона, получили и мы, немцы, высочайший приказ освободиться от чужеземного ига, и мы воспылали мужественным гневом к нашему долготерпению и рабству и воодушевились под влиянием прекрасных мелодий и плохих стихов...»³

Но чтобы уйти от убожества жалкой современной им Германии, немцы в поисках новых идеалов обратили свои взоры к средним векам. Как в XVIII веке немцы уносились в своих мечтах к античному миру греков и римлян, так теперь они уносились к средневековью. Классицизм в литературе сменился романтизмом. Идеологами этого направления в теории были братья Шлегель; Уланд и многие другие представляли это течение в поэзии.

Романтизм захватил, однако, не только Пруссию, но и Рейнскую область. И здесь население, присоединившись к антифранцузскому движению, отвергает французскую культуру, не хочет подражать французским образцам в искусстве. Интеллигенция Рейна в такой форме сознает и отстаивает свое собственное национальное существование, свою историю — процесс, знакомый нам на примере ряда стран в период формирования национальной идеологии. На Рейне начинается усиленное увлечение романтизмом. Геррес, первоначально самый горячий сторонник присоединения Рейна к Франции, после посещения Парижа в 1799 году погружается в древненемецкую поэзию и издает «Лознгрину». Арним пишет романы с сюжетами из прошлого, а Клеменс Брентано воссоздает вместе с ним древненемецкие песни и сказания.

Романтизм, несомненно, расширил и обогатил литературный горизонт, ознакомил весь цивилизованный мир с сокровищами средневекового искусства, с фольклором, полузабытой народной поэзией. Романтики были усердными собирателями народ-

ных сказок, преданий, саг и т. п. Но вся беда состояла в том, что романтическая литература была далека от окружающей действительности, от политических и социальных проблем современности. Говоря о романтиках, Маркс любил повторять следующие строки из «Зимней сказки» Гейне (он приводит их даже в «Немецкой идеологии»):

Французам и русским досталась земля,
Владеют морем бритты,
Мы же владеем царством снов,
И здесь мы пока не разбиты⁴.

Более того, вдаваясь постепенно в мистику средневековья и идеализируя ее, романтики стали связывать и народную поэзию цепями христианства, обволакивая ее суевериями, предрассудками. Романтическая поэзия стала, по выражению Гейне, «страстоцветом, выросшим из крови Христовой».

Маркс и Энгельс подчеркивали, что в средневековой немецкой литературе надо различать два течения: одно — германо-христианского происхождения и другое — народного характера. Они критически относились к реакционной струе, внесенной романтиками в фольклор, и восторгались необычайной поэтической прелестью, которой обладают старинные народные книги.

Женни, которая была на четыре года старше Маркса и на шесть лет старше Энгельса, отдала дань романтизму.

Отец Женни, Людвиг фон Вестфален, как мы уже упоминали, привил ей еще с детства любовь к античной и классической литературе, но в ее школьный период классицизм был уже вытеснен романтизмом.

Временное увлечение Женни романтизмом, главным образом древненемецкой литературой с ее народным духом, подсказало Марксу выбор сюжетов для сборника, который он преподнес своей невесте, снабдив его нежным посвящением: «Für mein Süßes Herzens Jennychen» («Усладе моего сердца Женничке»). Этот томик был составлен из старинных немецких сказаний, песен и саг. И в более поздние годы Женни часто возвращалась к немецкой народной поэзии и прозе. Так, в письме от 7 ноября 1872 года рабочему И. Ф. Беккеру (члену Интерна-

ционала) она хвалит его за статьи о Гаагском конгрессе в «Tagwacht» и пишет при этом: «...теперь я должна Вас назвать не иначе как нашим современным Лютером. Но я имею в виду не настоящего попа Лютера, подстрекавшего всех против наших мужественно сражавшихся храбрых крестьян, нет, я имею в виду Лютера – отца нашей немецкой прозы с его выразительным, суровым стилем, лаконичностью и смелостью. И у Вас в статьях – как и у нашего мастера крепких выражений – никаких обходных путей, никаких церемоний, вливания, лавирования. Прямая и смелая правда в прямой и смелой форме...»⁵

Другой, более интересный факт заключается в том, что Женни поддерживала личную связь и встречалась с некоторыми представителями «романтиков» старшего поколения. Так, она хорошо знала Беттину фон Арним, родную сестру Клеменса Брентано и жену поэта-романтика Арнима; Беттина часто посещала Женни. Как известно, Беттина принадлежала сперва к романтической школе, как ее брат и ее муж. Она была широко известна своей перепиской с Гёте. Потом Беттина эволюционировала и стала для «Молодой Германии» чем-то вроде символа, наподобие идеальной фигуры Валькирии. В 1843 году Беттина опубликовала работу «Эта книга предназначается королю», где она уже отстаивала принципы государственного социализма. О близком знакомстве Женни с Беттиной фон Арним упоминает и Б. Лукас – подруга Женни. В воспоминаниях Лукас мы находим указание и на то, что Беттина старалась привлечь к себе внимание Маркса; очевидно, ей не очень удавалось это, во всяком случае одно несомненно: Беттина фон Арним была частой гостьей Женни фон Вестфален⁶.

Эта подробность чрезвычайно интересна, потому что здесь перед нами фактическое подтверждение связи между Женни и женщинами эпохи романтизма и затем «Молодой Германии».

Но не прошло и двух десятилетий после низложения Наполеона, как июльская революция 1830 года во Франции встречает уже восторженные отзвуки в Германии.

Приветствовать же революцию 1830 года — значило сделать переоценку своего отношения к революции 1789—1793 годов и тем самым разочароваться в романтизме. С романтизмом остаются лишь пособники реакции — «старые совы и филины» юнкерской Германии, а прогрессивные силы создают «Молодую Германию» — «это немецкое издание» французских освободительных идей. «Молодая Германия» в известной мере способствовала утверждению в немецкой литературе демократических тенденций и сближению ее с политической борьбой.

Гейне уже в 1820 году сумел в «Двух гренадерах» по-новому взглянуть на «корсиканца» и оценить его дело. О новых веяниях в немецкой литературе писал Георг Брандес. С 1820—1848 годов, отмечал он, родилась новая литература. Идеал был сведен на землю и лишен всякого мистицизма. Оппозиционно настроенные поэты и литераторы стали вносить в поэзию и литературу современную жизнь и ее содержание⁷.

Учитывая общий перелом, который наметился среди интеллигентских кругов Германии, надо думать, что и в Женни также совершалась эволюция.

Постепенно стал рассеиваться и националистический угар, охвативший всю Германию. Жители Рейна получили теперь возможность сравнивать относительно свободный режим «безбожного французского правительства» с деспотическим режимом патриархального и богобоязненного прусского правительства. Но пролетариат еще безмолвствовал. Буржуазия, особенно сильная на Рейне, была слишком занята накоплением богатств и отдала политику на откуп своим сынкам, молодежи, чтобы она, по словам Берне, «разрешала алгебраические задачи», в то время как папаши будут подводить итоги своим барышам, полученным чистой, наличной монетой.

Студенчество бурлило и кипело, шумно переживая свой «период бури и натиска». Оно составляло наиболее левонастроенную, радикальную часть общества. По мере того как правительство отвергало выдвигаемые либеральные требования (свобода

печати, конституция, избирательные права и т. д.), студенческая молодежь все чаще обращала свои взоры на другую сторону Рейна — Францию. К этой радикальной части студенчества и примыкал Карл Маркс по окончании гимназии и в первые годы своего студенчества в Боннском и позже в Берлинском университетах.

Монархическая же реакция в Германии опиралась не только на восстановленные позиции абсолютизма и дворянства внутри немецких областей, но и на мощную поддержку извне — со стороны Австрии и николаевской России. Подавляющий вес абсолютизма ясно виден и из тех репрессий, которые обрушивались на малейшие попытки протеста против установившегося режима. Достаточно указать на вартбургский праздник студентов — слет, состоявшийся 18 октября 1817 года, в день трехсотлетия реформации. Несмотря на то что студенты ограничились весьма невинными пожеланиями (создание общегерманского союза студентов, выработка моральных норм студенческой жизни и т. п.), реакция жестоко расправилась с ними: через союзный сейм было проведено решение, по которому все германские университеты отдавались под надзор полиции, а участие в студенческих организациях запрещалось под страхом наказания.

Еще более люто реакция расправилась с деятелями радикальной партии за демонстрацию, устроенную в Гамбахе 27 мая 1832 года (день годовщины баварской конституции), в которой приняло участие более 30 тысяч человек, съехавшихся со всех концов Германии.

В сфере умственной жизни страны наметились две противоположные тенденции. Официальная университетская «наука» и официальное мировоззрение были проникнуты духом монархическо-прусской реакции. Через эту муштру и реакционную казенщину и должны были пройти Жени и Карл.

Другая, прогрессивная тенденция заключалась в стремлении наиболее выдающихся умов Германии вобрать в себя и переварить весь опыт истории Европы. Однако здесь этот процесс проходил своеобразно.

Вот что писал Маркс по этому поводу: «Польская революция, — мы отмечаем только важнейшие пункты и поэтому пропускаем промежуточную стадию, — навязала немцам извне политические формы, соответствующие развитой буржуазии. Так как немецкие экономические отношения еще далеко не достигли той ступени развития, которой соответствовали эти политические формы, то бюргеры приняли их только как абстрактные идеи, как принципы в себе и для себя...»⁸

Великий немецкий философ Гегель, между прочим, прекрасно понимал это несоответствие и противоречие между практикой и теорией. В «Истории философии» он отмечал, что французы действуют, вместо того чтобы философствовать, а немцы философствуют, вместо того чтобы действовать, и при этом философский колпак продолжает спокойно сидеть на их голове. Но именно Гегель, переработавший синтетически всю историю развития Европы конца XVIII и начала XIX века и вынужденный приспособляться к прусской действительности с ее реакционно-королевской властью, ее университетской «наукой», является наиболее ярким представителем страны, которая так далеко шагнула в теории и так медленно волочилась в области практики буржуазного развития и политических реформ.

Все, что было прогрессивным в умственной жизни тогдашней Германии, не могло обойти Гегеля. Поэтому всякий принимавшийся всерьез за изучение Гегеля и успевавший в этом поднимался на самую вершину буржуазной культуры того времени.

И Маркс должен был взять эту высоту, прежде чем двигаться дальше. Его друзья, лучшие представители немецкой молодежи, которые рвались вперед к неизвестному будущему и к неясным еще целям, — все это поколение должно было пройти через Гегеля.

Вот почему в конце 30-х годов Маркс всеми силами своего молодого мозга впивается в гегелевскую диалектику и почти напролет спорит с друзьями о том, как правильно понимать и применять новое учение. Его энергия сначала уходила на чисто

теоретические, абстрактные вопросы. Но это была только прелюдия к дальнейшему движению, которое привело к критике гегелевского идеализма и к постановке в порядок дня политических проблем Германии 40-х годов.

Женни под влиянием дружбы с Марксом и из стремления быть на уровне духовных интересов своего века и своих ближайших друзей постепенно эволюционирует от потусторонней романтики к философскому осмысливанию задач современной ей Германии — к Гегелю, затем к младогегельянкам. Подтверждение тому, что она изучала их, мы находим в ее письме к Марксу, написанном около 10 августа 1841 года. Выражая радость по поводу того, что он состоит в Гегелевском клубе, она сообщает, что тоже штудировала Гегеля. В шуточной форме она пишет: «... ты мог бы немного похвалить меня за мой греческий и посвятить моей учености небольшую хвалебную статью. Но вы, господа гегелинги, не признаете ничего, даже самого превосходного, если оно не в вашем духе, — и посему мне остается скромно почивать на собственных лаврах. Да, милый, к сожалению, я все еще вынуждена почивать и притом на перине и подушках (в это время Женни была больна. — П. В.) и даже это небольшое послание написано в постели... Сегодня рано утром я уже проштудировала в аугсбургской газете три статьи о Гегеле и сообщение о выходе в свет книги Бруно»⁹.

Позже в постскрипуме письма Маркса к Энгельсу от 2 декабря 1850 года Женни причисляет себя к немцам, прошедшим сквозь строй гегелевских категорий и даже «муштру Гегеля и Фейербаха»¹⁰, а в письме к Лассалю от 9 апреля 1858 года по поводу его работы о Гераклите она пишет, что тоже изучает этого философа¹¹. Тем самым Женни еще раз подтверждает тот факт, что она пережила вместе с радикальной молодежью идейную эволюцию, в том числе и увлечение диалектикой.

Спрашивается, почему Женни в этот период не пыталась выступить самостоятельно на арене общественной жизни или на литературном поприще по примеру Флоры Тристан, Жорж Санд и др.?

Женни обладала для этого всеми данными. Сохранилось одно ее письмо к родителям с курорта Нидербронн. Оно написано в то время, когда Женни была только помолвлена с Карлом Марксом — студентом Берлинского университета, который сам еще в те годы был *im Werden* (в процессе становления). Письмо свидетельствует о том, что Женни уже тогда под влиянием дружбы с Марксом проявляла интерес к общественным проблемам своего века. Она писала: «... Вы не должны думать, что мы обходимся здесь без духовной пищи... Мы получаем уйму французских книг от книготорговца из Кольмара, а немецкие — нам присылает пастор из Страсбурга; и что самое ценное — мы встречаемся здесь ежедневно с интересными и милыми людьми».

Среди тех, с кем встречалась Женни на курорте, она называет двух теологов, которые учились в Геттингене и Берлине, где слушали Гегеля, Штрауса и др.

«... Мы беседовали, — пишет она далее, — о немецкой литературе, немецких профессорах, о французских нравах и обычаях, о склонности парижан к пистизму — словом, об интереснейших вещах... Но за табльдотом тут собирается довольно странное, порой просто невообразимое общество — какие-то заплесневелые французы, фабриканты, дельцы... Разговоры их всегда вертятся вокруг денег, главного предмета их любви: о том, как их добывают и вновь теряют, о железнодорожных акциях, о торговле лесом, о делах промышленности... И самое возвышенное, что один из них может сказать другому, — это: «*oh, il sait faire une belle fortune*» («Да, он умеет сколотить состояние»). В этом для них главный смысл всякого благополучия.

Кроме этих двух сословий тут есть еще чиновники, мэры, нотариусы, адвокаты, отставные военные, украшенные всевозможными орденами, и в изобилии — экономисты. Все они составляют как бы промежуточную прослойку между обществом дельцов-финансистов и учеными-мистиками, религиозными мечтателями. О политике здесь почти не спорят. Только во время чтения газет иногда вдруг услышишь: «Ах, этот Луи Филипп, ах!..»¹²

В «период бури и натиска» XIX века женщины, такие, как Женни фон Вестфален, стремились принять участие в общественном движении. Во французской революции на сцену выступают женщины и из низов, которые сражаются на баррикадах, захватывают трибуны и увлекают за собой массы. В Германии же 30-х годов в движение втягиваются лишь женщины из верхов. В лучшем случае они подвизаются на литературном поприще вроде Беттины Арним или дискутируют в своих салонах, как, например, Доротея Фейт (жена одного из братьев Шлегель), Рашель, Генриетта Герц и др.; они разводят бледный, чахлый и туманный романтизм. Однако большинство этих женщин не решалось на самостоятельное выступление в области литературы: свой идеал они видели в том, чтобы сделаться музами великого писателя, поэта или мыслителя. В ту эпоху они еще не мечтали о такой активности, которая превращает их в так сказать социально-характерные индивидуальности. Они были счастливы уже тем, что могли толкнуть мужчин «на святое дело борьбы». Но горе, если избранник не оправдал их надежд, если и эта ставка бита. Тогда все пути-дороги заказаны. Выхода нет. Штиглиц, одна из представительниц этого круга, довела теорию женского бессилия до логического конца. Когда она убедилась, что поэт Штиглиц (ее избранник) не способен создать что-либо большое, не оправдал ее ожиданий, она вонзила себе кинжал в грудь. Женщины эпохи романтизма не верили в возможность бороться и действовать самостоятельно.

Обстановка в Германии была такова, что даже активная, передовая женщина не решалась выступать самостоятельно в политической области, а чаще отдавала свои силы какому-нибудь великому человеку, чтобы через него привести их на «алтарь общественного дела». Прекрасно понимая это, Женни писала Марксу: «Всюду много красивых, идейных женщин, но они ждут мужчину, который их освободит. Каждый мужчина может стать освободителем женщины. Именно современные женщины очень восприимчивы ко всему, очень способны к самопожертвованию»¹³.

Для Германии характерно, что и позже, в мартовскую революцию 1848 года, появившиеся на сцене амазонки типа Матильды Франциски Аннске, Амалии Струве, Эммы Гервег «вряд ли когда-либо пускали в ход кинжалы и пистолеты, которые они носили за поясом»¹⁴, — говорит Клара Цеткин.

Женни прекрасно понимала причины той пассивности, на которую были обречены тогда женщины Германии, и очень едко иронизировала по этому поводу. В одном ответном письме к Марксу по вопросу о выборе места издания «*Deutsche Jahrbücher*» Женни заметила: «Со времени грехопадения, со времени проступка мадам Евы мы обречены на пассивность. Наша судьба — ждать, надеяться, терпеть и страдать. Самое большее, что нам доверяют, — это вязанье чулок, иголку и ключ...»¹⁵ Женни, которая по своему положению в обществе и по условиям тогдашней Германии не могла самостоятельно выступить и принять участие в политической жизни, была все же самой замечательной из своих современниц, так как сумела распознать гениального человека своей эпохи и вместе с ним отдать себя служению самому передовому классу с великим будущим.

Тайная помолвка. Свадьба

Есть что-то глубоко трогательное и в то же время величаво-прекрасное в этом решающем шаге, определившем судьбу Женни. Что было здесь продиктовано большим умом и предвидением гениального? Что подсказано чувством?

Маркс был гордостью родителей с детских лет. Его иначе и не называли как *Glückskind* (сын счастья). На него возлагали все надежды. Он был самым выдающимся из детей. Другие его три брата и две сестры (кто в юности, а кто в зрелом возрасте) умерли от туберкулеза. А сестры Софья (вышедшая позже замуж за голландского юриста Шмальгаузена), Эмилия (замужем за инженером Конради в Трире) и Луиза (замужем за голландским коммерсантом Юта из Южной Африки, в Капштадте) были самыми заурядными *Hausfrauen* (домашними хозяйками).

Интерес к социальным вопросам и стремление к общественному идеалу рано проснулись в юном Марксе — факт, имеющий немаловажное биографическое значение. Однако было бы неправильно по примеру некоторых биографов вроде Рюбеля¹ считать, что в ученических сочинениях Маркса уже сформулированы основные ведущие принципы всей его дальнейшей жизни и деятельности. Эта попытка приписать Марксу-школьнику, Марксу-юноше имманентно-врожденное чувство «морального долженствования» делается для того, чтобы придать марксизму как учению этическую и «абстрактно-гуманистическую окраску»².

Правильнее было бы сказать, что смелые мысли, имеющие социальную окраску, видны уже в его гимназическом сочинении «Размышления юноши

при выборе профессии» на выпускном экзамене в 1835 году (тогда Марксу едва исполнилось 17 лет). В этом сочинении он говорит, что надо выбрать «профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества...». Гимназист Маркс считает самым счастливым «того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...». В заключительной части сочинения мы читаем такие слова: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...»³

Другой, не менее важный биографический факт — это отказ Маркса нанести по окончании учебы прощальный визит реакционному преподавателю Лерсу, которому был поручен политический надзор за гимназией.

Люди, знавшие Маркса-студента, неизменно выделяли его из окружающей среды. Некий Штейндрук, который наблюдал юного Маркса во время веселых студенческих пирушек в Бонне, писал о нем: «Маркс смотрел на происходившее перед ним зрелище с мрачным видом романтического гения. Его лицо с высоким лбом, с властным, пронизывающим взглядом под темными бровями, с резко очерченным, несколько жестким ртом свидетельствовало об уже сильно выраженном, серьезном, твердом и смелом характере»⁴.

Энгельс, примкнувший к Докторскому клубу в Берлине позже Маркса, в своем памфлете «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения» изобразил его уже как несистового человека, бунтаря и разрушителя. Даже тогда он подметил революционный темперамент Маркса, готового «обрушить неба свод»:

То Трира черный сын с неустовой душой.
Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимаемая кулаки, силач неустомимый
Все время мечется, как бесом одержимый!⁵

Кёппен, друг Маркса по тому же клубу, но значительно старше его по возрасту, жаловался, что все новые идеи к нему приходят всегда от Маркса, что он может самостоятельно мыслить лишь в те короткие промежутки, когда Маркс уезжает из Берлина. Другие современники, например Мозес Гесс, приходили в неопиcуемый восторг от глубины его знаний, суждений и критического ума. Гесс писал о Марксе Бертольду Ауэрбаху 2 сентября 1841 года: «Ты будешь охвачен желанием познакомиться с величайшим, может быть, единственным настоящим современным философом, который в ближайшем будущем... обратит на себя взоры всей Германии. Я всегда мечтал иметь в качестве моего учителя по философии такого человека. Д-р Маркс, так называется мой кумир, еще совсем молодой человек (самое большое около 24 лет); он нанесет окончательный удар средневековой религии и политике. Глубокая философская серьезность сочетается у него с редкостным остроумием. Представь себе соединенными в одном лице Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля — я говорю органически соединенными, а не механически смешанными, — и перед тобой будет д-р Маркс»⁶.

Младогегельянец Юнг так говорил о Марксе: «Хотя он и отчаянный революционер, но один из самых выдающихся умов, которые я когда-либо знал».

Характерно, что такое же впечатление Маркс произвел и на русского Анненкова. Вот что он писал о нем: «Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения — тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий, как металл, шел удивительно к радикальным

приговорах над лицами и предметами, которые произносил...»⁷

Некоторые приведенные выше хвалебные отзывы высказывались о том Марксе, каким он стал несколькими годами позже. Однако вряд ли за несколько лет до этого в нем не было того, чем так восхищались Гесс и др. То, что это осталось незаметным для учителей, — не такое редкое явление в биографии гениальных людей. Можно было бы составить интересную работу «Гениальные люди в оценке своих школьных учителей».

Избранница Маркса Женни фон Вестфален, несомненно, обладала сильной волей, что уже проявилось в те годы, когда ей пришлось сделать жизненный выбор со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Женни была смелая, непреклонная натура. Для нее оказалось достаточным силы чувства к Карлу и глубокой уверенности в правильности своего выбора. Это помогло ей бороться за союз с ним, против семьи, традиций, фамильных предрассудков своей среды и класса.

Отец Маркса писал сыну, тогда еще студенту Берлинского университета, томившемуся и тосковавшему по своей любимой, что Женни тоже «имеет в себе нечто гениальное... Ты можешь быть уверенным, что ни один князь в мире не в состоянии ее отнять у тебя. Она принадлежит тебе всем телом и душой, и ты не должен забывать, что при ее возрасте она приносит тебе жертву, на которую, понятно, не способна обычная девушка»⁸.

Женни, бесспорно, возвышалась над уровнем своих сверстниц. Это видно хотя бы из отзывов знакомых и друзей. Так, Эмма Гервег после первой встречи с ней отметила ее превосходство над обычным типом немецкой женщины того времени. Бруно Бауэр, близкий друг Маркса со времени боннского студенческого периода, писал ему: «Твоя невеста способна все перенести с тобой...»

Женни любила жизнь во всей ее многогранности и умела стойко переносить ее удары. Она от души веселилась на балах и мужественно сносила беды, от которых гнулись крепкие мужчины.

Кроме взаимного чувства Карла и Женни влекла друг к другу общность вкусов и социальных интересов. Женни принадлежала к обедневшему дворянству, которое относилось с традиционным пренебрежением к буржуазному скопидомству, филистерству, мещанской ограниченности, характерным для «рыцарей первоначального накопления» в экономически отсталой стране.

С другой стороны, Маркс, веселый молодой студент, стремившийся сокрушить все и всяческие авторитеты, тогда уже носил в себе черты и качества, характерные для профессионального революционера, каким он стал в дальнейшем и оставался всю свою жизнь.

И если мы уже говорили об интуиции Женни, то она заключается и в том, что Женни не только сумела оценить великий ум юного Маркса, но нашла с ним и общность интересов и социальных устремлений.

Женни была красавица. «Женни фон Вестфален, — свидетельствует ее дочь Элеонора, — выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее»⁹.

Сам Маркс настолько гордился ее красотой, что, посетив много лет спустя в 1863 году Трир, написал Женни: «Каждый день совершаю паломничество к старому дому Вестфаленов (на Нейштрассе), который интересуется меня больше, чем все римские древности, — ведь он напоминает мне о счастливейшей поре юности, в нем же таилось мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон меня то и дело спрашивают о quondam (некогда. — П. В.) «самой красивой девушке Трира» и «царице баблов». Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как «зачарованная принцесса»»¹⁰.

Очевидно, рейнский филистер, жаловавшийся поэту Веерту в 1848 году, что редакторы «Neue Rheinische Zeitung» — коммунисты якобы проповедуют общность жен, а себе берут самых красивых,

имел в виду именно Маркса, обладателя наиболее очаровательной жены. Веерт даже посвятил этому специальное стихотворение «Сегодня ехал я в Дюссельдорф» на страницах «Neue Rheinische Zeitung», в которой он сотрудничал. Вот как он юмористически изобразил рассуждения этого филистера:

Возьмутся они и за женский вопрос,
Тотчас отменив все браки:
В союз свободный — ad libitum¹¹
Отныне вступает всякий!
С китайской девой — германец блондин,
Татарин — с тоной гречанкой,
С малиновкой-шведкой — полярный медведь,
Дикарь пролез — с турчанкой.
Британцам и римлянам с этой поры
Достанется самоедски,
А кафр плосконосый взаимность найдет
У мраморно-белой гризетки.
Да, эти реформы новейшие вмиг
Все в мире снимут запреты, —
Красивейших женщин, конечно, возьмут
Редакторы «Рейнской газеты»...¹²

Карл и Женни обручились тайно, не спросив родителей, когда Марксу минуло 18 лет. Это произошло во время летних студенческих каникул после первого года, проведенного им в Боннском университете. Там Маркс должен был готовиться к профессии юриста, но сосредоточился главным образом на философии и истории. С самого первого года обучения он увлекался поэзией и даже строил различные литературные планы.

Боннское студенчество после запрещения буршеншафтов группировалось вокруг землячеств, члены которых собирались в пивнушках, где легкие фрондерские споры чередовались обычно с выпивками. Маркс был председателем Трирского землячества. Он также отдал дань юношеским похождениям, а за нарушение ночной тишины после веселой пирушки и неизбежную для студентов того времени дуэль поплатился карцером.

После первого года бесшабашной, веселой студенческой жизни в Бонне ему предстоял переезд в Берлин (в связи с переводом в Берлинский университет) и новая долгая разлука с любимой девушкой. Он уезжал, преисполненный радости от первой большой победы, одержанной в жизни, и полный

тревоги из-за того, что вынужден был держать это в тайне. Он был «опьянен любовью и беден надеждой». И позднее, в письме от 10 ноября 1837 года, признавался родителям, что для него «открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви». Даже путешествие в Берлин, живописные окрестные места не радуют его, ибо увиденные скалы «были не более непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы, чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни»¹³. Первая красавица Трира не выходит из головы студента Берлинского университета: ее именем испещряются поля студенческих тетрадей, а в письмах к отцу Маркс называет ее то «чуждой Женни», то «единственной», то «миллой Женни»... Вдохновленный большой любовью и лишенный возможности переписываться с любимой, он выразил свои чувства в трех тетрадах стихов под названием «Книга песен» (ч. I) и «Книга любви» (ч. I и II), которым предпослал посвящение: «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален». В них преобладает жанр интимной лирики, сонетов...

Приведем некоторые из стихотворений Маркса, проникнутых глубокой любовью:

Связала нас незримо
Навеки нить одна.
Душа, судьбой гонима,
Тобой окрылена.
И, что искал напрасно
Души моей порыв,
Дает мне взор твой ясный,
Улыбкой озарив¹⁴.

Женни получила эти тетради стихов и читала их «со слезами любви и боли». По свидетельству Лафарга, она бережно хранила эти стихи и никому их не показывала.

И в стихах 1837 года, посланных отцу ко дню рождения (ему Карл посвятил четвертую тетрадь стихов), мы находим два стихотворения, предназначенных Женни: «Искал» и «Нашел».

Искал

Я устремился в путь, порвав оковы.
— Куда ты? Мир хочу найти я новый!
— Да разве мало красоты окрест?
Внизу шум волн, сверху сверканье звезд!
— Мой путь, глупец, не прочь из мирозданья;
Эфира звон и диких скал молчанье
Юдоли нам покинуть не дают;
Привет земли нас вяжет сотней пут.
Нет, должен из души моей подняться
Взыскуемый мной мир и с ней обняться, —
Чтоб океан его во мне кружил,
Чтоб свод его моим дыханьем жил...
И я пошел, и я вернулся снова,
Неся миры, рожденные от слова;
Уж заиграл над ними солнца свет,
Но гром ударил — и миров тех нет.

Нашел

Что пляшет этот куст в смятении диком,
Что тянутся цветы с весенним ликом,
Что небо синий изгибает свод,
Что к облачной горе долина льнет?
Чуть шумными крылами воспарю я, —
Уж снова на скале лежу, тоскую;
Вперляю ль очи я в ночной простор, —
С лучом звезды не может слиться взор.
Потоки жизни, мчитесь чрез пороги,
Ломайте все препоны по дороге,
Свободой золотой опьянены;
О, хаоса безумные сыны!
И снова взор мой полетел, как птица,
Чтобы блаженно, наконец, забыться;
Зачем, зачем ему миров искать,
Когда в тебе он может мир обнять? ¹⁵

Маркс тогда весь еще был im Werden. В некоторых его стихотворениях находят отражение его неумная жажда знаний, дерзновенные порывы. Вот одно из этих стихотворений:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне...
Я хочу познать искусство —
Самый лучший дар богов,
Силой разума и чувства
Охватить весь мир готов...
Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и в стремленье
Полновластен человек¹⁶.

Сквозь несовершенную форму в некоторых из стихотворений уже проглядывает бунтарский дух молодого Маркса, жажда борьбы, активной деятельности, ненависть к прозябанию, мещанству, пассивности.

Наряду с мучительным процессом умственного самоопределения, ниспровержения старых систем, методов мышления, отказа от них и поисков новых путей в Карле неизменно живет большая, всепоглощающая любовь к Женни.

Маркс сам говорил в свое оправдание: «Для того состояния духа, в котором я тогда находился, лирическая поэзия должна была стать первой темой, — по крайней мере самой приятной и близкой»¹⁷. Конечно, он понимал все недостатки своих стихотворных опытов. Но Карл ценил в них «теплоту чувств и жажду смелого полета».

Разлука с любимой, препятствия, которые чинились их союзу, делали любовь Маркса и Женни не только всепоглощающей, полной экстаза, но и преисполненной тоски и безмерных страданий, о чем свидетельствуют письма и стихи юного Маркса, например стихотворения «Яд» и «Желание».

Яд

Поцелуем мимолетным
Я твоих касаюсь рук —
Стая демонов бессчетных
Душу мне терзает вдруг.

Яд от рук медоточивых
Вмиг мою заполнил грудь,
Взор, что был таким счастливым,
Наполняют скорбь и грусть.

Прежней жизни мне не надо,
Фея милая, пойми:
Если ты дала мне яду,
Душу, жизнь мою возьми.

Только так залечишь раны,
Что нанес твой сладкий яд.
Гибну я, тобой ограблен,
Горопись, любовь моя.

Желание

Ты даришь многим людям
Бесценные слова,
Слова, что вдаль уходят,
Из уст твоих едва.

На маленький пергамент
Их лучше запиши
И мне пришли, чтоб спала
Тоска моей души.

Мертво мое жилище
Без этих нежных слов,
Пусть мне согреет сердце
Твоей любви тепло.

Бальзам волшебной силы,
Наверное, в них есть —
Вмиг взор мой исцелится,
Чтоб только их прочесть¹⁸.

Уже в сентябре 1836 года Маркс рассказал отцу о помолвке с Женни, однако им пришлось провести в разлуке долгие годы. Целых семь лет ждал Карл свою прекрасную Женни, говорит Элеонора. Подобно тому как библейский Иаков годами добивался Рахили, так этот «неистовый Роланд» «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни¹⁹.

Правда, в семье Маркса обручение было вскоре одобрено. Однако отец Карла очень мучился из-за того, что все произошло без ведома родителей невесты. Главное же, что тревожило старика, — это сомнения относительно формирования характера Карла и его любви к Женни. После того как сын провел бесшабашный год в Бонне, отец стал задавать себе вопросы: «Способен ли Карл к житейскому счастью? Небесная или фаустовская его страсть к Женни? Может ли он дать счастье такой прелестной и рожденной для счастья девушке?» Отец писал ему 28 декабря 1836 года: «...ты возложил на себя большие обязанности... При свойственной поэтам склонности к преувеличениям и экзальтированности в любви, ты не в состоянии вернуть душевный покой существу, которому ты всецело предан. Наоборот, тебе грозит опасность погубить этот покой. Только самым образцовым поведением, мужественным и твердым стремлением, которое завоюет тебе расположение и доброжелательность

людей, ты можешь добиться того, что обстоятельства примут счастливый оборот, и это успокоит ее и подымет в чужих и собственных глазах. Я говорил с Женни — мне так хотелось ее совершенно успокоить... Она еще не знает, как отнесутся ко всему этому ее родители. Мнение родственников и света — это тоже не пустяк... Она приносит тебе неоценимую жертву...» Далее языком библейских пророков старик отец закликает сына быть всегда верным Женни и наставляет Карла: «Но теперь действительно вмешаться можешь только ты. Ты должен доказать, что, несмотря на свою молодость, ты зрелый человек, который... гарантирует свое постоянство и свои серьезные намерения...»²⁰

В другом письме отец писал Карлу: «...чаровница немного вскружила и мою старую голову, и больше всего на свете я хотел бы видеть ее спокойной и счастливой... Эта милая девушка заслуживает всяческой предупредительности, и только жизнь, полная нежной любви, сможет вознаградить ее за все то, что она уже перенесла и что ей еще предстоит перенести, ибо ей приходится иметь дело с людьми своеобразными»²¹.

Препятствия со стороны родни невесты, о которых пишет Генрих Маркс, были сильны. Особенно противодействовал браку — как мы уже упоминали — сводный брат Женни, ханжа и реакционер Фердинанд фон Вестфален, назначенный в это время правительственным советником в Трире. Согласно своим классово-сословным воззрениям, он считал брак неравным. К тому же Карл был слишком молод, а по понятиям Фердинанда и людей его круга, молодость — синоним легкомыслия, ветрености, сибаритского безделья и прожигания жизни. Он старался влиять на Женни, убеждал ее в непрочности любви Маркса. Отголоски мучительных переживаний и тревог мы находим в ее письмах. Вот, например, что она писала Марксу в одном из них: «... я молчала, несколько дольше обычного... Я сделала это лишь из желания пощадить тебя и не расстраивать себя... Ах, Карл, как мало ты меня знаешь, как мало ты понимаешь мое положение и как мало чувствуешь, в чем мое горе, где кровоточит мое сердце...

Твоя прекрасная, трогательная, страстная любовь, твои неописуемо прекрасные слова о ней, вдохновенные творения твоей фантазии, — все это лишь пугает меня, а зачастую и приводит в отчаяние. Чем полнее я предамся блаженству, тем ужаснее будет моя судьба, когда твоя пламенная любовь остынет и ты станешь холодным и сдержанным. Видишь ли, Карл, тревога о сохранении твоей любви отнимает у меня всякую радость. Я не могу беззаветно радоваться твоей любви, ибо я более не уверена в ней... Ах, Карл, будь я уверена в твоей любви, у меня не так пылала бы голова, не так болело бы и обливалось кровью сердце... Стоит тебе только взглянуть на меня, и я не в силах вымолвить ни слова от страха, кровь застывает у меня в жилах, душа моя трепещет... Когда я вдруг подумаю о тебе, я немею от волнения... Вся моя жизнь, все мое существование пронизано мыслью о тебе»²².

Чтобы не оскорбить чувства семьи Марксов, на первое место выдвигался мотив о молодости Карла, хотя, как уже упоминалось, были и другие причины для колебаний и недовольства родни Женни. Естественно, что они предпочли бы в качестве жениха для Женни обеспеченного молодого человека из своей среды, а не студента без определенных видов на будущее. Так или иначе, после тайной помолвки на долю Женни, оставшейся дома, выпало немало тяжелых минут. К счастью для Маркса, он мог отвлечься умственными занятиями и «поисками новых систем». Такого убежища у Женни не было. А борьба ее за свою любовь длилась очень долго. Она жила и дышала только одной любовью к Карлу. «Я сегодня не способна тебе высказать все, чем переполнено мое сердце, — пишет она в письме от 13 сентября 1841 года. — Все мое существо, мечты и помыслы, все, все: прошлое, настоящее и будущее — слилось в одном звуке, знаке, тоне, и если он звучит, то слышится только: я люблю тебя невыразимо, безгранично, бесконечно и безмерно, все остальное поглощено этим... Конец твоей любви был бы одновременно концом моего существования. А после этой смерти нет уже возрождения, ибо только в этой любви заключается моя вера в продолжение моей жизни... До

свиданья, ангел, как я люблю тебя — в этом весь мой дух, жизнь и мысль»²³.

Родные Женни заставляли ее соблюдать светский этикет, поддерживать знакомства с определенным кругом людей, бывать на балах...

Как трудно и мучительно приходилось Женни, в какой конфликт она вступила с домочадцами, стремясь освободиться от опеки и самой решить свою судьбу, видно хотя бы из того, что в результате длительной домашней войны она серьезно заболела; ее даже пришлось увезти из Трира на курорт. Маркс был прав, когда писал Руге, что Женни выдержала из-за него ожесточенную борьбу, почти подточившую ее здоровье²⁴.

Это был типичный конфликт «отцов и детей» 40-х годов прошлого века, когда дочери не только отстаивали свои права на любовь, на свой личный выбор, но и поднимали общий вопрос об эмансипации женщины, отказе от старых традиций и предрассудков, унижавших женское достоинство. Каждая личная драма превращалась тогда в частицу общественного конфликта. То же выпало и на долю Женни, хотя родители ее были либеральнее и мягче многих других.

Не в этом ли конфликте она получила первую закалку в борьбе со старым миром?

Ввиду создавшихся условий Женни не всегда удавалось писать Марксу, но этот «неистовый Роланд» не хотел, да и не мог мириться с таким положением. Письма, полные любви и страсти, отчаяния и ревности, пересылал он через отца к Женни. Старик отец хотя и ворчал на своего Карла, однако всячески успокаивал его и давал благие советы. «Женни не может теперь поступать так, как она того бы желала, но ты должен быть совершенно уверен в ее любви», — пишет отец сыну 3 февраля 1837 года. В другом письме старик Маркс пишет сыну, что Женни согласна с его доводами, но просит, однако, не посылать писем прямо ее родителям. Мать Маркса в одной приписке к письму отца, успокаивая сына, пишет, что молчание Женни объясняется лишь ее «девичьей стыдливостью».

Но и отец, который к тому же был тогда болен, не выдерживает настойчивости Карла. Он пишет из Эмса строгое письмо и требует, чтобы Карл «умерил свои страсти», запрещает ему приезжать на каникулы домой.

В марте 1837 года Карл Маркс обратился с письмом к родителям Женни и получил наконец формальное согласие.

В письме от 10 ноября 1837 года, которое молодой Карл окончил в 4 часа утра, когда свечка уже догорела и в глазах стоял туман, он с радостью и восторгом извещает своих родителей о «получении милого послания Женни», где была радостная и долгожданная для него весть: родители Женни согласились на их союз. Он не нарадуется этому письму, он его «двенадцать раз перечел» и находит в нем постоянно все новую прелесть²⁵.

Бедный Карл! Слишком рано он торжествовал победу. То, что показалось ему концом, было, как мы увидим, лишь началом нового периода ожиданий и страданий. Речь шла не о возможности скорой свадьбы, а только о легальном разрешении мечтать о желаемом браке в будущем.

Естественно, Маркс надеялся получить разрешение побывать дома, поговорить с Женни о своей жизни и занятиях, подвести итог пережитому и пройденному за год.

Бывают в жизни моменты, пишет Маркс в вышеупомянутом письме, «которые являются как бы веками, завершающими истекший период времени, но одновременно с определенностью указывают на новое направление жизни». Кончает он письмо следующими словами: «Поверь мне, дорогой мой отец, не эгоистические побуждения влекут меня к вам (хотя я был бы счастлив снова увидеть Женни), — меня влечет мысль, которую я не вправе высказать. Для меня в некотором отношении это было бы даже трудным шагом, но, как пишет моя единственная, милая Женни, все эти соображения должны отступить на задний план перед исполнением священного долга»²⁶

Однако отец не разрешил ему приехать домой и вдобавок еще укорял за смутное метание по всем областям знаний и за то, что, возможно, среди клас-

сического хаоса он по «рассеянности раскуривает трубку от любовных писем Женни или слезами уснащенных писем отца», за выдумывание новых систем при свете свечи, наконец, за счет а la Carl, ибо ведь и ученым людям не прощают беспорядка, а тем более практическому «юристу».

Можно себе представить, как подействовал на Карла этот ушат холодной воды, который вылил на его горячую голову отец. Он не приехал домой даже и позже, на пасхальные каникулы.

Несмотря на то что молодой студент в первом семестре немало ночей провел в бдении, немало выдержал битв, немало пережил (как видно из письма к отцу от 10 ноября 1837 года), он все же много успел. Мы говорим сейчас не о его поэтических опытах. Понятно, как и все юноши, а тем более влюбленные, он должен был начинать со стихов. Поэзия после первых неудачных опытов, естественно, очень скоро отошла на задний план. Но длинную поэзию Маркс, как известно, любил всю жизнь и знал наизусть множество стихов.

Из того же письма Маркса к отцу мы знаем, что от огорчения по поводу болезни Женни и собственной напрасной, бесплодной духовной работы, от «грызущей досады» Карл заболел, сжег все стихи, наброски новелл и прочее и вынужден был уехать на некоторое время за город. После этого он снова упорно взялся за занятия.

Главными предметами занятий Маркса делаются юриспруденция и философия. Помимо предшественников Гегеля Маркс познакомился и с самим «Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников», и, наконец, попал в берлинский Докторский клуб.

Большинство членов клуба приват-доценты, учителя гимназий и писатели, радикально настроенные, полные задора люди в расцвете сил. Мы видим среди них Адольфа Рутенберга одного из самых близких берлинских друзей Маркса (Рутенберг, арестованный в свое время как член «Корпорации молодежи», преподавал теперь географию и сотрудничал в «Deutsche Telegraph» Гуцкова). Кёппен, известный в дальнейшем своими историческими работами, преподавал историю, Эдуард Мей-

ен — публицист, сотрудник «Atheneum», где были напечатаны некоторые стихотворные опусы Маркса. И наконец, Бруно Бауэр (читавший лекции на богословском факультете) — духовный вождь клуба, один из руководителей младогегельянцев.

Маркс был особенно дружен с Бауэром. В письме к своему брату Эдгару Бруно Бауэр описывал, как он с Марксом по-юношески веселился, когда последний навестил его в Бонне. Они катались на осликах, вызывая удивление местных обывателей. «Мы ликовали. Ослы орали»²⁷.

В клубе эти «доктора» спорили все ночи напролет. Спорили до хрипоты. Тут-то и обнаружилось, по словам Маркса, противоположные взгляды.

Карл не оправдал надежд отца. Он сделал весьма громкую «карьеру», но только не адвокатскую. Впрочем, бедный отец был избавлен от разочарований, которые ему готовил в дальнейшем сын. 10 мая 1838 года Генриха Маркса не стало, он умер в возрасте 56 лет от наследственной в роду болезни печени, которая мучила потом и самого Карла Маркса.

Смерть отца была для Карла двойным ударом. Во-первых, он был сильно привязан к отцу, их связывали духовные интересы в большей степени, чем с матерью. Во-вторых, после смерти свободомыслящего отца мать подпала под влияние религиозно настроенных родственников.

С кончиной старика Маркса между семьями Марксов и Вестфаленов наступило охлаждение. Вестфалены снова начали мечтать о более выгодной партии для Женни. Это видно хотя бы из писем Генриетты Маркс к сыну, где говорится об «экзальтированных особах» (речь идет о женской половине Вестфаленов), которые балансируют между «заоблачными сферами» и «перспективой пойти ко дну». Далее речь идет «о гордости и этикете» Вестфаленов. Мать сетует и на Женни, которая на протяжении 4—5 недель пришла всего один раз, да и то не нашла слов утешения, а жаловалась на свою судьбу. Она упрекает и самого Карла за то, что по его вине ослабли семейные связи, за то, что ему

стало «чуждо все родное, что раньше было так близко и дорого»²⁸.

К любви двух молодых людей с ярко выраженными индивидуальными характерами примешивались теперь новые, чуждые явления.

Не последнюю роль здесь сыграла и мать Маркса: она не сумела так расположить к себе Женни и подружиться с ней, как отец Карла. Мать Маркса была женщина умная, но малообразованная. В духовном отношении она ничего не могла дать ни Карлу; ни Женни. Всецело поглощенная заботами о больных детях, она замкнулась в своем мирке домашних дел. Все письма ее к сыну касаются главным образом назиданий хозяйственно-бытового характера.

В письме к юному Марксу, студенту, она просит не «счесть ее любопытство относительно его маленького домашнего хозяйства... за женскую слабость», ибо «экономия ведь играет большую роль как в крупном, так и в маленьком деле». Затем следуют советы: «... чистоту и порядок не надо считать пустяковым делом, ибо от этого зависит здоровье и бодрость духа...» И далее: «Твоя любезная муза не будет оскорблена прозой твоей матери, скажи ей, что возвышенное достигается через обыденное»²⁹.

Вскоре к идейному расхождению Карла с семьей присоединились споры чисто материального порядка. Это отразилось не только на его судьбе, но рикошетом ударило и по Женни, ибо снова пришлось отсрочить долгожданную свадьбу и подвергнуть влюбленных новому испытанию. Но Карл — этот «неистовый Роланд» никак не мог с этим мириться. А от неистовства один шаг до подозрений, размолвок и с Женни... Но она, страдавшая вдвойне, старается, однако, по-женски ласково успокоить его и заверить в своей безграничной любви, беспредельной преданности и беззаветной верности. В ответном письме из Нидербронна, где Женни отдыхала, она пишет:

«... Ты должен замереть и прислушаться, дорогой моему сердцу возлюбленный, прислушаться к милым приветам любви, которые оно несет тебе, к сладким, нежным словам любви, которые оно на-

шептывает тебе. — Дорогой Карл, если бы ты сейчас мог быть со мной, если бы я могла покоиться на твоей груди, смотреть вместе с тобой на веселую, приветливую долину, на прелестные луга, на горы с их поросшими лесом вершинами! Но, ах! Ты так далеко, так недостижимо далеко. Напрасно ищет тебя мой взор, напрасно я простираю к тебе руки, напрасно призываю тебя всеми сладкими словами нежнейшей любви. Взамен я должна покрывать горячими поцелуями немых свидетелей твоей любви, прижимать их к сердцу вместо тебя, орошать их своими слезами. Карл, присылай мне чаще этих вестников любви, пиши мне чаще. Я нуждаюсь в этом, нуждаюсь больше, чем я это в состоянии выразить»³⁰.

И в более позднем письме Женни снова старается развеять подозрения, упреки и ревность Карла. Она пишет:

«... Скажи, как ты мог усомниться в моей верности? Ах, Карл, позволить, чтобы кто-то другой затмил тебя! Я признаю превосходные качества других людей и не считаю тебя непревзойденным, но, Карл, я так невыразимо люблю тебя, как же я могу найти что-либо достойное любви в ком-то еще? Ах, Карлхен, я никогда, никогда ни в чем не провинилась перед тобой, и все же ты мне не веришь.

...Карл, я могу болтать с кем угодно, но стоит тебе только взглянуть на меня, и я не в силах вымолвить ни слова от страха, кровь застывает у меня в жилах, душа моя трепещет... Вся моя жизнь, все мое существование пронизано мыслью о тебе...»³¹

Сквозь эту страстную любовь и мечты о будущем прорываются у Женни ноты скорби и печали в связи с кончиной отца Карла — Генриха Маркса, который так дружелюбно и нежно относился к ней и лелеял любовь молодых. Еще в предыдущем письме Женни писала Марксу: «...пиши мне чаще... Это единственное, что я имею, что может ободрить тоскующую душу, единственное, что мешает мне всецело предаться горю, отчаянию... Каждый день, каждое мгновение напоминают мне, что отныне все стало иным... что нет уже с нами чудесного человека, благословившего нашу любовь, что ему уже не суждено посылать благотворные, живительные

лучи во тьму настоящего, что он навеки отнят у нас, навеки ушел»³².

Выполняя волю покойного отца, Маркс продолжал занятия на юридическом факультете вплоть до окончания университета.

В 1840 году после смерти Вильгельма III в Германии усилилась реакция. Маркс предпочел получить аттестат не в прусском университете (в Берлине), где были реакционные профессора – ставленники министерства просвещения Пруссии. Ему была заочно присуждена докторская степень при Йенском университете за философскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» в апреле 1841 года.

Из-за реакционного духа, царившего в профессорской среде, Марксу вскоре пришлось отказаться и от ученой карьеры.

Выступая совместно с частью левой, радикально настроенной интеллигенции, Маркс вырабатывал самую передовую философию, не делая пока еще всех надлежащих выводов в области политической. Как известно, до революции 1848 года Германия проделала в области философии то, что другие народы – в области политики. «... Мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в философии. Мы – философские современники нынешнего века, не будучи его историческими современниками»³³, – говорил Маркс.

Но тем большая пропасть открылась между молодым левеющим поколением младогегельянцами, которые делали из гегелевской философии революционные выводы, и старой реакционной профессурой, которая, опираясь на Гегеля, пыталась оправдать прусскую монархию, в частности толкуя в узкореакционном смысле знаменитые слова философа: «Все существующее разумно».

В апреле 1842 года Бруно Бауэра лишили кафедры и запретили ему продолжать преподавание. Это расстроило и планы Маркса, мечтавшего обосноваться в Бонне, куда звал его Бауэр. С другой стороны, все это еще раз подтвердило правильность убеждения Маркса в том, что в затхлой атмосфере

немецких университетов для него нет возможности вести научную работу. Тем самым был навсегда поставлен крест на профессорской карьере Маркса. Пришлось отказаться и от адвокатской практики.

Лето 1841 года застает Маркса на родине, в Трире. Вместе с Женни он думает о своем будущем. Вместе с ней он строит различные планы деятельности. Женни, которая за это время тоже «прошла сквозь строй гегелевских и фейербаховских категорий», понимает своего бунтаря. Она соглашается с тем, что ему надо научную карьеру променять на ремесло «свободного журналиста».

Что же ждало Маркса на этом пути?

Попытки Бруно Бауэра наладить совместное с Марксом издание печатного органа не увенчались успехом. Тогда Маркс согласился на предложение публициста и приват-доцента А. Руге сотрудничать в его ежегодниках. В результате ухудшения цензурных условий Руге вынужден был в 1841 году переименовать издаваемые им «Hallische Jahrbücher» в «Deutsche Jahrbücher» и перенести их из Галле в Дрезден. Однако статья Маркса о новейшей прусской цензурной инструкции «благодаря» той же цензуре так и не была напечатана. Собрав все «зарезанные» цензурой статьи, Руге решил опубликовать их в отдельном сборнике, который он намеревался издать в Цюрихе. Только в феврале 1843 года статья Маркса была напечатана в первом томе этого сборника³⁴.

Вскоре перед Марксом открылась более широкая возможность выступить в роли журналиста, а затем и редактора. Ему удалось превратить «Rheinische Zeitung», вновь созданную в Кельне (1 января 1842 года) промышленниками Кампгаузенем и Мевиссенем, в орган радикальной немецкой интеллигенции. С апреля 1842 года Маркс начал сотрудничать в газете, а с октября стал ее редактором. Среди сотрудников газеты мы встречаем имена Энгельса, Бауэра, Гесса, Штрауса. Эту левую интеллигенцию связывают с буржуазными акционерами младогегельянцы Дагобер Оппенгейм и Георг Юнг.

Но судьба готовит Карлу и Женни новые беды. 3 марта 1842 года после длительной болезни умер

отец Женни старик фон Вестфален. В эти дни Маркс был неразлучен с Женни. Из дома Вестфаленов он направляет свое извинительное письмо Руге, где отмечает, что за все это время невозможно было сделать что-нибудь путное³⁵.

В июле того же года после смерти одного из родственников Маркса происходит раздел наследства. Родные сумели восстановить против Карла его мать, внушив ей, что он-де отошел от своих (имеется в виду женитьба), не выполнил волю отца и бросил карьеру адвоката. Вот что читаем мы в письме Маркса к Руге от 9 июля: «Моя семья поставила передо мной ряд препятствий, из-за которых я, несмотря на ее благосостояние, оказался на время в самом тяжелом положении. Я отнюдь не собираюсь обременять Вас рассказом обо всех гадостях, с которыми мне пришлось столкнуться; истинное счастье еще, что пакости общественной жизни совершенно лишают человека с характером возможности раздражаться из-за личных неприятностей»³⁶.

Переход Маркса от углубленного изучения философии к политической работе журналиста, пишущего на темы дня, явился немаловажным рубежом в его жизни. Все больше углубляется пропасть между Марксом и его вчерашними единомышленниками — берлинскими младогегельянцами. Их пути теперь идут в противоположном направлении. В этот период, по словам Ленина, намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму»³⁷. В «*Rheinische Zeitung*» Маркс начинает писать на злободневные темы. В своих статьях он поднимает такие животрепещущие, актуальные вопросы, как закон о краже леса, о положении мозельских крестьян, о свободе печати. В них уже впервые обнаруживаются зачатки учения о классовом расслоении немецкого общества, первые намеки на то, что основы «чистой политики» лежат в экономических отношениях. Гораздо позже, обращаясь к дням своего становления, Маркс в предисловии «К критике политической экономии» сам признает, что именно эти статьи по конкретным во-

просам «дали первые толчки... занятиям экономическими вопросами»³⁸.

Вполне естественно, что в тогдашних условиях Германии журналистская карьера Маркса длилась недолго. 25 января 1843 года он сообщает Руге из Кёльна, что «Rheinische Zeitung» получила смертный приговор. «Предел ее жизни — конец марта. В течение этого времени, до казни, газета подвергается двойной цензуре... Я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоело лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой»³⁹. 18 марта Маркс оставил газету, а 31 марта она была закрыта.

Прусское правительство, считая Маркса опасным противником, пыталось даже подкупить его, предложив ему через тайного советника Эссера выгодную государственную службу, но Маркс, разумеется, с негодованием отверг это предложение.

Итак, мы видим, что теперь Маркс снова очутился в затруднительном положении. К тому же он не хотел покинуть Германию без Женни. Маркс писал Руге: «...не могу, не должен и не хочу покинуть Германию без своей невесты»⁴⁰.

Маркс жил на средства родителей, денег едва хватало на одного, а впоследствии, как указывалось выше, он окончательно лишился средств и не получил полагающегося ему наследства.

По условиям тогдашнего времени и по понятиям родственников Женни, интеллигентный человек не смел жениться на «порядочной девушке», не имея постоянного дохода.

Какие же возможности были у Маркса теперь? Гервег предложил ему сотрудничать в журнале, затеваемом им вместе с издателем Фребелем в Швейцарии, где жил сам поэт, изгнанный из Германии. Но 3 марта 1843 года Гервег был выслан и из Швейцарии, что нанесло смертельный удар по еще не родившемуся журналу. «Deutsche Jahrbücher» Руге тоже закрылись, и он предложил Марксу про-

должать их издание в Страсбурге, Брюсселе или Париже. В ответном письме Маркс советует переменить название ежегодников на «Deutsch-Französische Jahrbücher» и тем подчеркнуть их интернациональный характер. А в смысле выбора места издания он высказался за Страсбург.

Все эти вопросы – выбор места издания, страны, куда Маркс мечтал увезти с собой Женни и начать новую жизнь, – он, по-настоящему, обсуждал с ней. Ее мнение в этом вопросе он считал для себя решающим. Сохранилось письмо – ответ Женни, в котором, несмотря на печальное положение и туманную перспективу будущего, она со свойственным ей юмором пишет о женской пассивности и своей невозможности активно помочь другу:

«Если бы я могла расчистить тебе дорогу и утрамбовать, убрать все препятствия, стоящие на твоём пути! Но, увы, нам пока еще не суждено ухватиться за колесо судьбы... Мы обречены на пассивность... Только когда речь заходит об определении места издания «Deutsche Jahrbücher», тут вторгается женское вето и играет незримо решающую роль». В этом письме проникательная Женни предсказывает, что добровольный отъезд Маркса из Германии может превратиться в принудительный: «Если ты предпочтешь Францию Германии, не воспрепятствует ли это твоему возвращению в Германию и не окажется ли, что либеральная суверенность может прийти к выводу: «эмигрируйте или просто оставайтесь вдали от отечества, если оно вам немило?»»⁴¹ Этому ее пророчеству суждено было сбыться слишком скоро.

Наконец Руге сообщил, что журнал будет издаваться в Париже и что Маркс назначается редактором. Маркс принял предложение и с такими видами на будущее поспешил жениться.

Сдержанный во всем, что касалось личных дел, на этот раз Маркс не выдержал и открыл душу Руге: «Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом – серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее шлетистски-аристократическими родственниками,

для которых «владыка на небе» и «владыка в Берлине» в одинаковой степени являются предметами культа, отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных и тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте»...»⁴²

В июне 1843 года состоялась свадьба Женни и Карла. Сохранилось брачное свидетельство, заверенное нотариусом и помеченное 19 июня, где говорится, что в доме вдовы фон Вестфален в Крейцнахе в присутствии свидетелей состоялась свадьба между Иоганной-Бертой-Юлией-Женни фон Вестфален, проживающей в Крейцнахе, без определенных занятий, и Карлом Генрихом Марксом, доктором философии, проживающим в Кёльне. Далее в свидетельстве говорилось, что имущество каждого является общим имуществом супругов, в том числе и то, какое будет приобретено в дальнейшем, но долги, сделанные каждым до свадьбы, должны быть покрыты раздельно. Увы, предусмотрительность всех этих параграфов, особенно двух последних, оказалась излишней...

Наконец для Карла и Женни кончилась «семи-летняя война» за право на любовь, на совместную жизнь.

Радостные и счастливые, Женни и Карл совершили свое свадебное путешествие по Рейну. «Мы уехали из Крейцнаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Крейцнах, где и оставались до конца сентября»⁴³, — вспоминает Женни.

Близость Женни, идейное взаимопонимание вдохновили Маркса на большой творческий взлет. Здесь, в Крейцнахе, Маркс написал свои знаменитые историко-философские конспекты, известные под названием «Крейцнахские тетради». Они явились результатом изучения истории Франции, французской революции, истории Англии, классово-вой борьбы. Здесь же Маркс подготовил вчерне свои бессмертные статьи «К критике гегелевской философии права. Введение», «К еврейскому

вопросу», которые были напечатаны позже в «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Из Крейцнаха Маркс поехал в Дрезден к Руге, где они окончательно договорились по вопросу издания «Jahrbücher».

В октябре 1843 года Женни и Маркс отчаливают от «родных берегов», покидают Германию, где для них не нашлось уголка, и уезжают в добровольное изгнание в Париж. Вскоре изгнание превратилось в вынужденное и почти пожизненное, если не считать того короткого периода, когда революция 1848 года открыла им врата Германии.

Уже в апреле 1844 года был издан и распространен повсюду прусский министерский указ, в котором говорилось, что Маркс при попытке вернуться на родину будет немедленно арестован.

Париж

Поздней осенью 1843 года Карл и Женни, молодые, счастливые, полные надежд на будущее, приехали в Париж — эту «новую столицу мира». Там их встретил Гервег с женой. Таким образом, в 1843 году в Париже собрались все три редактора со своими семьями. Карл Маркс с Женни прибыли из Кёльна, Гервег с женой — из Остенде, а Руге с женой и кучей детей — из Дрездена. Хозяйственный Руге привез с собой огромный запас мяса, завалив им чуть ли не целый омнибус (так рассказывала впоследствии Эмма Гервег).

По первоначальному плану все три семейства намеревались поселиться вместе на одной квартире, вести сообща хозяйство и образовать нечто вроде домашней коммуны.

Однако первыми отказались от коммуны Гервеги, точнее, жена поэта — Эмма Гервег. Сослалась она на то, что участницы предполагавшейся коммуны слишком различны по характеру и по своим индивидуальным склонностям и не подходят для такого начинания. Сама она слишком молода, жена Маркса — Женни, по ее мнению, слишком интеллигентна, головой выше их двоих, особенно жены Руге, и вряд ли в таких условиях им удастся построить коммуну. Сын Гервегов — Марсель пишет со слов матери следующее: «Едва приехав, Руге сделал Марксу и Гервегу предложение устроить общее хозяйство¹, нечто вроде фаланстера, где женщины поочередно должны были бы готовить пищу. Но мадам Гервег одним взором оценила всю ситуацию. Как может мадам Руге, эта добродушная маленькая саксонка, ужиться с очень интеллигентной, а еще более честолюбивой мадам

Маркс, которая так значительно превосходит ее в умственном отношении? И наконец, как может мадам Гервег, самая молодая, еще только недавно вышедшая замуж, почувствовать влечение к такой жизни?»²

Важно здесь, конечно, не то, что более ста лет назад жены левых поэтов не слишком-то охотно шли жить в коммуны и не торопились строить коллективную жизнь. Интересно другое. Характеристика, данная Эммой молодой супруге Маркса, содержит много верного. Интеллектуально высокообразованную Женни нельзя было даже отдаленно сравнивать со средней интеллигентной женщиной тогдашней Германии.

Что же касается их планов устройства бытовой коммуны, то после того, как Гервеги откололись, Марксы и Руге поселились вместе на Rue Vanneau. Вскоре между этими двумя семьями начались разногласия. Но это были разногласия не на бытовой, а на идейной почве.

Руге пытался объяснить дело иначе, т. е. причинами чисто личного характера. В целом ряде писем, адресованных друзьям и матери, он пытался оклеветать Маркса. В идейном разрыве между Марксом и Руге действительно имел место и спор из-за Гервегов, но тоже на чисто принципиальной основе.

Маркс и Женни, как известно, очень любили поэзию, хорошо знали и ценили ее. Но особенно ценили они поэтов, затрагивающих социальные проблемы, умеющих в поэтической форме взывать к революционному чувству и будить сознание масс. Марксы любовно и в то же время по-отечески бережно и заботливо относились к таким поэтам, как Гейне, Гервег, Фрейлиграт, Веерт. И не случайно самые лучшие произведения этих поэтов хронологически совпадают с тем временем, когда они находились в близких отношениях с Марксами, под их непосредственным идейным влиянием.

В этот период Женни и Карл хорошо относились и к Гервегу, который был тогда в расцвете своего поэтического дарования и подавал большие надежды. В 1841 году появился сборник его прекрасных революционных стихов. Приведем заме-

чательное стихотворение Гервега, посвященное партии:

О, партия моя, ты гордая основа
И мать бесчисленных сверкающих побед!
Как может не понять священнейшее слово,
Как может не постичь великое поэт?..
Скажи — как мужу муж, — с тобой нам по дороге?
Ты раб или гражданин? Подумай и решишь,
С Олимпа низойдя, под Илионом боги
За партии свои, как смертные, дрались³.

В «Rheinische Zeitung», которую редактировал Маркс, Гервег выступал против аполитичности Фрейлиграта, разоблачал его взгляды на искусство как на некую надклассовую сферу, как на искусство ради искусства. Он требовал от него и ему подобных:

Примкните же к какому-нибудь стану!
Позор — вкушать заоблачный покой;
Стих, как меч, врагу наносит рану, —
Разите ж им, вступив в великий бой!

Марксы подружились с поэтом. Руге порицал эту дружбу. В связи с выпадами Руге против Маркса из-за Гервега нам нужно остановиться здесь на одном внешне второстепенном инциденте, который, однако, имеет непосредственное отношение к нашей теме, ибо, по словам Руге, он послужил поводом к его разрыву с Марксом. (На самом деле причина разрыва была более глубокая и тоже на принципиальной почве.)

К этому времени относится увлечение поэта Гервега графиней д'Агу, известной писательницей, выступавшей в печати под псевдонимом Даниэль Штерн. Ее перу принадлежит ряд статей по вопросам литературы и искусства. Она является также автором двухтомной истории революции 1848 года⁴. Одно время д'Агу была интимным другом знаменитого композитора Листа⁵. После разрыва с ним она сдружилась с Гервегом⁶.

Между прочим, сравнив, как вели себя Руге и Маркс в щепетильном интимном деле Гервега, мы видим, насколько молодой Маркс стоял выше филистерски настроенного Руге. Руге сам передает нам этот спор в следующих словах: «Разгорячившись, я несколько раз назвал его (Гервега. — П. В.)

люмпеном... Маркс молчал, а затем вежливо попросился со мной... На следующее же утро он написал мне примерно следующее: «Гервег — гений и имеет перед собой великое будущее», он (Маркс. — П. В.) выражает свое негодование по поводу того, что я назвал его люмпеном и что... мои взгляды на брак являются негуманными и филистерскими»⁷.

Однако подлинная причина расхождения между Марксом и Руге, приведшего к полному отчуждению и вражде, была совсем иная, и, разумеется, она не материального характера, как это пытался позднее объяснить Руге. Верно то, что финансовые дела «*Jahrbücher*» шли из рук вон плохо. Руге обвинял в этом Маркса, который, по его мнению, не подходил для роли редактора-администратора. Действительно, сила и гений Маркса заключались не в хозяйственно-административной области; между прочим, Руге, как человек состоятельный и практичный (в ту пору он сумел умножить свое состояние различными спекулятивными сделками), очень удачно эксплуатировал беспомощность Маркса в денежных делах. Вместо редакторского жалованья он расплатился с ним экземплярами «*Jahrbücher*», когда тот был уже запрещен к продаже.

Главная же причина их расхождения коренилась в идейной позиции, занятой Марксом, что все больше и больше отдаляло его от Руге.

Руге оставался мелкобуржуазным демократом. Маркс шел к коммунизму. Письма и статьи Маркса, печатавшиеся в «*Jahrbücher*», как раз отражали его переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Статья Маркса «К еврейскому вопросу» (направленная против Бруно Бауэра), а в особенности статья «К критике гегелевской философии права. Введение» явились не только важнейшим этапом на его пути к коммунизму, но и означали переворот в его мировоззрении.

«В своих статьях в этом журнале, — говорит В. И. Ленин, — Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*»⁸.

Свой идейный разрыв с Руге Маркс четко формулирует в газете «Vorwärts» летом 1844 года, где дает анализ Силезского восстания. На опыте этого восстания Маркс выдвигает уже идею о революционно-освободительной миссии пролетариата.

Во время пребывания четы Марксов в Париже их постоянным гостем был великий поэт и сатирик Генрих Гейне.

Женни и Карл высоко ценили поэта и прощали ему многие слабости, считая, что его нельзя мерить обычным мерилом. Как известно, они взяли его под свою защиту даже от нападок Берне. Гейне и Гервег восторгались Женни Маркс, ее умом, тонким литературным вкусом, эрудицией и здравым суждением. «...Гейне, — говорит Лафарг, — побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены»⁹. Ей на суд приносил он рукописи своих самых лучших вещей, вышедших из-под его пера в эти годы; среди них, между прочим, такой шедевр, как «Ткачи». Свою замечательную поэму «Германия. Зимняя сказка» еще до издания ее в Германии Гейне представил на суд Женни. В 1844 году Гейне писал Марксу из Германии (где он временно находился): «Я привезу Вам в Париж начало книги, она состоит из одних романсов и баллад, которые понравятся Вашей жене. Моя искренняя просьба передать ей сердечный привет, я рад, что скоро увижу ее»¹⁰.

В присутствии Женни читались впервые знаменитые строки из «Зимней сказки», которые начинались так:

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем;
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.
При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
И пусть ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

Вот что рассказывает Элеонора Маркс об этом периоде: «Было время, когда Гейне изо дня в день приходил к Марксам, чтобы им читать свои стихи и выслушать мнение обоих Марксов. Какой-нибудь

стих из восьми строк Гейне Марксы могли оба перечитывать без конца, какое-нибудь одно слово так долго дискутировали, так долго шлифовали, пока все было сглажено и всякая шероховатость исчезала. А это требовало большого терпения, потому что Гейне болезненно реагировал на всякую критику. Он приходил буквально в слезах к Марксу, если какой-нибудь литератор задевал его в печати. Маркс не знал другого средства в этих случаях, как призвать на помощь свою жену, остроумие и любезность которой тотчас урезонивали павшего духом поэта». «...Не всегда Гейне приходил за помощью к Марксам, иногда — с целью помочь, — пишет Элеонора. — Один такой случай очень запомнили Марксы. У шестимесячной Дженни внезапно начались судороги, которые грозили смертельным исходом. Маркс, его жена и ее верная помощница Елена Демут стояли растерянные и отчаявшиеся вокруг ребенка. В этот момент пришел Гейне... Он сам приготовил ванну, положил туда ребенка и спас Дженни жизнь»¹¹.

Когда Марксу грозила высылка из Парижа, он искренне признался, что более всего ему жаль расставаться с Гейне и он охотно бы его увез с собой.

Небезынтересно отметить, что упомянутый граф Люций Шверин фон Крозигк, который в своей книге пытается набросить флер дружелюбия на отношения Женни с ее дворянскими сородичами, всячески старается очернить товарищеские отношения Карла и Женни Маркс с друзьями, с поэтами, в частности с Гейне¹². При этом он ссылается на отдельные замечания Гейне в адрес коммунистов, оброненные поэтом в минуты тяжелой болезни. Но граф умышленно замалчивает, что, стоя уже у края могилы, прощаясь навсегда с жизнью, Гейне благословлял коммунистов, которые нанесут в будущем окончательный и смертельный удар «потомкам, обломкам тевтонов». Гейне писал: «И теперь, когда меч падает из моих рук — рук умирающего, я утешен сознанием, что коммунизм, которому они первые попадутся на дороге, нанесет им последний удар; и, конечно, не ударом палицы уничтожит их гигант, нет, он просто раздавит их ногами, как давят жабу»¹³.

Как мы уже говорили, Маркс очень любил поэзию и поэтов. Он их растил и лелеял. Так же бережно, как к Гейне, Маркс относился к Фрейлиграту, особенно в период его расцвета.

А граф Шверин фон Крозигк пишет, что «Фрейлиграт перестал петь из-за Маркса». Ведь именно Маркс поучал Вейдемейера в отношении Фрейлиграта: «...поэт — каков бы он ни был как человек — нуждается в похвалах и поклонении»¹⁴. Фрейлиграт позднее «перестал петь» потому, что он потянулся к золотому тельцу. Поэтической музе он предпочел прозаическую, но доходную коммерцию.

Париж тех лет был полон эмигрантов. Со многими из них Карл и Женни поддерживали тесные отношения. Кроме Гейне и Гервега Женни называет в своих воспоминаниях Гесса (видный представитель «истинного социализма» в 40-х годах), немецкого врача Эвербека и немецкого публициста Мойрера (руководители парижской общины Союза справедливых), Бернайса (немецкий демократический публицист, член редакции «Vorwärts»). Они встречались и с некоторыми русскими, проживавшими там: Г. М. Толстым (помещик из Казанской губернии), П. В. Анненковым (помещик, либеральный литератор), М. А. Бакуниным.

Маркс завязывает отношения не только с руководителями Союза справедливых, но и с вождями французских тайных рабочих организаций. Очень часто он вместе с Женни посещает открытые собрания немецких ремесленников, которые обычно проводились в кафе. В донесении полицейского осведомителя, который особенно «заботился» о молодежи, подчеркивается опасный характер выступлений Маркса. «Полиция, вероятно, знает, — писал осведомитель, — что там каждое воскресенье собирается много немцев, но она, вероятно, не знает, какова их цель. Я пишу вам это очень спешно, чтобы Маркс, Гесс, Гервег... не могли продолжать таким образом ввергать в несчастье молодых людей...»¹⁵

В Париже Маркс и Женни, посещая пропагандистские кружки и рабочие кварталы, получили

возможность ближе познакомиться с настроениями, бытом и жизнью рабочих. Они нашли здесь иную обстановку, иной ритм и темп жизни, а главное — совсем другой пролетариат, чем в Германии.

Опыт двух революций закалил французского рабочего. Рабочие убедились, что буржуазия предательски использует их «для таскания каштанов из огня», а на следующий день после победы революции надевает на них снова ярмо нищеты и эксплуатации, чтобы самой опять приняться за свое излюбленное занятие — «Enrichisser» («Обогащайтесь!»). И Женни, и Маркс были в восторге от убежденности рабочих, их готовности к самопожертвованию. Свое восхищение ими Маркс выразил в следующих строках: «...человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загорелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»¹⁶. В письме к Фейербаху от 11 августа 1844 года он писал: «Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей. Английский пролетарий тоже делает гигантские успехи, но ему недостает культуры, присущей французам. Я не могу также не отметить теоретических заслуг немецких ремесленников в Швейцарии, Лондоне и Париже. Только немецкий ремесленник все еще чересчур является ремесленником.

Но, во всяком случае, история готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека»¹⁷.

Восхищаясь рабочими, их активным участием в подпольных тайных организациях, Маркс отнюдь не был в восторге от программ и руководителей этих обществ. Поэтому-то Маркс формально и не входил ни в один из таких союзов. «Во время своего первого пребывания в Париже, — писал он, — я поддерживал личный контакт с тамошними руководителями Союза, а также с вождями большинства тайных французских рабочих обществ. не входя, однако, ни в одно из них»¹⁸.

Маркс критически относился к руководителям французских тайных обществ: к Кабе, который

верил в возможность осуществления коммунизма с помощью одной лишь пропаганды и просвещения без революционного движения, к Бланки, который считал, что переход от капитализма к социалистическому обществу лежит через заговоры и путчи. Неприемлемо Маркс относился и к «вождям» немецких тайных обществ, вчерашним его попутчикам Гессу, Грюну и др.

В это время Маркс поддерживал хорошие отношения с Бакуниным. Со слов самого Бакунина мы знаем о том, какое большое впечатление производили на него высказывания Маркса. Даже много лет спустя, в 1871 году, уже после расхождения с Марксом, Бакунин признавал во «Французской рукописи», что во время пребывания в Париже Маркс оказывал на него большое влияние: «Маркс был тогда гораздо более крайним, чем я, да и теперь он если не более крайний, то несравненно учнее меня. Я тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым-материалистом и сознательным социалистом... Мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за его знания и за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата... Он называл меня сентиментальным идеалистом и был прав»¹⁹.

В 1844 году на совещании по вопросу о «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», которым Маркс стремился придать интернациональный характер, присутствовали также русские: Бакунин, Боткин и Толстой. Но Бакунин и другие, будучи мало связанными с рабочим движением, всю пропаганду сводили большей частью к дискуссиям в своем узком кругу. Из воспоминаний Герцена мы знаем, что К. Фогт однажды покинул Бакунина с друзьями поздно ночью, когда они горячо спорили о «Феноменологии духа» Гегеля. Придя на следующее утро, он застал ту же компанию в тех же позах, окутанную табачным дымом и продолжавшую тот же ночной спор.

Для Маркса это был уже пройденный этап. Он далеко продвинулся вперед в философии, вырабатывая совершенно новое, революционное, научное,

материалистическое мировоззрение. Теперь он продолжал упорно работать в области политической экономии и других наук. Об этом свидетельствует и Бакунин, близко наблюдавший Маркса в этот период: «Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал так умно, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время (то есть в 1843 — 44 гг.) наука экономическая. С особенным тщанием изучал он английских экономистов... Но ко всему этому г. Маркс прибавлял еще два новых элемента: диалектику самую отвлеченную, самую причудливо тонкую, которую он приобрел в школе Гегеля и которую доводит нередко до шалости, до разврата, и точку направления коммунистическую. Г. Маркс перечитал, разумеется, всех французских социалистов от Сен-Симона до Прудона включительно»²⁰.

Вообще 1844 год можно считать переломным в жизни Маркса.

В Париже Маркс основательно изучал историю французской революции, эпоху Реставрации и даже собирался написать работу о Конвенте. Судя по некоторым письмам Женни, свидетельницы и участницы этих занятий, она и сама в ту пору занималась историей французской революции.

В этот период Маркс систематически и упорно продолжал свои занятия политической экономией, которые начал в Крейцнахе в 1843 году²¹. «Мои исследования привели меня к тому результату, — писал он, — что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть понятны ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...»²²

Отталкиваясь от идеалистической диалектики Гегеля и от созерцательно-антропологического материализма Фейербаха, Маркс шел к диалектическому и историческому материализму.

Именно с этого периода начинается формирование истинно революционных взглядов Маркса, т. е., говоря словами Ленина, он делается «основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*, неизмеримо более богато-

го содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма...»²³.

Летом 1844 года Маркс сотрудничает в газете «Vorwärts», где выступает со статьями. Так, например, в августе были напечатаны «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»», в которых он четко формулирует свой разрыв с Руге. Это был ответ Маркса на статью Руге под псевдонимом «Пруссака».

К чести Женни, надо сказать, что она не ограничивалась ролью хозяйки дома и заботливой матери своего первенца или ролью стороннего наблюдателя. До приезда Энгельса в Париж она оставалась единственным человеком, понимавшим Маркса, разделявшим его взгляды и одобрявшим расхождение со вчерашними временными попутчиками. В ранее приведенных письмах Женни мы видели, как она, еще будучи невестой, расширяла свой умственный кругозор, чтобы быть достойной подругой Маркса. Уже тогда вместо прогулок и балов она подолгу штудировала Гегеля и младогегельянцев, бывших властителями дум ее поколения. Об этом свидетельствует письмо Маркса к Фейербаху, в котором он пишет, имея в виду увлечение Женни в 1843 году «Сущностью христианства» Фейербаха: «Вы не представляете себе, сколько приверженцев у Вас среди прекрасного пола»²⁴. В Париже Женни не только много читает, но и участвует в рабочем движении. Она старалась не отстать от Карла. А быть на уровне Маркса значило не только овладеть передовыми идеями века, но и заглядывать в будущее, т. е. знать больше своих современников и видеть дальше их. Не все из окружения Карла и его вчерашних друзей выдерживали семимильный шаг этого гиганта-мыслителя. Он так быстро шел вперед, что они не поспевали за ним, отставали и оставались позади, и это расстояние со временем все увеличивалось и увеличивалось.

Об идейном росте Женни свидетельствуют письма, которые она летом 1844 года писала Марксу из Трира, где гостила у матери со своим первенцем — дочуркой Дженни.

В это время к союзу Карла и Женни присоединился третий единомышленник и друг — Энгельс, который в августе 1844 года ненадолго приезжает в Париж. Здесь и зарождаются то замечательное сотрудничество и беспримерная в истории дружба, которые навсегда соединили Маркса и Энгельса. Их отношения, по словам Ленина, «превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»²⁵. Маркс и Энгельс набрасывают план издания памфлета против Бруно Бауэра и других младогегельянцев, которые к этому времени проделали эволюцию вправо. Свои разногласия с младогегельянами и Бауэром Маркс и Энгельс изложили в первой совместной работе «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

Женни, как видно по ее письмам из Трира, внимательно следит за полемикой, возникшей между Марксом и его вчерашними единомышленниками. Так, она спрашивает по поводу статьи Маркса, направленной против Руге и напечатанной в «Vorwärts»: «Как реагировал этот болван на твою статью? Он взял реванш, ответил или умолчал?»

Описывая религиозное празднество в Трире, Женни приходит к заключению: «Все люди здесь точно с ума сошли. Как это надо понимать? Верно ли это симптом того, что скоро все полетит вверх тормашками, или до этого еще далеко? И у вас там тоже все скоро полетит к черту...?»²⁶

Характерно, что в этих письмах она дает очень зрелый политический анализ Германии тех дней. В письме от 21 июня 1844 года, с издевкой высмеивающем местных филистеров, «которые слишком много говорят о постоянном доходе», Женни пишет: «Все они еще надеются, что ты решишься занять какую-нибудь постоянную службу». В конце письма она восклицает: «О вы, ослы! Разве вы сами стоите крепко на ногах? Я знаю, что и мы не находимся на скале. Но где теперь найти твердую почву? Разве не чувствуются всюду следы земных колебаний и подземных взрывов почвы, на которой общество построило свои храмы и магазины? В Бреславле уже снова произошли события» (речь идет о восстании силезских ткачей. — П. В.)²⁷.

Письма Женни, написанные в 1844 году, говорят о том, что за короткий парижский период она обогатила свои знания новыми открытиями, внесенными Марксом в общественные науки.

Ее письма изобилуют самостоятельными суждениями, притом облаченными в такую оригинальную литературную форму, что Маркс даже позаимствовал из них отдельные мысли для своей статьи против Руге. Это, наверное, единственный «плагиат», совершенный Марксом за всю жизнь. Однако широко известно, что между Марксом, Энгельсом и Женни никогда не поднимался вопрос, касающийся авторства и литературной собственности.

Обычно же происходило обратное: Маркс, как открыватель новых истин и прокладыватель новых путей, сам неизменно оказывался жертвой плагиаторов. Причем последние, обкрадывая Маркса, нещадно извращая мысли и перевирая текст, его же и поносили. Этот единственный случай «плагиата» Маркс искупил тем, что одно письмо Женни к нему, написанное по поводу неудавшегося покушения бывшего бургомистра на короля Фридриха-Вильгельма IV, передал для опубликования в газете «Vorgwärts» под заголовком: «Из письма одной немецкой дамы». Это действительно интересное письмо, и хочется привести его здесь.

«Мой дорогой, — писала Женни, — я получила твое письмо как раз тогда, когда здесь трезвонили во все колокола, палили все пушки и благочестивая толпа устремила в храм, чтобы вознести хвалу небесному владыке за чудесное спасение владыки земного... Разве не сжалось от ужаса твое прусское сердце, когда ты узнал о злодеянии, об этом неслыханном, невообразимом злодеянии! О, девственность — она утрачена, потеряна честь! — несется сегодня стон по всей Пруссии.

Когда я услышала, как кавалерийский капитан Г., этот желторотый болван, разглагольствует о том же, я, естественно, подумала, что он имеет в виду пресвятую деву Марию, ибо только ее девственность установлена официально. Но ведь говорят о девственности прусского государства! Даже трудно представить, что она когда-нибудь суще-

ствовала. Невинные пруссаки могут, правда, утешиться тем, что поводом для покушения был не политический фанатизм, а жажда чисто личной мести. Что же, если их это может утешить, пусть утешаются. Тем более что для них это служит доказательством того, что в Германии политическая революция невозможна. И это тогда, когда все условия социальной революции налицо... Даже это покушение — тоже по социальным мотивам. И если здесь что-нибудь разразится, то именно по тем же мотивам, ибо немецкое сердце как раз тут-то наиболее чувствительно и ранимо»²⁸.

Этот выстрел, раздавшийся в реакционной Германии, привлек к себе внимание и за границей. Были отклики и в прессе. О покушении писал также поэт Гервег в письме к своему другу Марии д'Агу. Но как ярко, талантливо и умно по сравнению с другими писала о случившемся Женни Маркс! Ее высказывание о том, что в Германии имеются все предпосылки для социальной революции, Маркс привел в своей статье против А. Руге, опубликованной в газете «Vorwärts».

Письма Женни стоят на уровне эпистолярного искусства. Даже Маркс — великий знаток языка — был высокого мнения о литературном стиле Женни. О письмах юной Женни Карл писал в письме к отцу: «Я уже двенадцать раз перечел ее письмо и всякий раз нахожу в нем новую прелесть. Оно во всех отношениях — также и в стилистическом — прекраснейшее письмо, какое только может написать женщина»²⁹.

Стиль Женни не тускнеет и спустя несколько десятков лет; в 1869 году Маркс в письме к дочери Лауре отмечает, что Женни — «настоящий виртуоз в эпистолярном искусстве»³⁰.

В связи с этим интересно отметить, что Женни не только сама легко и изящно писала, но и брала даже на себя роль критика стиля Маркса. В самый ранний период своей журналистской деятельности Маркс еще не владел тем блестящим слогом, в котором, по выражению Либкнехта, «соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте»³¹. В те времена по вопросам стиля Женни-ученица выступала

в роли учителя. В письме от 21 июня 1844 года она поучала Маркса:

«Не пиши так желчно и раздраженно. Ты знаешь, насколько сильнее воздействовали твои другие статьи. Пиши по существу, но тонко, или с юмором, легко. Пожалуйста, мой дорогой, мой любимый, дай перу свободно скользить по бумаге: не беда, если оно где-нибудь споткнется или даже целая фраза будет неуклюжей. Ведь мысли твои все равно сохранятся. Они стоят в строю, как гренадеры старой гвардии, исполненные мужества и достоинства, и могут тоже сказать: «Elle meurt, mais elle ne se rend pas» («Гвардия умирает, но не сдается»). А что, если мундир будет сидеть свободно, а не стеснять. Как естественно и непринужденно выглядят французские солдаты в их легкой униформе. И вспомни наших неуклюжих пруссаков; разве они не внушают тебе отвращения! Пусть легче дышится — ослабь ремень, освободи ворот, сдвинь шлем, дай свободу причастным оборотам, пусть слова ложатся так, как им удобней. Армия, идущая в бой, не обязательно должна маршировать по уставу. А разве твое войско не идет в бой?! Желаю счастья полководцу...»³²

Париж стал вскоре городом настоящего изгнания Марксов. Прусское правительство по-прежнему продолжало слежку. За острые и смелые статьи в «Deutsch-Französische Jahrbücher» оно в апреле 1844 года, как уже отмечалось выше, наградилло Маркса министерским указом, воспрещавшим возвращение на родину под страхом ареста. После революционных статей Маркса в «Vorwärts» прусскому правительству этого показалось недостаточно, и оно энергично содействовало приказу о высылке Маркса из Парижа.

«...В начале 1845 года, — пишет Женни в своих воспоминаниях, — к нам явился полицейский комиссар и предъявил приказ о высылке, изданный Гизо по наущению прусского правительства. Приказ гласил: «Карл Маркс должен покинуть Париж в течение 24 часов»»³³.

Высылке подлежали и некоторые другие эмигранты, такие, как Руге, Бернайс, Гервег, но почти

всем им удалось отделаться от кары. Руге, в частности, вымолил себе пощаду путем заискивания перед властями; Гервег сослался на свое швейцарское подданство и т. д. Несколько позже, в декабре 1845 года, когда Марксу надоели преследования полиции, он отказался от прусского подданства, но и в другое не перешел. Отсутствие подданства впоследствии причинило Марксу немало хлопот и затруднений.

Получив приказ о высылке, Маркс решил переехать в Брюссель. Но для этого требовались средства, а положение семьи было самое отчаянное. Мы видели, с какими «капиталами» вступил Маркс в семейную жизнь. Не лучше было и потом: с самого начала работы в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» Маркс почти не получал своего редакторского жалованья.

Здесь мы в первый раз встречаемся с Энгельсом в неизменной и обычной для него в дальнейшем роли спасителя Маркса. В эти трудные для Маркса дни его сторонник и единомышленник проявил безграничную отзывчивость, приложив все усилия к тому, чтобы вывести друга из беды. Он собрал среди друзей деньги, необходимые для покрытия непредвиденных расходов Маркса в связи с неожиданной высылкой. Более того, Энгельс писал Марксу в феврале 1845 года: «Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения». «Так как я не знаю, хватит ли этих денег, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, я с величайшим удовольствием предоставляю в твое распоряжение свой гонорар за первую английскую работу («Положение рабочего класса в Англии»). — П. В.)...».

В том же письме Энгельс пророчески заметил по поводу решения Маркса поселиться в Брюсселе: «Боюсь, впрочем, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется, в конце концов, переехать в Англию»³⁴.

Брюссельское изгнание

Маркс перекочевал в Бельгию. Вслед за ним тронулась в путь и Женни с крошечной дочуркой. Для этого ей пришлось продать мебель и даже часть белья. «Продавать пришлось за бесценок, так как на переезд нужны были деньги, — пишет Женни в своих воспоминаниях. — На два дня меня приютили Гервеги. В начале февраля, больная, в страшный холод я последовала за Карлом в Брюссель»¹.

В поисках самой дешевой квартиры из-за отсутствия средств Марксам пришлось и в Брюсселе несколько раз менять свое пристанище. После короткого пребывания в гостинице Буа де Соваж они поселились в маленьком домике на улице д'Альянс, где прожили около года. Затем они перекочевали в квартирку на площади Сен-Гюдюль. Оттуда — на улицу д'Орлеан. Затем — снова на площадь Сен-Гюдюль. В общей сложности они прожили в Брюсселе около трех лет.

Через некоторое время в Брюссель, город, который тоже оказался лишь временной остановкой на их длинном скитальческом пути, к Марксам пришла Елена Демут.

До сих пор считалось, что Елена Демут приехала впервые к Марксам только в апреле 1845 года в Брюссель, после их высылки из Парижа. Между тем Фриц Шредер в своей статье «Ленхен Демут»², посвященной 130-летней годовщине со дня ее рождения, приводит новые данные, позволяющие установить истину.

Заметим, кстати, что эти данные проливают новый свет на личность Демут, на ее бескорыстную преданность Женни и Карлу Марксу.

Оказывается, Елена Демут еще раньше поехала с ними в добровольное изгнание в Париж.

Когда Маркс был выслан из Парижа, его семья оказалась в очень тяжелом материальном положении. Отлично понимая, что привязанная к его семье Елена Демут обречена и в будущем делить с ними лишения дальнейших ссылок, преследований и нужды, Маркс дружески посоветовал ей вернуться назад в Германию. Она согласилась и обещала так поступить. Но расстаться с ними навсегда... она не смогла. Что же сделала Елена? Упаковала вещи в сундук и уехала из Парижа. Однако свой знаменитый немецкий сундук она отправила не в Германию, а в... Брюссель, куда поехали Марксы, а затем явилась к ним и сама...

Елена Демут девятилетней девочкой попала в дом баронессы фон Вестфален — матери Женни, которая затем передала ее дочери «как самое лучшее из всего, что могла ей дать». Елена Демут последовала с Марксами в изгнание и в течение всей жизни не расставалась с ними, делила все их радости и печали. Она совмещала в себе и друга, и помощницу: ведала хозяйством, готовила, шила, стирала³. Трудно представить, что было бы с Женни и ее детьми в дальнейшем, если бы у нее не было такой верной помощницы.

Женни всегда очень ценила свою славную помощницу и неизменного друга. В одном письме к Вейдемейер она писала уже много лет спустя: «В домашнем быту рядом со мной все еще стоит Ленхен, преисполненная самозабвенной преданности. Спросите своего любезного мужа, он вам разъяснит, какую драгоценность представляет она для меня. В течение 16 лет она шагала с нами сквозь бури и ненастья».

В то же время Елена, этот «добрый ангел дома», как ее называли дети, понимала смысл и значение работы Маркса. Следует сказать, что и Маркс считался с Еленой и даже побаивался ее. Наряду с Женни, госпожой, хозяйкой дома, Елена была диктатором в семье. «...Ленхен была диктатором, — говорил Либкнехт, — а жена Маркса — повелительницей. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок»⁴.

Маркс любил играть с ней в шахматы, но только не любил и даже сердился, когда она его обыгрывала. Карл Маркс подолгу беседовал с Еленой Демут, находя, что в ней заложены здоровый крестьянский инстинкт и крепкая народная мудрость.

Елена Демут пережила Женни и ухаживала за Марксом до последней минуты его жизни.

Этот последний момент, когда Энгельс посетил Маркса, он так описал: «...славная старая Ленхен, ухаживавшая за ним так, как ни одна мать не ухаживает за своим ребенком, поднялась наверх и тотчас же вернулась: он в полусне, мне можно к нему подняться. Когда мы вошли, он спал, но спал вечным сном»⁵.

После кончины Женни и Карла Маркса Елена Демут переехала к Энгельсу. В 1890 году ее не стало. Энгельс писал Зорге по поводу этой утраты: «Сегодня я должен сообщить тебе печальное известие. Вчера днем после непродолжительной и не очень мучительной болезни тихо скончалась моя добрая, дорогая, верная Ленхен. Мы прожили с ней в этом доме семь счастливых лет. Мы были двое последних из старой гвардии времен до 1848 года. Теперь я снова остался один. Если в течение долгих лет Маркс, а в эти семь лет я мог спокойно работать, то этим мы в значительной степени обязаны ей. Что будет теперь со мной, не знаю. Мне также сильно будет не хватать ее исключительно тактичных советов в партийных делах»⁶.

Энгельс, выполняя волю Женни и Маркса, похоронил Елену Демут в их семейной могиле.

В апреле 1845 года в Брюссель приехал Энгельс. Теперь наконец состоялось личное знакомство его с Женни Маркс, которая отсутствовала при его первом визите к Марксу в 1844 году. Она была рада познакомиться с верным другом Маркса и присоединиться к их дружественному союзу; кроме того, ей приятно было встретиться с Энгельсом как автором книги «Положение рабочего класса в Англии» (вышедшей в конце мая 1845 года).

Летом Маркс и Энгельс поехали в Англию. Они посетили Лондон, Манчестер. Это почти полутора-

месячное путешествие, во время которого Маркс впервые побывал в стране классического капитализма, имело огромное значение не только для теоретических занятий Маркса, но и для его знакомства с рабочим движением, установления контакта с руководителями этого движения.

Во время отсутствия Маркса Женни отправилась к матери в Трир, чтобы показать ей свою новорожденную дочь Лауру.

В Брюсселе у Марксов родилось двое детей: 26 сентября 1845 года — вторая дочь Лаура, а в феврале 1847 года — сын, названный Эдгаром в честь брата Женни.

И вот спустя четыре года после свадьбы мы уже видим Женни в роли матери троих детей, отягощенной заботами, которые несет материнство революционеркам; жизнь в изгнании, полная преследований, нищеты и гонений. Женни мужественно переносила все трудности, предпочитая деятельную жизнь и борьбу в таких передовых странах, как Франция или Бельгия, чем прозябание в отсталой Германии. Вот что писала Женни в несколько иронической форме Марксу из Трира (где гостила у матери в 1845 году): «...женщины, назначение которых рожать детей, шить, стряпать и латать, должны воздать хвалу презренной Германии. Иметь ребенка там почетно, а половник и игла в некоторой степени считаются еще предметом украшения. Кроме того, за дни, проведенные в стирке, шитье и возне с детьми, там нас вознаграждает душевное спокойствие и сознание выполненного долга.

Однако с тех пор, как старые понятия вроде долга и чести потеряли всякое значение, то и сама как бы становишься передовой и начинаешь считать старые лозунги отживающими свой век; временами ощущаешь даже приступы штирнеровского эгоизма и уже не тянет к маленьким житейским обязанностям, а хочется самой испытать счастье быть человеком»⁷.

Повседневная жизнь трепала Женни с первого дня замужества, но потребовалось два-три десятка тяжелых лет эмиграции, чтобы надломить ее физически. Морально же, духовно Женни никогда не

была надломлена. Волевая, крепкая духом, глубоко верящая в правое дело Маркса, она смело шла вместе с ним навстречу житейским бурям.

Говоря иронически «о приступах штирнеровского эгоизма», Женни имеет в виду книгу Макса Штирнера (псевдоним Иоганна Каспара Шмидта) «Единственный и его собственность»⁸, в которой автор, исходя из идеалистических воззрений и индивидуалистических постулатов младогегельянцев, делает самые крайние выводы в сторону анархизма. Как раз в это время Маркс и Энгельс стали готовить отповедь Штирнеру.

Необходимо отметить также еще одну характерную черту Женни.

Уже этот период деятельности Маркса был черват разрывом со вчерашними единомышленниками. Женни при всей женственности и мягкости в каждом случае принципиальных расхождений во взглядах занимала непримиримую позицию, свойственную настоящему борцу. В письме от 24 марта 1846 года к Марксу из Трира она очень резко отзывается о Гессе — представителе «истинных социалистов»: «... и если такие люди, как Гесс, которые действительно являются чистейшими идеологами, которые, собственно, не существуют во плоти и крови, а имеют об этом лишь самые абстрактные понятия, если такие люди внезапно объявляют вопросы пропитания целью жизни, то они неизбежно должны выродиться в фантазеров... Гесс вечно будет убаюкивать себя несбыточными планами, но всегда при этом будет оказывать на людей какое-то таинственное, необъяснимое, магическое влияние... Это тоже является его профессией — играть роль пророка и верховного жреца...»

В этом же письме Женни поторапливает Маркса с критикой Штирнера, т. е. с окончанием работы над «Немецкой идеологией»: «... как обстоит дело с Штирнером и прогрессом? Во всяком случае займись книгой. Время неотступно этого требует. Шлейхер уже дважды об этом спрашивал и очень горько жаловался на литературу, которая ему попадает. Они все носятся с Руге и не знают, что к чему... Фальшивые пророки так испоганили всю почву...»⁹

В Брюсселе Маркс и Энгельс проделали огромную теоретическую работу и развили большую практически-организационную деятельность, в которой им посильно помогала Женни. Они основывают Немецкое рабочее общество, где Маркс читает свои известные лекции «Наемный труд и капитал».

В работе Немецкого рабочего общества принимала непосредственное участие и Женни. Она выступала с чтением литературных произведений. Об одном ее выступлении на новогоднем банкете общества была даже напечатана заметка в «Deutsche-Brüsseler Zeitung», где, между прочим, говорилось: «После банкета состоялась музыкально-вокальная часть, в которой приняла участие г-жа Маркс. Она обнаружила при этом свой гениальный декламаторский талант... Производит радостное впечатление, когда видишь, как выдающиеся женщины работают для дела просвещения пролетариата, подавая тем самым поучительный пример другим»¹⁰.

Брюссельский период имел огромное значение как в жизни Маркса, так и для истории международного рабочего движения. Здесь Карл Маркс отчасти выполнил те великие задачи, которые поставила перед ним эпоха. Он разработал научное мировоззрение — диалектический материализм (идеологию нового класса) и создал коммунистическую партию, придав ей интернациональный характер. Маркс и Энгельс развернули энергичную работу по слиянию подпольных разрозненных кружков в одну интернациональную партию. С этой целью Маркс и Энгельс создают в январе 1846 года в Брюсселе коммунистический корреспондентский комитет, с помощью которого устанавливают связи с руководителями Союза справедливых в Лондоне и общинами этого союза в Париже, с коммунистическими группами в Германии, Польше, а также с левыми чартистами. Комитет должен был подготовить образование пролетарской партии.

Маркс и Энгельс вступили в тайную организацию рабочих, существовавшую много лет, — Союз справедливых. Они его реорганизовали в Союз коммунистов.

Но формирование совершенно нового, научного мировоззрения было невозможно без того, чтобы не разделаться критически со всей предшествующей идеологией, и в особенности с мелкобуржуазными теориями социализма.

Ленин, подчеркивая эту заслугу Маркса, писал, что Маркс и Энгельс «выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма...»¹¹.

В «Святом семействе, или Критике критической критики» Маркс и Энгельс рассчитываются с младогегельянцами, в резкой форме обрушиваются на их субъективистские взгляды и доказывают, что народ, массы, а не критически мыслящие личности являются единственным творцом, «демиургом истории». В «Тезисах о Фейербахе» (1845 год) Маркс подвергает суровой критике метафизический, пассивно-созерцательный характер его материализма: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹².

Критика буржуазных и мелкобуржуазных воззрений дана Марксом и Энгельсом в их совместном труде «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков» (1845 – 1846 годы). В этой работе уже содержатся зародыши нового мировоззрения: общественное бытие людей определяет их сознание.

В «Нищете философии» (1847 год), которая является ответом на «Философию нищеты» Прудона, Маркс разделяется с мелкобуржуазным утопизмом, не оставляя камня на камне от его стремления устранить язвы капитализма, сохранив саму систему капитализма и суть капиталистических производственных отношений.

Наконец всю эту огромную работу Маркс и Энгельс завершают «Манифестом Коммунистической партии» – документом, всемирно-историческое значение которого достаточно известно. Ленин еще в 1895 году сказал о «Манифесте»: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее

живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»¹³.

И этого всемирно-исторического документа коснулась рука Женни. На единственной сохранившейся странице рукописи первые две строки написаны ею — явное доказательство того, что она помогала Марксу в его работе с самого начала.

«Коммунистический Манифест» был написан Марксом и Энгельсом по решению второго конгресса Союза коммунистов, состоявшегося в Лондоне в декабре 1847 года, где впервые прозвучал знаменитый лозунг основоположников коммунизма: «Пролетариям нечего терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В Брюсселе для политических друзей были всегда широко открыты двери дома Марксов. Радужная и гостеприимная хозяйка принимала у себя помимо Фридриха Энгельса, переехавшего в Брюссель в апреле 1845 года, Вильгельма Вольфа (Лупуса) — пролетарского революционера, который оставался всю жизнь соратником и другом Марксов и о котором Женни всегда очень тепло отзывалась. Вольф был видным деятелем Союза коммунистов и одним из редакторов «Neue Rheinische Zeitung». В доме Марксов бывали также Георг Веерт — немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов; Роланд Даниельс — верный, передовой борец за дело пролетариата; Иосиф Вейдемейер — в прошлом офицер, затем журналист, член Союза коммунистов, а позднее участник Гражданской войны в США против рабовладельцев. Здесь впервые Женни познакомилась с поэтом Фрейлигратом, который затем, в 1848 году, сотрудничал вместе с Марксом в «Neue Rheinische Zeitung».

Женни, вспоминая об этом периоде, пишет: «К нам присоединились еще несколько бельгийцев, в том числе Жиго, и несколько поляков. Здесь, в одном из чистеньких кафе, которые мы посещали по вечерам, я впервые познакомилась со старым Лелевелем (польский историк и участник польского восстания. — П. В.) в его синей блузе»¹⁴.

Напряженная и грандиозная по замыслам интернациональная работа Маркса и Энгельса не обходилась без большой борьбы внутри эмиграции. Уровень сознательности формировавшихся кадров в целом был еще не очень высок, но и вожди, которые вели за собой эти массы, сами недалеко ушли от них. Так, в одном из циркуляров Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, посланном 11 мая 1846 года в Америку и направленном против Криге (редактор «Volks-Tribun»), говорилось: «Фантастические сентиментальные бредни, которые Криге проповедует в Нью-Йорке под именем «коммунизма», оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты»¹⁵.

Маркс считал, что в статье Криге, помещенной в «Volks-Tribun», «мы встречаем любовь... в тридцати пяти видах»¹⁶.

Из рассказа Лесснера, передового рабочего, ставшего верным последователем Маркса, мы знаем, что в местных организациях Германии царила идейная путаница: тут были стремления «к республике и братству народов, к свободомыслию, к раннему христианству, к коммунизму...»¹⁷.

В письмах Энгельса к Марксу из Парижа, куда он поехал в 1846 году для организации корреспондентского комитета, мы читаем, что вейтлинговские портные на заседаниях своих кружков могли целыми часами дискутировать по вопросу о том, не следует ли ввиду слишком «коммунистического» обращения с вещами «прикреплять ножки и вилки посредством цепочек». Такие слова, как «гуманность», «кротость», «смирение», «братство», были неизбежным лексиконом в их пропаганде.

Подобный мусор из голов ремесленников нельзя было выколотить без того, чтобы не развенчать его разносчиков, которые возводили в теорию «детские болезни» рабочего движения. Это было еще раз подтверждено на примере с Вейтлингом, которого Маркс и Женни тщетно пытались направить на путь научного коммунизма. На заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 года произошел окончательный разрыв с Вейтлингом. Женни не было на за-

седании (она находилась в отъезде), но, судя по письмам, она целиком одобряла ту тактику, которую проводил тогда Маркс. Сцена разрыва подробно описана Анненковым, присутствовавшим на этом заседании: «... Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими проповедями, какими основаниями оправдываете вы свою деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?..» Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игре в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот...»¹⁸

В письме к Марксу Женни дала убийственную характеристику отдельным представителям ремесленного социализма. В частности, о Вейтлинге она писала: «И вейтлинговское шумное опьянение фантастическими планами тоже очень легко объяснимо. Он, исходя неизменно из сознания ремесленного сословия, ничего высшего не знает, как обнародовать в народной поэзии так называемые «коммерческие часы» и жалкие предприятия, которые выглядят дурацки смешными. Для чувства смешного ему не хватает ума». Это письмо Женни заканчивает, обращаясь к Карлу:

«Как я рада, мой дорогой Карл, что ты сохраняешь при этом всегда ясную голову, проявляешь выдержку и спокойствие. Как я люблю тебя за эту мужественную волю»¹⁹,

Но, солидаризируясь с Марксом в вопросе о размежевании со вчерашними попутчиками, разделяя его непримиримую позицию, Женни в то же время опасается, что Маркс в этой междоусобной войне растрчивает слишком много сил и времени. Поэтому она всячески настаивает на том, чтобы он как можно больше писал. Женни спрашивает в упомянутом письме: «Что останется от них, когда ты ответишь своей критикой?»²⁰

Как всегда бывает в таких случаях, серьезные, принципиальные разногласия обволакивались

чисто личными расхождениями и неприязнью. В это время — в период подъема и нарастания революционной волны — Маркс рвет личные отношения с инакомыслящими, считая такое размежевание необходимым перед боем. Однако не все из сторонников Маркса понимали это. Так, поэт Фрейлиграт писал своему другу: «Либералы, радикалы, социалисты, коммунисты — все они ругают и неистово преследуют друг друга, вместо того чтобы немедленно кинуться на общего врага и уже потом приняться за взаимное уяснение своих принципов»²¹.

Зато Женни целиком одобряла тактику Маркса. Стефан Борн²² рассказывает, как она принялась его хвалить однажды за выступление, направленное против Гейнца. Уже здесь сказалась очень характерная для Женни черта, с которой мы встретимся и позже: в спорах после поражения революции 1848 года и Коммуны 1871 года, а также во время принципиальных разногласий в Интернационале Женни выше всего ставила интересы дела и в этом отношении была свободна от всякой сентиментальности и раболепия. Она, как и Маркс, беспощадно рвала отношения и с самыми близкими друзьями, и с самыми уважаемыми, авторитетными людьми, если они изменяли общему делу. Позже, в период лондонского изгнания, в спорах с некоторой частью эмиграции Женни бывала иногда более непримиримой, чем Маркс.

К брюссельскому периоду относится начало секретарской деятельности Женни, когда она вплотную занялась партийными делами и стала помогать Марксу в теоретической работе.

В письме к Линне Шёлер, своей приятельнице и невесте Эдгара, она пишет об участии, которое принимает в делах Маркса, и о «необходимости взять на себя ведение всей его корреспонденции ввиду его чрезвычайной загруженности»²³. Женни была в курсе всех теоретических работ Маркса, большинство которых ей самой приходилось переписывать. Она всегда подчеркивала, что переписка неразборчиво написанных рукописей Маркса принадлежит к счастливейшим дням ее жизни²⁴. А ведь какой это был сизифов труд, можно судить

хотя бы по тому, что Маркс обычно жаловался на свой плохой почерк, из-за которого сам не мог прочитать того, что написал. Женни принимала участие и в повседневной организационно-политической деятельности Маркса. Все письма и инструкции, относящиеся к этому периоду их жизни, а значит, и к первым годам работы Женни в качестве секретаря и помощника Маркса, написаны ею с большим пониманием людей, дела и обстоятельств.

Упомянутый выше Стефан Борн был поражен, когда впервые увидел Женни в Брюсселе. Прежде всего он обратил внимание на ее активность в политической борьбе, на образованность и высокий интеллектуальный уровень. Он вспоминает, что ему сразу бросилось в глаза глубокое различие, которое лежит между нею и известным типом немецкой Hausfrau (домашней хозяйки). «Жена Маркса всецело жила идеями мужа и, несмотря на то что вынуждена была много сил отдавать домашним делам, была как небо от земли далека от типа немецких домашних хозяек, постоянно вяжущих чулки и стряпающих на кухне»²⁵.

Невзирая на свой багаж с тремя «червячками» (так говорит Женни о своих мальшпах), она ухитряется под их аккомпанемент принимать живейшее участие во всей работе Маркса. В одном из писем Женни писала Лине Шёлер: «Ты не поверишь, милая Лина, как редко у меня выпадают свободные час-другой, но даже самый короткий из них наполнен мелодичным детским дуэтом и трио. Мое время постоянно поделено между большими и малыми делами, заботами повседневной жизни и участием в делах моего любимого мужа».

Занятий у Женни действительно было очень много, особенно если принять во внимание колоссальную деятельность, которую в то время развернули Маркс и Энгельс по пропаганде коммунизма, и их борьбу с представителями мелкобуржуазного «истинного» и утопического социализма, а также формулирование первой программы революционной пролетарской партии, создание органов печати — словом, все то, чем полна была предреволюционная полоса их жизни.

Снова Париж. Изгнание

«Манифест Коммунистической партии» еще брошюровался, когда в Париже разразилась февральская революция 1848 года.

8 февраля 1848 года Маркс от имени бельгийской Демократической ассоциации (вице-председателем которой он состоял) послал французскому правительству адрес с выражением надежды, что соседние с Францией страны последуют ее примеру.

Но когда февральская революция начала перекидываться в другие страны, и в частности стала находить отклик в Брюсселе, отчаяние охватило господствующие классы и заставило объединиться всех «друзей порядка».

«... Грозовые тучи революции, — пишет Женни, — сгущались все больше и больше. Мрачно было и на бельгийском горизонте. Власти опасались прежде всего рабочих, социальной стихии народных масс. Полиция, войска, гражданская гвардия — все было призвано на защиту, все находилось в боевой готовности. Тогда немецкие рабочие решили, что настало время и им взяться за оружие. Были приобретены кинжалы, револьверы и т. д. Карл охотно предоставил для этого деньги: ведь он только что получил свою долю наследства»¹.

Теперь все партии имущих классов, объятые страхом перед революцией, составили единый фронт и в первую очередь принялись искать «подстрекателей». Началась травля эмигрантов и подозрительных иностранцев, которая не могла не коснуться Маркса. Брюссельский период закончился для Маркса и его жены «обычным образом». Вначале был арестован Карл, а вслед за ним и Женни. Вот как это происходило. Днем 3 марта Маркс полу-

чил приказ о высылке из Бельгии. А вечером, едва только у него закончилось заседание (на котором был решен вопрос о перенесении центральной общины Союза коммунистов из Бельгии в Париж и передаче полномочий Марксу), как к нему нагрянула полиция и арестовала его.

Ночью в полном отчаянии и тревоге Женни бежит разыскивать знакомых «влиятельных» лиц, чтобы с их помощью узнать причину незаконного ареста мужа. Она обращается к Жотрану — председателю бельгийской Демократической ассоциации и просит его содействия.

Вернувшись, она встретила у дверей дома полицейских, ожидавших ее возвращения. Обманным путем они уводят ее, оставляя на произвол судьбы троих маленьких детей, последнему из которых не было и года. Женни, обвиненную в «бродяжничестве», запирают в темную камеру, полную проституток и бездомных нищих, которые были поражены, увидев такую статную и красивую даму. «Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму. Это было место, куда помещали бездомных нищих, безродных бродяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темную камеру. Рыдая, я вхожу, и тут одна из несчастных жертв предлагает мне свое ложе. Это были жесткие деревянные нары»², — писала Женни в своих воспоминаниях. Позднее ее под конвоем ведут на допрос к судебному следователю; но, несмотря на двухчасовой допрос, у Женни, разумеется, ничего не вывели.

После освобождения из-под ареста возмущенный Маркс послал протест во французскую газету «La Reforme»: «Немедленно после моего ареста жена моя отправилась к г-ну Жотрану, председателю бельгийской Демократической ассоциации, чтобы попросить его принять необходимые меры. Вернувшись домой, она застала у двери полицейского, который, обращаясь к ней с изысканной вежливостью, сказал, что если она хочет поговорить с г-ном Марксом, то может следовать за ним. Моя жена с готовностью приняла это предложение. Ее провели в полицейское управление, где комиссар прежде всего заявил ей, что г-на Маркса здесь

нет, а затем стал грубо ее допрашивать, кто она такая, зачем она ходила к г-ну Жотрану и имеет ли она при себе документы. Бельгийский демократ г-н Жиго, который сопровождал мою жену в полицейское управление вместе с полицейским, выразил свое возмущение нелепыми и в то же время наглыми вопросами комиссара, но полицейские заставили его замолчать; он был схвачен ими и брошен в тюрьму. Под предлогом обвинения в бродяжничестве мою жену отвели в тюрьму городской ратуши и заперли в темном помещении вместе с проститутками. В 11 часов утра целый эскорт жандармов, сопровождавший ее среди бела дня, доставил ее в кабинет судебного следователя. Два часа ее продержали в карцере, несмотря на самые решительные протесты, поступавшие со всех сторон. Она оставалась там, перенося суровый холод и возмутительнейшее обращение жандармов... Вся вина моей жены состоит лишь в том, что, принадлежа к прусской аристократии, она все же разделяет демократические убеждения своего мужа»³.

Женни могла гордиться. Это было ее первое настоящее «боевое крещение». Уже и классовым врагом она рассматривалась не только как жена, «придаток» мужа, но и как убежденный революционер.

Маркс обратился к временному правительству Франции с просьбой об отмене изданного раньше Луи Филиппом приказа о его высылке.

Член временного правительства Флокон прислал в ответ следующее приглашение вернуться в Париж:

*«Временное правительство.
Французская республика.
Свобода, Равенство и Братство.*

От имени французского народа

Париж, 1 марта 1848 г.

Мужественный и честный Маркс!

Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания Вас изгнала, свободная Франция вновь открывает Вам свои двери, Вам и всем тем, кто борется за святое дело, за братское

дело всех народов. Всякий агент французского правительства должен толковать свои обязанности в этом духе. Привет и братство.

Фердинан Флокон,
член временного правительства»⁴.

«Таким образом, — говорит Женни, — Париж снова был открыт для нас... Туда, твердили мы, туда!

Мы уехали из Брюсселя после трехлетнего пребывания там. Был очень мрачный, холодный день, и нам стоило многих усилий согреть маленьких детей, младшему из которых едва исполнился год...»⁵

Марксы вынуждены были поспешно выехать из Бельгии, не успев захватить с собой даже самые необходимые вещи, которые Энгельс должен был послать им вдогонку.

Стефан Борн, в этот период принадлежавший еще к единомышленникам Маркса, пришел на помощь Женни. Он вызвался проводить ее с детьми в Париж. В своих мемуарах Борн писал: «Теперь она была полна беспокойства о Марксе и очень подавлена переживаниями последних дней. Печать глубокой скорби легла на ее лицо. Я расстался с ней после того, как она нашла временное пристанище»⁶.

Способ, каким полиция и власти свели счеты с Марксом и его женой, вызвал взрыв возмущения в Брюсселе, отклики этого долго еще звучали в прессе и палате. Энгельс написал об этом статью в английскую газету «Northern Star»⁷. Позднее он сообщил Марксу в Париж о шуме и протестах, которые вызвал его арест: «В воскресенье вечером Жотран рассказал в Демократической ассоциации историю, происшедшую с тобой и твоей женой... Жиго тоже выступил и коснулся этого вопроса. В «Emancipation» Люблинер напечатал статью об этом. Адвокаты мечут здесь громы и молнии, Майнц хочет, чтобы было возбуждено судебное дело и чтобы ты выступил в качестве гражданского истца с жалобой о нарушении неприкосновенности жилища и т. д. ... Эта история вызвала большую

сенсацию и весьма содействовала ослаблению ненависти к немцам»⁸.

Действительно, в бельгийской палате специальный запрос по делу Марксов сделал депутат Брикур, который выступил очень резко и потребовал наказания виновных. Министр юстиции Госси и после него Рожье в своих ответах доказывали, что Маркс был выслан правильно, ответственность же за все грубости, выпады и прочее, как всегда, сваливали на стрелочника — на муниципальную полицию.

Но Маркс не имел ни желания, ни времени вести эту мелкую войну. Вскоре ему пришлось столкнуться с новыми репрессиями и гонениями в связи с активным участием в революции, вспыхнувшей в Германии.

Женни Маркс попала в Париж в горячее и бурное время.

Вот как описывал Стефан Борн ту картину, которую они застали по приезде: «Когда мы приехали в Париж, на улицах еще были баррикады. Кругом просыпалась новая жизнь. По городу шагали колонны мужчин и женщин, направлявшихся в ратушу, где заседало временное правительство, чтобы изложить там требования народа.

Во всех концах города раздавались песни, выкрики праздничной революционной толпы. Чувствовалось опьянение победой»⁹.

Женни была в восторге от Парижа этих дней — ликующего, победного и революционного.

В письме к Вейдемейеру от 17 марта 1848 года Женни выражает сожаление, что не может подробнее писать «о происходящем здесь интересном движении, которое нарастает с минуты на минуту (сегодня вечером перед городской ратушей прошло 400 000 рабочих). Массы демонстрантов все растут и растут»¹⁰.

Это письмо, как и дальнейшие, Женни подписывает одновременно «Vagabonde» («Бродяга», «Скитающаяся»), как ее окрестила при аресте бельгийская полиция, и «Citoyenne» («Гражданка»). Тем самым она подчеркивала свою причастность к революции во Франции.

В Париже Марксы нашли многих немецких эмигрантов; в их среде было большое брожение в связи с затеей Борнштедта и Гервега составить из немецких рабочих специальный вооруженный отряд для вторжения в Германию. Маркс, будучи принципиальным противником всяких путчистских устремлений и «экспортирования» революции, назвал это предприятие чистейшей авантюрой и начал энергично противодействовать их плану. На собрании общин Союза коммунистов был учрежден Немецкий рабочий клуб, во главе которого становится Маркс.

В противовес Немецкому рабочему клубу и Союзу коммунистов Борнштедт и Гервег основали другой союз — с националистическим уклоном. Маркс писал Энгельсу: «Борнштедт и Гервег ведут себя, как прохвосты»¹¹. Кстати, как потом выяснилось, Борнштедт состоял на тайной службе у прусского правительства.

Сохранилось деловое письмо Женни к Вейдемейеру относительно необходимости дезавуировать в печати враждебный союз. «... Здесь ... образовалось, — писала она, — несколько немецких обществ, но *Немецкий рабочий клуб*, во главе которого стоят немцы из Лондона — Шаппер, Бауэр, Молль — и немцы из Брюсселя — Маркс, Вольф, Энгельс, Валлау, Борн (непосредственно связанные через Гарни и Джонса также с английскими чартистами), — не имеет ничего общего с Немецким демократическим обществом во главе с Бёрнштейном, Борнштедтом, Гервегом, Фольком, Деккером и др., — с обществом, которое подняло черно-красно-золотое знамя... заводит речь об отце Блюхере и проводит под командой прусских отставных офицеров военную муштровку по секциям. Перед лицом *Франции* и *Германии* совершенно необходимо решительно отмежеваться от этого общества, потому что оно опозорит немцев»¹².

Революция 1848 года

И вот наконец вспыхнула долгожданная революция в Германии. В противовес псевдореволюционным планам мелкобуржуазных деятелей Маркс и Энгельс выработали тактику и программу действий пролетариата в предстоящей немецкой революции — «Требования Коммунистической партии в Германии». Всем рабочим — членам Союза коммунистов и Немецкого рабочего клуба, которые по совету Маркса одиночками или группами перебирались в Германию, вручалась такая листовка «Требований...» и «Манифест Коммунистической партии». Женни принимала деятельное участие в этой подготовительной работе. Вскоре в Германию выехало свыше 400 коммунистов.

В апреле 1848 года Маркс и Энгельс уже были в Германии. Затем туда же прибыла и Женни. Обремененная малолетними ребятишками, она вынуждена была вначале поселиться у матери в Трире. Маркс и Энгельс отправились в прирейнскую Германию — место их прежней политической деятельности. Центром своих революционных действий Маркс избрал Кёльн, крупный промышленный город и средоточие немецкого рабочего движения, где он стал главным редактором ежедневной революционной газеты «*Neue Rheinische Zeitung*». Вместе с ним в газете работали Энгельс, Вольф, Веерт, Дронке, а позднее Фрейлиграт и Бюргерс. Близок к Марксам был и Даниельс.

В Кёльне, куда перекочевала и Женни, квартира Марксов (расположенная поблизости от редакции) всегда была открыта для друзей и помощников. Здесь соратники Маркса находили «и стол и дом». «*Neue Rheinische Zeitung*» сыграла огромную роль

в немецкой революции. Женни, ознакомившись по приезде с ее номерами, была в восторге от газеты, которая фактически являлась органом революционного пролетариата (несмотря на то что именовала себя органом демократии). Маркс в редактируемой им газете оружием сатиры клеймил предательскую роль буржуазии, ее пресмыкательство перед прусским полицейским государством, зло высмеивал «франкфуртскую говорильню» — это общегерманское национальное собрание. Газета вела большую кампанию поддержки и солидарности с революцией, которая мощной волной прокатилась по другим странам Европы. Особенно горячий и восторженный прием она оказала июньскому восстанию парижского пролетариата.

«Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни позже — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «*Neue Rheinische Zeitung*»¹, — отмечал Энгельс.

Но мартовская революция вследствие трусости буржуазии, непоследовательности мелкобуржуазной демократии и слабости самостоятельного рабочего движения, которое находилось еще в зародыше, потерпела поражение, так и не успев развернуться по-настоящему.

После кровавого подавления июньского выступления в Париже усилилась реакция и в Германии. Напуганная буржуазия предает народные массы и заключает сделку с недобитым абсолютизмом и юнкерством. В ответ на разгон Национального собрания буржуазия не нашла ничего лучшего, как «мирить народ с властью».

К этому периоду относятся прекрасные стихи Фрейлиграта «Мертвые — живым», где он клеймит позором предателей:

Вы обманули нас! Позор живым,
Вы проиграли в четыре месяца все то, что мы завоевали!
И подвиг наш, и нашу смерть, —
Вы предали их тоже.

Чем явственнее обнаруживалась измена буржуазии, чем больше выростала угроза наступления реакции, тем упорнее Маркс выдвигал тезис о необходимости расширить пролетарское движение, чтобы углубить революцию. Соответственно этому

он проводит свою тактику и в газете, и в Кёльнском рабочем союзе², председателем которого был избран. Маркс и Энгельс ведут теперь огромную работу по мобилизации демократических и пролетарских сил. С этой целью Маркс и его соратники предпринимают ряд поездок по Германии. Ленин так охарактеризовал эту тактику: «Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями»³.

Маркс теперь в центре борьбы трудящихся масс. По его инициативе народное собрание в Кёльне 20 сентября 1848 года высказалось за поддержку восставших во Франкфурте и организовало сбор средств в пользу повстанцев.

Однако предательство буржуазии уже предредило участь революции. Правительство, охваченное страхом перед массовым движением и огромным влиянием на массы «*Neue Rheinische Zeitung*», обрушивает ряд ударов на газету и ее редактора. За революционный тон газеты и за «призыв к восстанию» Маркс дважды привлекался к суду присяжных, но своей блестящей, глубоко аргументированной речью он вынудил суд оправдать его. В сентябре «*Neue Rheinische Zeitung*» была закрыта. Только благодаря широкой кампании протеста правительство временно сняло свой запрет — в октябре газета опять стала выходить.

Чтобы избежать ареста, Энгельс переезжает в Брюссель, затем в Париж, а оттуда в Швейцарию. Лишь в январе 1849 года он смог вернуться в Кёльн. Марксу вновь грозит суд, или, как он пишет, у него висят на шее три-четыре судебных процесса по делам печати, и он каждый день ждет ареста⁴. Реакция свирепствовала всюду, в мае 1849 года «*Neue Rheinische Zeitung*» была окончательно закрыта.

«Мы вынуждены были, — говорит Энгельс, — сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...»⁵ Последний номер этой газеты, набранный красным шрифтом, вышел 19 мая 1849 года.

Знаменитый «красный номер», вспоминает Женни, был пылающим факелом по форме и содержанию⁶. В газете редакторы прощались с рабочими, а знаменитые стихи Фрейлиграта возвещали, что это прощание ненадолго:

Так прощай же, воюющая земля,
Так прощайте, лихие солдаты!
Так прощайте, покрытые дымом поля,
Так прощайте, мечи и латы!
Так прощай же, мир, но не навсегда!
Дух они не убили, о, братья!
Скоро, скоро опять я вернусь сюда
И за меч свой возьмусь опять я!
И лишь молния битвы опять сверкнет,
Лишь вспыхнет, как стекло, разлетится,
Лишь «виновен» скажет великий народ,
Вновь мы встанем и будем сражаться.
Над Дунаем, над Рейном, мудра и сильна,
Пролетит она чудо-девица...
И над миром навек воцарится она,
Величаяя бунтовщица⁷.

Еще до закрытия газеты, 11 мая 1849 года, был издан приказ о высылке ее главного редактора Маркса. Прусское правительство воспользовалось тем, что в 1845 году Маркс вышел из прусского подданства. Теперь же его как «иностранца» удаляли из Германии. Он вынужден был срочно покинуть страну и через некоторое время снова очутиться в Париже.

Женни осталась с ребяташками в Германии. Хотя и мало радости вкусила она от кратковременной победы революции, поражение доставило ей много страданий.

К тяжести от поражения революции, разлуки с Марксом и семейным заботам присоединились материальные трудности, связанные с ликвидацией долгов по газете. Для расплаты с абонентами, рабочими и персоналом газеты Женни пришлось распродать мебель в Кёльне и поехать во Франкфурт, чтобы заложить в ломбарде фамильное серебро. Здесь она недолго прожила у Вейдемейеров и позднее в письме к ним от 20 мая 1850 года вспоминала: «Вы знаете... какие жертвы в свое время принес мой муж ради газеты. Он вложил в нее тысячи наличными, он стал собственником газеты... когда

уже почти не оставалось надежды на успех. Чтобы спасти политическую честь газеты, чтобы спасти гражданскую честь кельнских знакомых, он взял на себя все тяготы, продал свою печатную машину, отдал все поступившие деньги, а перед уходом взял займы 300 талеров, чтобы заплатить за наем нового помещения, выплатить гонорары редакторам и т. д., — а ведь он подлежал насильственной высылке»⁸.

После расплаты с долгами Женни с детьми выехала в Трир, где прошло ее безоблачное детство и счастливые дни юности. Подавление революции, разгром партии, нужда, одиночество, разлука с мужем и друзьями — все это омрачало ее.

Свою жизнь и настроение она так описывает в письме от 29 июня 1849 года к Лине Шёлер: «...заботами, страхами и всякими мелкими неприятностями наполнены эти последние месяцы. Я не покоюсь здесь на розах... К тому же Трир — самое маленькое и жалкое гнездо, полное сплетен и смешного почитания местных божков. Всего этого достаточно, чтобы наполнить мое сердце печалью и болью, но помимо этого есть еще более тяжелые заботы, которые гнетут. Тоска и страх за любимого мужа... А вдобавок общие страдания и поражения, которые душат нашу партию, тяжелое положение, в котором оказались в данный момент почти все, которые борются за принципы нового мира...» Но Женни поддерживает то, что «дорогой Карл остается всегда бодрым и в хорошем настроении; во всех ударах, которые сыплются теперь на нас, он видит лишь прелюдию близкой и окончательной победы наших взглядов»⁹.

Летом 1849 года Энгельс, Молль и другие направились к южнонемецким повстанцам, где приняли участие в революционных боях в Бадене и Пфальце. Но восставшие и здесь потерпели поражение, причем Молль, получивший смертельную рану в голову во время одного из боев, скончался. Энгельс с остатками повстанческого отряда перешел границу и оказался в Швейцарии. В письме к Женни Маркс он подробно описал те опасные сражения, в которых был непосредственным участником¹⁰.

Лондонская эмиграция

Маркс направился в Париж. Но и там реакция усилилась, и даже такие люди, как Ледрю-Роллен и Луи Блан, искавшие компромисса с буржуазией и тем самым предававшие пролетариат, тоже сделались нетерпимыми для буржуазии и вынуждены были бежать в Англию. Маркс говорит в письме к Энгельсу, что «здесь господствует роялистская реакция, более бесстыдная, чем во времена Гизо...»¹.

Из страны были высланы и даже арестованы некоторые немецкие эмигранты. Так как Маркс приехал незадолго до 13 июня — неудачной попытки выступления демократов, то он не сразу попал в поле зрения полиции и некоторое время мог оставаться в Париже, где жил под фамилией Рамбо. Вскоре сюда прибыла Женни с тремя ребятами на руках и в ожидании четвертого ребенка.

О своих впечатлениях от Парижа после разгрома революции и наступления реакции Женни сообщает в письме к Лине Шёлер от 14 июля 1849 года. Она пишет: «Аристократия и буржуазия, видно, очень возомнили после несчастного 13 июня и новой победы их партии. Все скрывавшиеся знатные особы вместе с колесницами и слугами в галунках уже 14-го вылезли из своих нор, и вот блестящие улицы наполнены всевозможным великолепием и роскошью»².

Гораздо позже в своих воспоминаниях Женни дает яркую картину того, как отразилось поражение 13 июня на других странах: «... демонстрация 13 июня ... положила конец мимолетным революционным грезам. Реакция проявлялась повсюду в своем

самом зверском обличи. Венгерская революция, баденское восстание, революционное движение в Италии — все потерпело поражение; в Венгрии и в Бадене свирепствовали военно-полевые суды... «L'ordre règne à Varsovie» и «vae victis» («Порядок царит в Варшаве» и «Горе побежденным». — П. В.) — таков был пароль опьяненной победой контрреволюции. Буржуазия вздохнула свободно, мелкая буржуазия снова делала гешефты, мелкие либеральные филистеры показывали кулаки в кармане, рабочих высылали, подвергали репрессиям, а люди, которые пером и мечом боролись за установление царства бедных и угнетенных, были счастливы, если им удавалось на чужбине заработать себе на хлеб»³.

В Париже Женни и Карл подыскивали недорогую квартиру за городом. Здесь же были и спасшиеся друзья: Вольф, который жил у Марксов, Дронке — поблизости от них и др.

Но едва только Марксы осели в Париже, как 19 июля французское правительство предложило им покинуть столицу и переехать в нездоровую местность — департамент Морбиан. Этот новый удар Женни так описывает в воспоминаниях: «...мы пробыли месяц (в Париже. — П. В.). Но даже и здесь нам не давали покоя. В один прекрасный день к нам снова явилась знакомая фигура полицейского сержанта с предписанием: «Карл Маркс и его жена должны покинуть Париж в течение 24 часов». Ему еще оказали милость, предложив Ванн в Морбиане в качестве прибежища. На подобную ссылку мы, конечно, не согласились...»⁴

Друзья Маркса — Фрейлиграт, доктор Даниельс из Кёльна и другие — отговаривали его от переселения в Морбиан. «Высылка твоя в провинцию, — писал Фрейлиграт Марксу, — является гнусностью из гнусностей. Доктор Даниельс уверяет, что Морбиан — самая нездоровая полоса Франции, болотистая и зараженная лихорадкой: Понтийские болота Бретани. Если бы ты теперь, в августе, туда отправился, не миновать бы тебе перемежающейся лихорадки. Поэтому, если только возможно, он советует тебе отправиться лучше в Англию»⁵.

Маркс отказался подчиниться «замаскированной попытке убийства» и 23 августа извещает Энгельса, что хочет переехать по ту сторону моря — в Лондон.

Марксы очутились в крайне трудном положении. Невзирая на то что Женни ожидала четвертого ребенка, полиция требовала выезда. С большим трудом Женни удалось добиться краткой отсрочки высылки, но у Маркса не было средств, чтобы перевезти семью в Лондон. В отчаянии он писал 5 сентября Фрейлиграту: «Вообрази подлость парижской полиции: стали притеснять и мою жену; ей с трудом удалось добиться разрешения остаться в Париже до 15 сентября — до этого числа у нас снята там квартира.

Я нахожусь в самом затруднительном положении. Моя жена должна скоро родить, 15-го она должна выехать из Парижа, и я не знаю, откуда мне взять денег на ее отъезд и на устройство здесь»⁶.

В середине сентября Женни последовала за Марксом. «... Я приехала в Лондон, — вспоминала позже Женни, — больная, изможденная, с тремя измученными крошками...»⁷

Подруга юношеских лет Женни, упомянутая выше Лукас Белутти, посетившая ее в Англии в первые годы их эмиграции, в 1853 году пишет: «С дрожью в голосе она рассказывала о своем изгнании из родной страны, о разлуке с одинокой старухой матерью, о бегстве в Бельгию и высылке оттуда, о бегстве во Францию, из которой она была вновь изгнана... О том, как она каждый раз была вышнуждена, как Агасфер, в 48 часов по бесчеловечному приказу вместе с мужем и детьми бросать свой скарб, пока наконец после долгих странствий они не пристали к берегам Англии.

Однако и здесь эти несчастные, но гордые духом люди испили до дна чашу горя и нужды. Им жилось очень тяжело, они голодали в буквальном смысле слова, голодали вместе со своими детьми»⁸.

Пристань эта, правда, оказалась более спокойной: Англия в тот период кокстничала своей свободой, и целые группы эмигрантов из всех стран

континента устремились туда. Зато здесь вместо преследований полиции Женни и Карла упорно преследовали нищета, болезни и эмигрантские склоки. Эта вынужденная эмиграция Марксов в Англию стала для них пожизненной.

«Гавань была, — писала их дочь Элеонора, — действительно надежная, но она была достаточно зыбкой. Сотни эмигрантов разной степени нищеты были теперь в Англии. Там последовали для них годы ужасной безработицы и острых страданий, которые могут знать одни только иностранцы без копейки в кармане в чужой стране. Эту нищету Марксы не выдержали бы, если бы не вера в конечную победу, которой были проникнуты этот мужчина и эта женщина, если бы не их постоянный юмор»⁹.

Лондонское изгнание представляло для семьи Марксов лишь то преимущество, что с ним заканчивалось революционное скитание и начиналась эмигрантская оседлость. Но от этого жизнь не становилась легче. «...На этот раз, — говорила Элеонора, — для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами»¹⁰.

После пребывания в меблированных комнатах Марксы в октябре 1849 года поселились в двух крошечных комнатках в Челси. Здесь у Женни 5 ноября 1849 года родился четвертый ребенок — сын Гвидо. Вскоре в доме Марксов стали появляться эмигранты, члены Союза коммунистов. В ноябре 1849 года в Лондон приехал Энгельс. «Весной, — вспоминает Женни, — приехал из Кёльна Фрейлиграт, чтобы подыскать в Лондоне работу. Позднее сюда приехал Лупус из Швейцарии, а также Дронке, Имандт и Шили. Еще раньше в Лондон опять прибыл Зейлер, а также Гёц примкнул к кружку эмигрантов, группировавшихся вокруг Карла... Ежедневно в Лондон прибывали тысячи эмигрантов, все они испытывали большую или меньшую нужду... все они были беспомощны, жаждали и искали поддержки. Это был самый неприятный период в нашей эмигрантской жизни. Для оказания поддержки эмигрантам были организованы эмигрантские комитеты, проводились собрания, издавались обращения...»¹¹

В воззвании Социал-демократического комитета помощи немецким эмигрантам (при Просветительном обществе немецких рабочих в Лондоне), подписанном Марксом, Энгельсом, Пфендером и другими, мы читаем, что некоторые эмигранты почти *«целую неделю ночуют на улицах и в парках и буквально голодают»*¹².

В особенно тяжелом положении очутилась коммунистическая часть эмиграции — сторонники Маркса. Они жили в ужасающей нищете, перебиваясь несколькими одолженными пенсами. Этой небольшой группе противостояла вся остальная мелкобуржуазная эмиграция.

Друзья Маркса по лондонской эмиграции крайне бедствовали, и всем им приходилось часто помогать. В первые годы жизни в Лондоне вокруг Маркса группировались молодой Вильгельм Либкнехт, Вольф (Красный), Вильгельм Вольф (Лупус), Дронке, Имандт, Пипер, Шрамм, Шили, а позже Фрейлиграт и некоторые другие. Многие из них оставались неделями без горячей пищи и жилья, некоторые же просто жили у Маркса изо дня в день. Женни делилась с друзьями последним куском хлеба, несмотря на то что ей самой приходилось часто голодать вместе со своими детьми. Письма Женни этого периода воспроизводят крайне печальную картину окружающей ее нищеты. Так, она пишет Марксу, уехавшему на короткое время к Энгельсу: «Пипер адски настроен. Он потратил последний шиллинг, чтобы заплатить за письма Либкнехта в Швейцарию. Либкнехту нечего есть. Дронке обессилен, потому что из-за безденежья давно не курил. Только что явился Хейльберг. Он страшен; этот человек действительно внушает мне жалость. Он весь дрожал... Не знаю, что станется с этими людьми... Только что явился Красный Вольф. У него скандал с Клозе из-за трех шиллингов, которые нужно уплатить за стирку белья»¹³.

Эмигранты болели, умирали, и случалось, что их не на что было похоронить. Вот что пишет Маркс Энгельсу 3 июля 1852 года: «Жену Клозе, давно болевшую и угасавшую в больнице, эти негодяи выписали оттуда как раз в момент последнего кризиса; три дня тому назад она умерла дома.

Денег — ни гроша, а тут расходы по погребению и т. д. Фрейлиграт ничего не мог сделать, так как он исчерпал все свои знакомства, чтобы отправить жену и ребенка Хейльберга обратно в Бреславль, содержать его самого и, наконец, отправить его в больницу... Это дело легло на меня и причинило несказанные хлопоты, пока не удалось все уладить»¹⁴.

Иногда Маркс получал деньги для эмигрантов от Энгельса, но это были такие крохи, что разделить их казалось невозможным делом. Однажды, например, Маркс был страшно озадачен, когда ему пришлось распределить между Пипером и Дронке 1 фунт стерлингов. Наконец он пришел к следующему решению: «Что касается фунта, то я каждому дам 10 шилл., так как Пипер, насколько мне известно, имеет шансы получить свои деньги без процесса»¹⁵. В ответ Энгельс успокаивает Маркса: «Кто бы из обоих претендентов ни пострадал, утешь его: на будущей неделе получит и он»¹⁶.

Почти все эмигранты долгое время не могли найти работу. Так, еще в 1853 году Женни сообщает Энгельсу: «Либкнехт получил... место... Остальная компания, кроме Имандта, шатается без дела».

В ноябре 1850 года Энгельс уехал в Манчестер, где принимается за «собачью коммерцию» (в фирме своего отца), для того чтобы оказать Марксу материальную помощь и тем самым предоставить ему возможность заняться вплотную теоретической работой.

От безнадежной, бесперспективной жизни многие эмигранты впадали в уныние и опускались. Женни, несмотря на все трудности и лишения, с присущим ей юмором добродушно подтрунивала над ними: «Красный Вольф смастерил несколько новых пар сапог с машинками, гражданин Либкнехт становится с каждым днем все серьезнее и добродетельнее. Шрамм предается унынию...»¹⁷

Выброшенные из родной среды и попавшие на чужбину, одинокие, без занятий, без угла, а зачастую и без куска хлеба, некоторые из эмигрантов коротали время в пивнушках, и нередко такое времяпрепровождение кончалось происшествиями и несчастными случаями.

С этими безработными, голодающими и бездомными людьми приходилось изо дня в день возиться жене Маркса: давать им приют, оказывать материальную и нравственную поддержку. В письме к Эрнестине Либкнехт, жалуясь на то, что «голова полна забот», Женни пишет: «Неважно голова, лишь бы сердце оставалось прежним, а оно бьется с той же любовью и преданностью к старым друзьям, и никогда не заглохнет в нем эта любовь и преданность»¹⁸.

Женни по-матерински относилась к эмигрантам и помогала им чем только могла. Она понимала, что, для того чтобы они не опускались, их нужно поддерживать не только материально, но и морально, и считала это своей обязанностью.

Есть целый ряд документов, которые показывают облагораживающее влияние Женни Маркс на эмигрантов. Приведем здесь «свидетельское показание Либкнехта», зафиксированное в его воспоминаниях. Оно так ярко, что мы процитируем его целиком:

«Г-жа Маркс господствовала над нами, быть может, еще сильнее, чем сам Маркс. В ней жила гордость, в ней жило чувство собственного достоинства, убивавшее в нас всякое поползновение на что-либо неприличное или неуместное; но в то же время это не убивало в нас доверчивого к ней чувства. Действовала она на нас, диких, а отчасти даже немного распущенных парней, с удивительной силой. Я еще помню, какой страх вселила она однажды в Красного Вольфа (не смешивать с «тюремным волком», *Lupus*'ом). Он, приобретший «парижские» манеры, человек очень близорукий, заметил как-то на улице грациозную женскую фигуру, за которой и погнался. Хотя он довольно долго преследовал закутанную в вуаль женщину, последняя не обращала на него никакого внимания; наконец, набравшись храбрости, он так близко подошел к ней, что разглядел ее физиономию и... «Черт меня побери, это была г-жа Маркс!» — рассказывал он мне на следующее утро, страшно расстроенный. «Но что же она тебе сказала?» — «Ничего! Это есть самое скверное!» — «Ну, а что сделал ты? Извинился?» — «Черт меня возьми, я уд-

рал!» — «Но ведь ты должен извиниться! Дело не так страшно!»...

... Но этого самого «черт меня возьми» Красного Вольфа, пользовавшегося известной славой за свой непоколебимый цинизм, нельзя было в течение полугода затащить к Марксам, хотя я уже на следующий день мог рассказать ему, что г-жа Маркс после того, как я обо всем расспросил ее, весело рассмеялась при воспоминании о необыкновенно смущенной и испуганной физиономии оскандалившегося в роли Дон-Жуана Красного Вольфа.

Г-жа Маркс была первая женщина, благодаря которой я познал воспитательное влияние и силу обаяния женщины; моя мать умерла так рано, что я имел о ней лишь слабое, как тень, неясное представление... До встречи с г-жой Маркс я не понимал истины, заключающейся в гётевских словах:

Коль хочешь знать, что подобает делать,
Спроси о том у благородных женщин!¹⁹

Она была для меня то Ифигенией, укрощающей и смягчающей варваров; то Элеонорой, дающей покой человеку, раздираемому внутренней борьбой и сомнениями; она была для меня матерью, другом, доверенным лицом, советницей. Она была и осталась для меня идеалом женщины. И повторяю... если я не погиб в Лондоне морально и физически, то главным образом благодаря ей. Когда я уже думал, что иду ко дну в бушующем океане бедствий скитальческой жизни, она появлялась передо мной, как Левкотейя перед Одиссеем, потерпевшим кораблекрушение, давала мне силы для того, чтобы плавать дальше»²⁰.

Сам Маркс почти не принимал участия в скромных и редких пирушках эмигрантов. От дум и тяжелой жизни «голова черного Маркса с годами становилась все белее и белее...». Он позволял себе лишь маленькое удовольствие во время наездов к Энгельсу — покататься верхом на лошади, и то, кстати, по предписанию врача, хотя Либкнехт уверял, что сия лошадь — «почтенный Росинант» — была, по всей вероятности, правнуком той степенной кобылы, которую блаженной памяти «Фриц подарил доброму Геллерту»²¹.

Несмотря на то что Маркс оказался в Англии после поражения германской революции, он не теряет надежды на новый взрыв в ближайшем будущем. Он считает, что реакция одержала лишь временную победу, и убежден, что классовые противоречия, выявленные в революции 1848 года, снова повсюду обострятся. Еще из Франции Маркс писал Энгельсу 17 августа 1849 года, что надеется на возрождение революции во Франции и что в Англии «экономический поход против феодализма и Священного союза может иметь самые непредвиденные последствия»²².

Поэтому основной задачей Маркс считал теперь, во-первых, подготовку кадров к новым предстоящим боям и, во-вторых, выработку новой тактики с учетом опыта пережитой революции.

Для того чтобы подготовить пролетариат к грядущей революции, прежде всего надо было создать и привести в боевую готовность крепкую организацию самого пролетариата, или, вернее, его авангард, и восстановить партийные организации на местах.

В соответствии с этим Маркс вместе с Энгельсом и другими единомышленниками энергично принялся за реорганизацию Союза коммунистов и за создание наряду с нелегальной подпольной пролетарской партией легальной организации рабочего класса в Германии. Маркс устанавливает связи с революционными эмигрантами других стран. Он считал, что для идейной подготовки умов и сплочения рядов пролетариата необходимо создать также свой печатный орган.

Вскоре, в январе 1850 года, приложив большие организационные и материальные усилия, Маркс издаст «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». Всего вышло шесть выпусков этого журнала (последний, за ноябрь — декабрь, был двойной). Среди материалов, напечатанных там, мы находим такие шедевры, как статья Маркса «Классовая борьба во Франции» и работа Энгельса «Крестьянская война в Германии», не говоря уже об обзорах, рецензиях и т. п.

Оставшиеся в Германии Вейдемейер, Лассаль и другие помогали Марксу и Женни в распростра-

нении журнала. Они вербовали подписчиков на покупку акций «Review». Однако, несмотря на это, финансовые дела были в плачевном состоянии. Поступления из Германии шли плохо, и вскоре средства вообще иссякли. В письме к Вейдемейеру от 20 июня 1850 года Женни отмечала: «Условия здесь шлые, чем в Германии. Все мы — 6 человек — занимаем одну комнатку и каморку и платим больше, чем за огромный дом в Германии, и притом платить приходится каждую неделю. Вы можете себе представить поэтому, в каком положении оказываешься, когда хотя бы 1 рейхсталер запаздывает на один день. Здесь речь идет теперь для всех нас о хлебе насущном»²³.

Журнал приходилось печатать в Германии, где свирепствовала реакция, но кроме тяжелых объективных условий положение осложнялось и тем, что типография, печатавшая журнал, и комиссиянная фирма, распространявшая его, принадлежали разным владельцам. Посредником между ними в Германии был Конрад Шрамм. Все это затрудняло издание журнала. Маркс, Энгельс и другие сотрудники посылали материалы из Англии. Не мудрено, что организовать все это было крайне трудно. После майской книжки следующую удалось выпустить только в конце года и то специально для удовлетворения абонентов. Видно было, что «Review» дышит на ладан. В другом письме к Вейдсмейеру Женни с отчаянием писала: «Никто, конечно, не может упрекнуть нас в том, что мы когда-либо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что мы пережили за эти годы. Публика мало, вернее почти совсем не осведомлена о наших личных делах — мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее пожертвует последним, чем согласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются «великие мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности от кельнцев, так это деятельной, энергичной поддержки его «Review». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung». Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядоч-

ного его ведения; трудно сказать, что причинило больше вреда — то ли затяжка по вине издателя или по вине тех, кто стоит во главе дела, а также кельнских знакомых, то ли вообще все поведение демократов»²⁴.

Но журнал, являвшийся глашатаем идей революции, не мог иметь успеха вследствие разгрома самой революции. В этом основная причина его быстрого увядания.

Вновь созданный Центральный комитет Союза коммунистов устанавливает связь с Германией, ведет усиленную переписку, организует посылку эмиссаров, в результате чего тамошние общины Союза быстро укрепляются и расширяются. В лондонском штабе вырабатываются новые планы и инструкции, которые развозятся эмиссарами по местным ячейкам и ответвлениям Союза. Большое значение имело выпущенное в марте 1850 года «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов»²⁵, где говорилось о необходимости для пролетариата строить свою политическую партию, которая была бы способна завершить грядущую революцию и установить диктатуру пролетариата.

Но очень скоро в среде самого ЦК начинаются разногласия.

На основе глубоко научного изучения экономики многих стран Маркс пришел к выводу, что ближайшая новая революция возможна только вслед за новым экономическим кризисом²⁶. Сектантски же настроенные элементы, «алхимики революции»²⁷, не хотели мириться с этим трезвым, научно-объективным анализом. Стоя на своих волюнтаристических позициях, они твердили, что нужно немедленно совершить революцию или «идти спать...».

Маркс доказывал, что встретить во всеоружии новый революционный подъем и предстоящие бои можно, только сохранив и теоретически подготовив силы революционного пролетариата. Именно эти задачи он и выдвигал на передний план. Но левооппортунистическая часть Союза, которая была представлена группой во главе с Виллихом, переходит к защите путчистской тактики и вместо основатель-

ной подготовки пролетариата к будущим боям требует немедленных выступлений.

15 сентября 1850 года на чрезвычайном заседании Центрального комитета произошел раскол Союза коммунистов. Шаппер, один из основателей Союза, теперь подпал под влияние Виллиха и поддерживал его, выступив против Маркса. Правда, спустя некоторое время он понял свою ошибку и раскаялся. Уже будучи на смертном одре, Шаппер заверял Маркса, что умирает верным коммунистическим принципам и, как положено коммунисту, решительным атеистом.

Маркс в своей речи вскрыл те принципиальные политические разногласия, которые были истинной причиной их расхождений. Он бросил тогда свои крылатые слова: на место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается воля. В то время как «мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать»»²⁸.

Виллих и его сторонники путем лжеинформации, интриг старались перетянуть отдельные организации Союза в Германии на свою сторону.

Разумеется, в таких цитаделях, как кёльнская, руководителям которой Маркс теперь передал полномочия ЦК, Виллиху и его крикунам давалась резкая отповедь. Но в других местах они смогли воздействовать на некоторую часть рабочих. Виллих посылал членам Союза коммунистов письма, в которых давались инструкции и приказы о немедленном восстании.

В своем письме от 19 декабря 1850 года Женни с возмущением пишет Энгельсу о похождениях Виллиха и рассказывает ему об энергичном от-

поре, который дала Виллиху кёльнская организация в Германии: «Кёльнская булла против Виллиха и К° прибыла вчера вместе с новым Уставом, циркулярами и т. д. Кёльнцы действовали на сей раз исключительно энергично и активно и очень решительно выступили против этой подлой шайки. Подумайте только, Виллиху мало было его позора с первым манифестом Фанона-Каперона²⁹ — эти великие мужи выпустили второе послание, и Виллих дошел до того, что послал Красному Беккеру три декрета для передачи кёльнскому ландверу, в которых он отсюда приказывает им восстать, провозгласить в каждой роте временное правительство, сместить все гражданские и военные власти и в случае необходимости расстреливать их. А кёльнский ландвер снова уютно восседает в граде отцов своих и на хладных берегах Рейна устраивает попойки и разглагольствует. Если В[иллиху] не место в сумасшедшем доме, то я уж не знаю, кому там место»³⁰.

Много лет спустя Женни в своих воспоминаниях нарисовала яркий портрет Виллиха, каким он был в первые дни прибытия в Лондон: «Еще до него (Энгельса. — П. В.) прибыл Виллих и сразу обосновался у нас, обращаясь с нами запанибрата. Рано утром он являлся в нашу спальню вылитым Дон-Кихотом, в серой шерстяной фуфайке, с красным платком, обвязанным вокруг талии вместо пояса, гогоча как истый пруссак, с намерением начать длинейшие теоретические дебаты о столь «естественном» коммунизме. Карл живо обрывал эти попытки...»³¹

Идеологи мелкобуржуазной демократии не могли мириться с тем, что Маркс сосредоточил в своих руках руководство рабочим движением в Германии и пользуется влиянием в самом Лондоне.

В своих письмах к Энгельсу Женни с издевкой высмеивает «архи-р-р-еволюционный» стиль и фразерство сторонников немедленного восстания. Выражая радость по поводу того, что сам Энгельс удалился от этой клоаки, она рассказывает ему следующий случай: «О пресмыкательстве Кинкеля

перед здешними демократическими бакалейщиками Фрейлиграт рассказал новый анекдот, который я Вам и сообщаю. Фр[ейлиграт] обращается к одному здешнему демократически настроенному слепому немецкому купцу с просьбой о должности. Он предъявляет ему свои купеческие аттестации, и при этом слепой торговец сыром рассказывает ему: «Я имел честь познакомиться с господином профессором Кинкелем; я присутствовал на одной из его лекций, а затем господин профессор изволили посетить меня и предложили бесплатно читать мне по вечерам лучшие немецкие поэтические произведения; я, конечно, отклонил такое необыкновенное предложение, так как я не в состоянии должным образом вознаградить такого человека, как господин профессор К[инкель], за подобные услуги. Кроме того, господину профессору пришлось бы еще тратиться на омнибус, так как он живет далеко. Несмотря на это, господин профессор изволили прийти и читать мне вслух немецких поэтов – между прочим, и некоторые Ваши мелочи, г-н Фрейлиграт! – При этом он мне рассказал, что Вы – собственно купец и уже состояли на службе, и т. д. и т. д. И госпожа профессорша также изволили посетить меня и обещали спеть и сыграть для меня»»).

Женни ко всему упомянутому язвительно добавляет:

«Госпожа профессорша несомненно согласилась бы также на танцы и пластические позы, если бы имела дело не со слепым ценителем искусства.

Будущий президент немецкой республики... гоняется за здешними лавочниками, чтобы читать им свои божественные стихотворения и заодно, воспользовавшись случаем, получить бесплатный ужин...»³²

Маркс реорганизовал «Комитет помощи» в «Социал-демократический эмигрантский комитет» для помощи немецким беженцам. И за это он тоже начинает постепенно подвергаться нападкам. Со времени раскола Союза коммунистов и объединения Виллиха – Шаппера с Кинкелем против Маркса ведется уже плановая атака. Противники Маркса

с целью добиться его изоляции заключают союз с эмигрантами других стран, такими, как Луи Блан (Франция), Мадзини (Италия) и др.

Сама мелкобуржуазная эмиграция не была однородной. В ней имелось несколько групп, которые непрерывно грызлись между собой. Но все они объединяются, когда речь заходит о нападках на Маркса. Не было той грязи и сплетни, которую они не обрушили бы на голову Маркса. Женни писала мужу 4 июня 1852 года, когда тот был в Манчестере, относительно Гесса: «Гесс еще в прошлом году в ряде ведущих статей в «Populaire», редактируемой Кабе, писал о Германии. Тебя он признает сильным только как критика, но при этом утверждает, что ты и твоя клика не ведете за собой пролетариат, что у вас нет никакой основы в массах... Все они дуют в одну дудку»³³.

Особенно усердствовал в этом отношении Кинкель, уехавший в Америку с целью добиться там получения займа для революции³⁴.

Женни больше всего ненавидела Кинкеля как типичного представителя той породы эмигрантов, которые вечно играют в революцию, в смены правительства и шмыгают по свету в поисках займов, больших и малых, в счет будущих, но никогда не основанных республик.

Наверное, поэтому она всегда торопилась сообщить Энгельсу анекдот или новость из скандальной хроники содружества Кинкеля — Виллиха. «Вам будет также интересно узнать, — писала она, — что Ваш бывший начальник, генерал Виллих³⁵, получил от эмигрантских низов порядочную взбучку, ибо они никак не могут усвоить различие между собой и эмигрантскими верхами и не одобряют того способа, каким осуществляется заведование крупными революционными фондами в интересах великих мужей... Кинкель, по-видимому, распространял и в Америке слух, что партия Маркса устанавливает призы за пороки, чтобы не стать «героями морали»»³⁶.

Эти «герои» травили Маркса в прессе обоих полушарий. Нередко случалось, что сплетня и поклеп, пущенные в Лондоне, находили отклик даже в американской прессе.

Однажды Энгельс шутливо заметил, что Маркс должен гордиться всем этим, ибо его «одновременно атакуют оба материка, а этого даже и с Наполеоном ни разу не случилось»³⁷.

Беда заключалась еще и в том, что, будучи высланными из Германии в период реакции, эти мелкобуржуазные эмигранты выдавали теперь себя за мучеников и вносили дух растления в рабочую среду. Они опошляли великое дело революции, разлагая рабочих своими лжеревOLUTIONными фразами и нечистоплотным поведением.

Энгельс по этому поводу писал 12 февраля 1851 года Марксу: «Все более и более убеждаешься в том, что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не порвет с эмиграцией...»³⁸

В то же время Энгельс пророчески предсказал ход событий. «Что останется, — спрашивал он Маркса, — от всех тех сплетен и пересудов, которые может о тебе распространять вся эмигрантская чернь, когда ты ответишь на это политической экономией?»³⁹

Он был, несомненно, прав. Так же примерно смотрели на дело Маркс и Женни. Но Женни, будучи ежедневно и ежечасно свидетелем незаслуженных нападков случайных и бездарных людей на самого гениального из всех эмигрантов, очень мучительно переживала все это. Из описаний, данных Герценом в «Былом и думах», нам более или менее знакома картина эмигрантской жизни в Англии, но даже она бледнеет перед тем, что пришлось вынести лично Марксу и Женни.

Гораздо более остро и болезненно, чем Маркс, реагировала Женни на нападки и травлю, которые обрушили на Маркса представители эмигрантской мелкобуржуазной демократии.

В августе 1851 года Маркс писал Вейдемейеру: «Моя жена погибнет, если так будет долго продолжаться. Постоянные заботы, самая мелочная житейская борьба подтачивают ее силы. К этому еще присоединяется подлость моих врагов: они *еще ни разу* даже не попытались напасть на меня по

существо и, мстя за свое собственное бессилие, распространяют обо мне невыразимые гадости... Я, конечно, посмеялся бы над всей этой мерзостью, и она ни на минуту не отвлекает меня от моей работы, но ты понимаешь, что на мою жену, которая хворает и с утра до вечера занята самыми безрадостными житейскими заботами и нервная система которой издергана, не очень-то благотворно действует, когда изо дня в день через глупых сплетников до нее доходят зловонные испарения чумной демократической клоаки»⁴⁰.

Впрочем, когда эти лжегерои слишком уже распоясались, Маркс решил, что необходимо парализовать их растлевающее влияние, и стал уговаривать Энгельса написать памфлет против них. К этому времени некий Бандья, опираясь на рекомендацию одного из вождей венгерских эмигрантов, Семере, которому Маркс и Энгельс доверяли, сообщил Марксу, что нашел издателя, согласившегося опубликовать их произведение. При этом Бандья показывал подложное письмо предполагаемого издателя.

С неизменной добросовестностью и основательностью в литературных делах Маркс и Энгельс взялись за дело, предварительно перечитав старые документы, письма, газеты и пр. Женни собирала для них материал, однако рукопись не увидела света. Бандья, оказавшийся полицейским агентом, очевидно, передал ее в руки Штибера, который надеялся найти там нечто большее, чем характеристики и портреты отдельных эмигрантов. Конечно, этот факт был тотчас же использован против Маркса, и отголоски его долго еще звучали в эмигрантском болоте.

В открытом письме, посланном через Вейдмейера в Америку, Маркс писал, что в рукописи, которую он передал Бандье, эти «герои» изображены «не как опасные для государства революционеры, а как контрреволюционные чучела», поэтому материал не будет лакомой пищей для полицейской своры.

Этот памфлет, написанный в 1852 году и названный «Великие мужи эмиграции», был выполнен в форме острой политической сатиры. В нем Маркс

и Энгельс дали убийственную характеристику мнимых кумиров мелкой буржуазии, зло высмеяли ограниченно-мещанское убожество их духовного мира, неустойчивость и шатание из одной крайности в другую. Но памфлет так и не был напечатан.

Чтобы оградить ЦК Союза коммунистов от растлевающей деятельности авантюристов и любителей псевдореволюционной фразеологии, его местопребывание было перенесено из Лондона в Кёльн. Но заговорщическая деятельность сектантской группы и шумиха крикунов из мелкобуржуазной эмиграции навели полицию на верный след революционеров. Это вызвало новую волну репрессий. В ряде городов были арестованы видные деятели Союза коммунистов: Бюргерс, Рёзер, Беккер, Даниельс и др.

Именно эмигрантская трескотня и шумиха дали полиции удобный повод для арестов настоящих, преданных делу революционеров. Маркс писал Энгельсу 28 мая 1851 года: «Этими полицейскими мерами против эмиссаров и т. д. мы целиком и полностью обязаны жалкому вою лондонских ослов. Эти надутые пузыри хорошо знают, что они вовсе не конспирируют, не преследуют никаких настоящих целей и что у них нет за собой в Германии никакой организации. Им хочется только *казаться* опасными и давать работу газетной мельнице. Таким образом, эти каналы мешают действительному движению, подвергают его опасности и наводят полицию на след. Существовала ли когда-либо такая партия, задачей которой, по ее собственному признанию, являлось бы только хвастовство?»⁴¹

Маркс, глава Союза (или «синедриона»), как его в шутку называл Фрейлиграт), считал необходимым разоблачать махинации и подлоги прусской охранки (и одного из ее руководителей, Штибера), которая путем фабрикации фальшивых документов стремилась состряпать громкий процесс о «коммунистическом заговоре».

Женни принимала самое деятельное участие во всей разоблачительной работе. Одновременно она

прилагала много усилий, чтобы облегчить участь арестованных коммунистов и их семей.

В письмах к Марксу из Германии (где она временно находилась у матери) Женни рассказывала ему о положении обвиняемых, и в особенности о Даниельсе, который заболел в тюрьме чахоткой⁴². 9 января 1852 года она обращается с письмом к Вейдемейеру, где просит его напечатать в своей газете статью «о наших бедных кельнских друзьях, тем более, что партия Кинкеля, заодно с присяжными писателями и услужливыми шавками из «*Lithographische Korrespondenz*», намеренно обходит полным молчанием их существование и все их страдания. Это тем более подло, что Кинкель обязан своей популярностью главным образом именно Беккеру, Бюргерсу и их тогдашнему органу. И вот эти люди изнывают в тюрьме, с ними отвратительно обращаются, и теперь им приходится отсиживать еще лишних 3 месяца, а «великие мужи будущего» загребают, между тем, именем революции кучу денег и уже делят между собой будущие правительственные посты»⁴³.

Маркс и Энгельс пишут в защиту подсудимых статьи в газеты. Маркс составлял также специальные воззвания об оказании материальной помощи подсудимым. Вместе с тем он решил издать отдельную брошюру, которая полностью разоблачала бы организаторов процесса, всю их тонко сотканную сеть лжи и фальсификации⁴⁴. Считая партийным долгом публично разоблачить гнусную систему провокаций, шпионажа и лжесвидетельств прусской полиции, Маркс хотел пригвоздить к позорному столбу всех организаторов процесса и сказать одновременно широким массам рабочего класса о подлинной роли, значении и целях партии. Он писал Энгельсу по этому поводу: «Как только процесс закончится, каков бы ни был его результат, мы оба должны напечатать «Разъяснения для публики» размером в 1 или 2 печатных листа. Более благоприятный момент обратиться ко всей нации не повторится»⁴⁵.

В течение нескольких месяцев 1852 года все усилия Женни и Маркса были направлены на подготовку этого разоблачения.

Женни Маркс, несмотря на все пережитое, несмотря на то что она все более худеет, болеет и кашляет, как пишет Маркс Энгельсу 13 июля 1852 года, принялась помогать мужу. Она переписывает рукопись, добывает материалы и инструкции, пересылает их, ведет тайную шифрованную переписку по конспиративным адресам. Некоторые из писем Женни, отправленных в ту пору, сохранились.

Как вождь движения, Маркс должен был сбегать то, чего не смогли взять враги, — партийное знамя коммунистов. Политические письма Женни свидетельствуют, что она понимала всю ответственность за движение, сознавала необходимость спасти от разгрома то, что еще можно было спасти, и хоть чем-нибудь ответить на удары победившей реакции. Женни находилась в том штабе, который старался воспрепятствовать планам и намерениям полиции и судейского аппарата германской империи.

В письме к Клуссу в Америку от 28 октября 1852 года Женни дала очень подробную картину самого процесса и того, что творилось в доме Маркса: «Вы, наверное, следите... за ходом процесса-монстр против коммунистов... Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает днем и ночью, работает головой, руками и ногами... Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, приносит лжеприсяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам, которые стоят вне общества! Буквально волосы дыбом становятся от всего этого... Все доказательства того, что это фальсификация, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью... А затем все документы, переписанные в шести-восьми экземплярах, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и перехватываются... Простите меня за это сумбурное письмо, но я тоже принимала участие во всей этой истории и переписывала столько, что пальцы онемели. Отсюда хаос...

У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы те, которые пишут, могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательства неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздаётся пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего строгого папы. Вот суматоха-то!» И еще она пишет: «Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всеми боевыми средствами, безусловно, представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и все остальное, в то время как мы часто не знали, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма...»⁴⁶

Маркс в свою очередь сообщал Клуссу, что разоблачения по поводу кельнского процесса готовы и что он хотел бы издать их в Швейцарии, а если возможно, и в Америке: «Вы сможете оценить юмор брошюры, если учтете, что за отсутствием штанов и обуви автор ее находится как бы под домашним арестом, а семье его каждую минуту угрожала и угрожает действительно крайняя нищета. Из-за процесса мое положение еще ухудшилось, так как в течение пяти недель, вместо того чтобы зарабатывать на хлеб насущный, я должен был работать для партии, разоблачая махинации правительства. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей «Политической экономии»»⁴⁷.

И здесь судьба сыграла злую шутку с Женни и Марксом: большая часть тиража брошюры, вышедшей в свет в январе 1853 года, была конфискована.

Уже 10 марта Маркс переслал Энгельсу краткую записку базельского издателя Шабелица, где говорилось, что «вся партия «Разоблачений...» пролежала полтора месяца в деревне по ту сторону границы и вчера была задержана при попытке отправить ее дальше»⁴⁸. Мы теперь знаем, что, в то время как неутомимая Женни выбивалась из сил, переписывая рукопись Маркса (один почерк кото-

рого чего стоил!) и придумывая разные способы для отправки брошюры, ее брат, прусский министр внутренних дел, вместе с берлинским полицейским управлением, предупрежденные агентами⁴⁹ из Лондона, срочно по полицейской и посольской линиям оповещают все пункты Германии, такие, как Бремен, Кёльн, Гамбург, а также Брюссель и Париж, и указывают на необходимость принятия мер против распространения брошюры Маркса. В ответ префект парижской полиции благодарит фон Вестфалена за сообщение и пишет, что он принял необходимые меры, чтобы помешать ввозу брошюры во Францию.

При таких условиях почти весь тираж брошюры Маркса, естественно, очень скоро попал в расставленные на границах сети, и барон фон Вестфален торжествовал свою победу. 12 марта 1853 года он, ликуя, сообщал в циркулярном послании всем королевским правительствам, что «таможенные чиновники великого герцогства Баденского конфисковали в текущем месяце в Леопольдзее два ящика с 275 пакетами экземпляров появившегося в Бадене памфлета «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», изданного баденским книготорговцем Шабелицем, самым крупным немецким, и особенно прусским, книготорговцем».

Судьба этих книг такова: они были уничтожены на бумажной мельнице в Леррахе, однако несколько экземпляров брошюры сохранилось, так как и в ту пору издатели печатали большее количество экземпляров, чем это полагалось по договору.

Женни была потрясена таким исходом. «...Кёльнский процесс окончательно проигран, — писала она Клуссу в Америку, — партия все еще целиком не очистилась от всяческой клеветы и правительство торжествует! Воздействие брошюры в этот момент было бы огромным. Она как гром среди ясного неба поразила бы дрожащие и трепещущие души немецких полицейских»⁵⁰.

Спустя некоторое время благодаря содействию единомышленников Маркса памфлет был вновь напечатан в Бостоне.

Эта брошюра лишняя раз втянула Маркса в полемику с эмиграцией.

Прусская полиция, которая не особенно разбиралась в разногласиях среди эмиграции, на процессе смешала всех, и Маркс посчитал необходимым «снять с фракции Виллиха этот мученический ореол». Виллих тотчас же выступил против Маркса. Марксу пришлось отвечать ему отдельной брошюрой, вышедшей в Нью-Йорке в январе 1854 года под названием «Рыцарь благородного сознания» и являющейся как бы заключительным аккордом «Разоблачений к кёльнскому процессу».

На этом временно заканчивается борьба с мелкобуржуазной эмиграцией, которую позднее Маркс охарактеризовал следующим образом: «Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат...»⁵¹.

Женни, Энгельс, Вольф, Либкнехт, Фрейлиграт, Эккариус, Лохнер, Пфендер, лидер чартистов Э. Джонс и другие составили ту небольшую группу соратников, которые были в этот трудный период возле Маркса. Мелкобуржуазные эмигранты иронизировали над Марксом как над «генералом без армии». Так, один из приятелей Либкнехта, живший в Америке, звал его туда, уговаривая покинуть континент, где нет никакой перспективы, ибо «наверху царит ваш всезнающий, всемудрый далай-лама — Маркс. За ним далеко, далеко — пустота. Потом — Энгельс; далее опять далеко, далеко на огромном пространстве — пустота. Затем — Вольф. И опять бесконечная пустота. И только после них, может быть, найдется местечко этому «сентиментальному ослу» Либкнехту...»⁵².

После кёльнского процесса и временного наступления реакции по всей Европе Маркс погружается в научную работу, чтобы вооружить рабочий класс революционной теорией. Ради этой

цели он прежде всего старается выступить в периодической печати, тем более что следовало думать и о хлебе насущном, так как положение семьи в этот период было самым отчаянным.

Марксам абсолютно неоткуда было ждать помощи, кроме как от верного друга Энгельса, который работал конторским служащим в манчестерской фирме своего отца и его компаньонов. Но он и сам был посажен на жесткий паек приказчичьего жалованья, так что поддержка его могла быть очень и очень незначительной. Попытки других друзей помочь Марксу также ни к чему не привели, в частности затеянное Беккером издание работ Маркса закончилось на первом выпуске.

Таким же крахом завершилась попытка издать собрание сочинений с помощью Фрейлинграта. Ни переиздать «Нищету философии», ни опубликовать другие рукописи, над которыми Маркс работал в трудное время, никак не удавалось.

Переехавший в Америку друг Марксов Вейдемейер начал издавать еженедельник «Revolution». Хотя издание просуществовало недолго, там было напечатано «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в мае 1852 года в виде «непериодического» выпуска этого журнала. Таким образом, это гениальное произведение Маркса увидело свет. В условиях разгула реакции почти все издательства и пресса были закрыты для Маркса и отовсюду, куда бы он ни обращался, следовали отказы. Поэтому он согласился на представившуюся в 1851 году возможность сотрудничать в американской прогрессивной газете «New York Daily Tribune», в которой он мог печататься и зарабатывать литературным трудом, не изменяя своим убеждениям. В течение десяти лет Маркс корреспондировал в этой газете, используя ее в качестве печатного органа для обращения к массам. С этой целью он сотрудничал и в других демократических и чартистских органах. С 1857 года Маркс принимает участие в издании «Новой американской энциклопедии».

Однако газетная работа грозила поглотить все время Маркса и лишить его возможности вести научные исследования в области политической экономики, которой Жени и Энгельс придавали большое

значение. Поэтому Энгельс сам взялся за писание некоторых статей, особенно по военным вопросам. В это время он считает необходимым всерьез заняться за военную науку и полагает, что для занятий ему будет достаточно одного года, чтобы разделаться с «лейтенантами» типа Виллиха.

Маркс рассматривал период европейской реакции и торжество контрреволюции как временную «передышку» старого буржуазного мира. Он считал, что ближайший экономический кризис приведет к новому революционному подъему, а поэтому главным предметом своих занятий делает политическую экономию.

Женни, Карл и их дети

В предыдущих главах мы уже говорили о совместной жизни Женни и Карла за сравнительно длительный период. При чтении этих глав и на протяжении дальнейшего изложения читатель должен иметь в виду следующее. Бытовые условия их жизни были весьма трудными. Это была жизнь в изгнании, полная нищеты, повлекшей за собой смерть четверых детей, лишений и непрерывной борьбы за существование.

Однако, несмотря на все, в этой семье царили бодрость, юмор и весьма ироническое отношение ко всяким бытовым невзгодам, столь часто преследующим семью Марксов.

Тяжелые условия жизни ни на секунду не поколебали и не надломили Женни и Карла в их революционной борьбе. Эти люди всегда оставались примером стойкости, мужества для всей коммунистической эмиграции, были ее оплотом и духовным центром.

Дух дружбы, взаимного понимания и поддержки пересиливал и разбивал путы и невзгоды их жизни. Гнет материальный не помешал Марксу выполнить свою историческую миссию.

Печальная бытовая сторона жизни Марксов отступает на задний план перед бодростью духа, оптимизмом и юмором этой замечательной семьи. Элеонора всегда подчеркивала: «...думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности...

они смеялись до того, что слезы текли по их щекам»¹.

Брак Женни и Карла был одним из тех редких союзов, которые выдерживают все испытания. Это был союз двух людей, полных взаимного понимания, общности интересов, исключительно удачно дополнявших друг друга. Маркс в течение всей жизни питал к своей жене не только любовь, но и влюбленность. Вот отрывок из письма, которое Маркс писал жене в Германию в 1856 году, после того как Женни родила ему шестерых детей:

«Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне, и теперь я понимаю, почему даже «мрачные мадонны», самые уродливые изображения богородицы, могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения. Во всяком случае ни одно из этих мрачных изображений мадонн так много не целовали, ни на одно не смотрели с таким благоговейным умилением, ни одному так не поклонялись, как этой твоей фотографии, которая хотя и не мрачная, но хмурая и вовсе не отображает твоего милого, очаровательного «dolce» (сладостного. — П. В.), словно созданного для поцелуев лица. Но я совершенствую то, что плохо запечатлели солнечные лучи, и нахожу, что глаза мои, как ни испорчены они светом ночной лампы и табачным дымом, все же способны рисовать образы не только во сне, но и наяву. Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!»². И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр...

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои беско-

нечные страдания, мою невозместимую утрату читаю я на твоём милым лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твоё дорогое лицо»³.

Письма Женни к Марксу также говорят о том, что и она до самой старости сохранила к нему не меньшую любовь и свежесть чувства. В качестве примера, который ярко освещает весь тонус их внутренней жизни и переживаний, приведём хотя бы такой факт.

В 1861 году Маркс поехал на континент, с одной стороны, по семейным делам в Голландию, с другой — по политическим делам в Германию. Это была первая более или менее длительная его отлучка. Все домашние очень соскучились и ждали возвращения Маркса с нетерпением. К этому присоединялись надежды, которые возлагала семья, оставшаяся без средств, на «пиратский» набег Маркса на состоятельных голландских родственников.

Женни пишет ему в Голландию нежнейшие письма, обращаясь к 43-летнему Марксу со словами «милое дитя», и беспокоится о нём, как о малом ребёнке: «Я боюсь, что ты замерз и тебя занесло снегом в стране праздности (выражение Фрейлиграта)... Так как для меня утешением является по крайней мере то, что за тобой, учитывая твои страдания, бережно ухаживают, то это мне очень помогло многое пережить»⁴.

Она даже торопит других вернуть ей немедленно её Карла.

Из писем этого периода видно, что чувство Женни к Марксу перенесло все испытания; она так жаждала его возвращения, что, вероятно, казалась себе даже немножко смешной. В письме к Лассалю, где она благодарит за дружбу и присем, оказанный Марксу в Берлине, Женни просит: «Только не задерживайте у себя долго Мавра. Я готова вам уступить все ценное, но только не его: в этом пункте я жадная собственница и завистница; здесь прекращается всякая гуманность и начинает действовать узкий, чистый, воплощенный эгоизм».

Письмо она заканчивает с обычным для неё изящным остроумием: «Простите мне эту беглую

мазню. У меня столько в голове и на руках, и еще много беготни мне предстоит в городе, что тоже задаст работу моим ногам на два-три часа. Вы видите, я все еще принадлежу к партии движения, к движущейся вперед, к измеряющей мили партии, и помимо всего этого я — дельный партийный пешеход или гонец, как хотите»⁵.

И вот наконец Маркс возвращается из поездки. Женни так описывала эту радостную встречу в письме к Лассалю: «Велика была радость, когда в прошлый понедельник внезапно и неожиданно влетел Мавр. До поздней ночи болтали, сплетничали, вспоминали, веселились, смеялись, шутили и целовались. Мне особенно приятно освободиться от временно взятых мною бразд правления и снова превратиться в простую подданную»⁶.

Приведенные выше письма Женни свидетельствуют о том, что она пронесла свою любовь через десятилетия. После этих 20 лет протекло еще 20 лет их совместной жизни; годы разрушили здоровье Женни и отчасти подорвали ее силы, но любовь к Марксу пережила все испытания. Даже в минуты великих политических потрясений, когда революция (как, например, революция 1848 года или Парижская коммуна) терпела поражение, она находит утешение и новые силы в том, что шагает рука об руку с Карлом. Женни любила повторять: «Страдания закаляют, а любовь поддерживает».

Правда, Маркс жаловался порой Энгельсу, что характер Женни ухудшается, что она стала более раздражительной, особенно после оспы, которая оставила свои следы на ее когда-то прекрасном лице. Однако, если жизнь складывалась тяжело, это была не вина Маркса. Женни знала это лучше, чем кто-либо. Она больше всего страдала от того, что под прессом изнурительных житейских тягот разрушается здоровье Маркса. Она изо всех сил старалась оберегать его от «пакости жизни», как она выражалась.

Именно Женни с наибольшей остротой и болезненностью реагировала на то, что его исключительный гений не находит себе достаточного признания. Горькой иронией звучат написанные после смерти Женни строки Маркса к Зорге, где он выражал

радость по поводу того, что покойная могла незадолго до смерти прочесть в «Modern Thought» заметку о Марксе.

Сорок лет эта женщина жила и боролась вместе с гением, который оставил величайший след, если не целый геологический пласт в истории человечества, и за два года до смерти она радуется статейке в небольшом журнале! Радует, как чему-то совершенно исключительному.

Чувства Женни к Марксу остались неизменными до последних дней ее жизни. Чувства Маркса к ней выражены в тех глубоко волнующих строках, какие он послал Энгельсу после ее смерти.

Из всего этого мы видим, что брак Маркса и Женни был одним из редких союзов.

«Я редко встречал, — говорит Стефан Борн, — такой счастливый брак, в котором бы все радости и горести — а последних было очень много — делились так дружно, в котором бы все тяжелые испытания смягчались сознанием неразлучной... близости»⁷.

Если Маркс мог отлучаться из дому на долгие часы, чтобы спокойно поработать в Британском музее, то Женни все время вынуждена была проводить в хлопотах по хозяйству и заботах о детях, занимаясь одновременно обязанностями секретаря и помощника Маркса. Чтобы оградить Маркса от мелочей будней и создать ему необходимый покой для выполнения той миссии, которой он себя посвятил, Женни взяла на себя всю тяжесть бытовой стороны их жизни.

В эмиграции Марксам пришлось жить в отчаянной нищете, без всяких надежд на спокойное и обеспеченное существование. Нужда была не только унижительной и беспросветной, но и влекла за собой смерть детей. Известно, что после всего пережитого Марксом и его семьей в мире капитала, наживы и жестокости из его уст вырвались слова, которые он изложил в письме к Лафаргу: «Вы знаете, что я принес все мое состояние в жертву революционной борьбе. Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое. Только я не женился бы»⁸.

В Лондоне у Марксов родился 5 ноября 1849 года четвертый ребенок, мальчик Генрих Гвидо, или Фоксик, как его прозвали в честь заговорщика Гая Фокса⁹.

По поводу многочисленности своей семьи Маркс заметил в письме к Энгельсу от 3 февраля 1851 года с иронией и юмором, которую не терял в самые тяжелые времена: «Обратно пропорциональное отношение плодородия почвы к человеческой плодовитости должно было глубоко смущать такого многодетного отца семейства, как я. Тем более, что мой брак более продуктивен, чем мое ремесло»¹⁰.

Семья в семь человек (с Марксами жила и Елена Демут) ютилась в двух комнатках, часто в их доме находили пристанище и друзья-эмигранты. Описание тяжелой жизни семьи Марксов мы находим в письмах Женни к близким друзьям, в частности к Вейдемейеру. 20 мая 1850 года она пишет: «Я опишу Вам без прикрас только *один* день нашей жизни, и Вы увидите, что, пожалуй, немногие эмигранты испытали нечто подобное... Мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдая от сильных болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов... Из-за этих мучений он так сильно сосал, что у меня заболела грудь, появились трещины; часто кровь текла в его открытый, дрожащий ротик. Так сидела я с ним однажды, как вдруг появилась наша домохозяйка... Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов, которые мы ей были должны. Так как денег у нас не оказалось... являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье — все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Судебные пристава угрожали через два часа забрать все имущество... Наш друг Шрамм поспешил в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскочил из экипажа, и его, окровавленного, принесли к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными дрожащими детьми.

На следующий день нам пришлось оставить квартиру. Было холодно, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец нам оказывает помощь один друг, мы оплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца; вывозить вещи в такое время запрещается английским законом, и вот появляется домохозяйин в сопровождении полицейских и заявляет, что здесь могут быть и его вещи и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот — трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро, после восхода солнца. Когда, наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до последнего гроша, я переехала с моими милыми мальшами в наши теперешние две комнатки в немецкой гостинице...»¹¹

Характерно, что даже в столь тяжелый момент Женни волновалась главным образом из-за Маркса и в первую очередь стремилась оградить именно его от этих невзгод:

«Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне захотелось хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, — я принадлежу к немногим счастливым, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелочных невзгод, в то время как ему

можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи»¹².

С 1850 по 1856 год (после недолгого пребывания на Лестер-стрит) Марксы живут в квартире на Дин-стрит, в плохом и бедном районе.

Здесь 19 ноября 1850 года умирает Гвидо, которого Женни упоминает в цитированном выше письме. Маркс извещает об этом самого близкого друга — Энгельса: «Пишу тебе только несколько строк. Сегодня в 10 часов утра умер наш маленький заговорщик Фоксик — внезапно, во время одного из тех припадков конвульсий, которые у него часто бывали. Еще за несколько минут до этого он смеялся и шалил. Все это случилось совершенно неожиданно. Можешь себе представить, что здесь творится. Из-за твоего отсутствия как раз в данный момент мы чувствуем себя очень одинокими». В заключение он просит: «Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя»¹³.

Спустя много лет Женни писала в своих воспоминаниях: «Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоит еще такие страдания...»¹⁴

Если принять во внимание целеустремленность пролетарского вождя и теоретика Маркса, а также неприспособленность к жизни Женни, особенно в чужой стране, то легко себе представить, как тяжело приходилось всей семье в условиях отчаянной нищеты в Лондоне. С этой точки зрения весьма правдоподобной кажется картина их жизни и быта, описанная в донесении одного шпиона: «Маркс живет в скверном, следовательно, в самом дешевом районе Лондона. Он занимает две комнаты: одна, выходящая на улицу, — гостиная, другая, задняя, — спальня... Посредине гостиной стоит большой старомодный стол, покрытый клеенкой, на нем лежат манускрипты, книги, газеты, а также игрушки детей, лоскуты и швейные принадлежности Женни... Когдаходишь к Марксу, то глаза так застилаются облаками дыма от угля и табака, что в первый момент бродишь, как в аду, пока не

освоишься и, будто в тумане, не начнешь постепенно различать некоторые предметы...»¹⁵

Другие источники также подтверждают чудовищные условия, в которых жили Марксы в Лондоне.

28 марта 1851 года у Женни родилась дочь Франциска, которая прожила чуть более года. Нетрудно вообразить, как тяжело переживала Женни горе и невзгоды семьи. В ее воспоминаниях мы читаем строки, относящиеся к этому периоду: «На пасху... 1852 года наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнате. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу, — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все плакали о маленьком ангеле, который... покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни... Я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку... Я просила его помочь нам в ужасной беде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказано в последней маленькой обители»¹⁶.

Несмотря на столь отчаянное положение семьи, эти скромные и в то же время гордые люди обращались за помощью только к самым ближайшим друзьям, главным образом к Энгельсу.

Из дневника Женни и ее неопубликованного письма к Марксу мы знаем, что в августе 1850 года она решила на последний отчаянный шаг. Оставив дома четверых ребят (в том числе одного больного), ожидая пятого, Женни бросилась в Голландию к дяде Маркса. Однако тот, обозленный на революцию, которая сильно пошатнула его коммерческие дела, отказал в помощи. «Старик не подозревал, с какой тяжестью в сердце я расставалась с ним»¹⁷, — писала Женни. Но характерно, что об этих фактах мы узнаем только из ее дневника либо

из писем, написанных спустя много лет и адресованных близким друзьям — жене Вейдемейера и Берте Маркгейм. Только единственному другу — Энгельсу Женни и Маркс с полной откровенностью описывали свои невзгоды. Поэтому для характеристики этого периода жизни Маркса необходимо прежде всего прибегнуть к его переписке с Энгельсом.

Вот отрывок из одного письма Маркса:

«Дорогой Энгельс!

Твое письмо попало сегодня в весьма возбужденную атмосферу.

Моя жена больна, Женничка больна, у Ленхен что-то вроде нервной лихорадки. Врача я не мог и не могу позвать, так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8 — 10 дней моя семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это. Разумеется, при теперешних климатических условиях эта диета не была полезна»¹⁸.

Иногда за помощью к Энгельсу обращалась и Женни. 27 апреля 1852 года она писала ему: «Мне страшно неприятно обращаться к Вам по денежным делам. Вы нам, право, уже слишком часто помогали. Но на этот раз я не знаю никакого иного спасения, никакого выхода. Я писала Хагену в Бонн, Георгу Юнгу, Клуссу, моей свекрови, моей сестре в Берлин. Ужасные письма! И ни от кого, ни от кого до сих пор нет ответа. Значит, больше нет никаких средств. Я не в состоянии описать Вам, что у нас творится. Мой муж ушел в Сити... Можете Вы нам что-нибудь прислать? Булочник заявил, что с пятницы перестанет отпускать хлеб. Вчера его атаку отбил Муш. Когда булочник его спросил: «Is Mister Marx at home?» («Дома ли г-н Маркс?» — П. В.), он ответил: «No, he ain't upstairs» («Нет, его нет наверху». — П. В.), и, схватив под мышку наши три хлеба, умчался стрелой и рассказал все это своему Мавру»¹⁹.

Муш, который проявил такую энергию, спасая хлеб для всей семьи, — это маленький пятилетний сынишка Женни Эдгар, или, иначе, полковник Муш.

Письма Маркса к Энгельсу этого периода полны жалоб на бедственное материальное положение, нажим кредиторов, сообщений о просроченных векселях и визитах в ломбард.

Первые годы жизни в Лондоне, очень тяжелые и скудные, отняли у Женни и Маркса много энергии, сил и здоровья. Домохозяйке, которая сама была бедна, приходилось выдавать векселя, чтобы «не быть выброшенными из квартиры». Скоро векселя опротестовываются, и Маркс жалуется, что целая неделя ушла на бесполезную беготню по делам займов и отвратительные препирательства с кредиторами. «Нет ничего хуже, когда революционеры, — говорил Маркс, — должны заботиться о хлебе насущном»²⁰.

9 марта 1854 года Маркс писал Энгельсу: «Отвратительно становится при мысли, что предстоящую весну и лето придется прожить в той же хронической нужде, как и прошлые, так как одной выручкой от «*Tribune*» я никак не могу покрыть прежние дефициты. Временами я прихожу в ярость по поводу того, что этой гадости конца не видно»²¹.

Отражением таких же настроений является следующее письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1854 года: «Теперь, когда я уже поправился и дети снова все на ногах... скверно себя чувствует моя жена, вероятно вследствие ночных дежурств и ухода за больными». Маркс страдает вдвойне — без нее он совсем беспомощен: «...я не могу отсылать корреспонденции по вторникам, так как Пипер в этот день не может служить мне секретарем из-за своих уроков, а жену мою в ее теперешнем состоянии нельзя мучить писанием. Как видишь, я стал настоящим Петером Шлемилом»²².

Надо заметить, что самым тяжелым периодом для Маркса и Женни были первые годы лондонской жизни, когда Маркс почти не имел литературных заработков, а Энгельс также был стеснен в средствах.

«Этот (т. е. 1850 год. — П. В.) и следующие два года, — пишет Женни, — были для нас годами величайших житейских забот, постоянной изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нужды»²³.

Работа Маркса в «New York Daily Tribune» стала ощутимой с материальной точки зрения только в 1853 году, во-первых, потому, что теперь Маркс уже мог свободно писать по-английски и не должен был каждый раз обращаться к Энгельсу, Пиперу или к кому другому за переводом, а во-вторых, и главным образом потому, что после Крымской кампании возрос интерес газеты к военным статьям, которые Маркс писал для газеты с помощью Энгельса. Маркс часто просит Энгельса о посылке той или иной корреспонденции на военные темы. Энгельс выступал корреспондентом и по другим вопросам, особенно во время частых заболеваний Маркса. Кроме того, Маркс имел и побочный заработок от корреспонденций в «Neue Oder-Zeitung» и в «Free Press» Уркарта. Впрочем, эта газета давала ничтожный заработок, и его сотрудничество в ней было кратковременным.

Но вся беда была в том, что Маркс никогда не мог рассчитывать на твердый и постоянный заработок, вследствие чего семья никогда не вылезала из долгов и не могла вести «планового хозяйства», построенного на определенном бюджете.

Заработок Маркса зависел от политической конъюнктуры в мире, от каждого дуновения политического ветерка, даже от капиталистических кризисов. Так, экономический кризис 1857 года резко ухудшил его положение в «New York Daily Tribune». Правда, в 1857—1858 годах Дана предпринял издание словаря, где Маркс (а еще больше Энгельс для Маркса) принялся усердно работать, но скоро и это издание прекратилось. При всем этом не надо забывать, что Маркс из-за частых болезней — и своих, и домочадцев — писал весьма и весьма нерегулярно.

Надо также принять во внимание, что денежная помощь, которую оказывал Марксу Энгельс помимо писания статей за него, была незначительной, поскольку он сам работал на весьма невыгодных условиях конторским служащим на фабрике своего отца. После смерти отца материальное положение Энгельса улучшилось, но он был связан невыгодными условиями договора. Лишь в 1864 году, став компаньоном фирмы, Энгельс получил возмож-

ность ощутичее помогать Марксу. Но обеспечить Марксу безбедное существование, создать условия для теоретической работы он смог только начиная с 1869 года, с той поры, когда совсем вышел из фирмы и получил свою долю. Пока же денежные переводы Энгельса были нерегулярными.

Помощь Энгельса, небольшие литературные заработки несколько облегчили по сравнению с первыми страшными годами материальное положение Марксов. Однако им далеко еще было до среднего уровня жизни большой английской семьи в Лондоне, до определенного *Standart of Life*.

Конечно, здесь сказывается и неприспособленность обоих Марксов к практической жизни, да это и вполне естественно. Поглощенные общественными интересами, вынужденные вести жизнь профессиональных революционеров, Женни и Карл не имели возможности уделять достаточного внимания хозяйственным делам. Не подлежит сомнению, что Женни, незаменимая помощница Маркса в теоретической работе и верный советчик в революционной деятельности, не могла ограничить себя лишь ролью обычной экономной хозяйки. Во второй период лондонской эмиграции Марксы проживали значительно больше денег, чем в первый. Но это объяснялось прежде всего увеличением семьи и необходимостью дать образование подросшим детям, отчасти ростом дороговизны в Лондоне. Однако нередко бывало, что дети не могли посещать школу из-за отсутствия зимней одежды и возможности внести плату за учебу. Иногда Маркс не мог пойти в Британский музей, потому что последний сюртук был в ломбарде; ценнейшие его рукописи своевременно не отправлялись издателем, потому что не хватало денег на то, чтобы оплатить заказную бандероль.

Граф Шверин фон Крозигк упрекает Женни и Карла в том, что они, видите ли, не придерживались точного «бюджета» в своих приходах и расходах. Но о каком бюджете могла идти речь, когда у них не было никогда постоянного, твердого заработка? Гениальные труды Маркса не издавались или запрещались к продаже, газетный заработок был случайным. Здесь не могло быть и речи о твер-

дом «бюджете», когда часто оставалось неизвестным, чем завтра можно будет накормить семью.

Маркс не мог не понимать, что он обязан целиком отдать свой гений для создания теоретического фундамента рабочего движения. Такая работа требовала долгих лет огромного духовного напряжения, немыслимого без душевного равновесия. Но об этом можно было лишь мечтать. Маркс, как любящий отец, как друг и товарищ Женни, тяжело переживал лишения семьи. Но все же его положение было иным, чем у Женни. Погруженный в свои теоретические исследования, он целые дни, как нам уже известно, проводил в Британском музее. В письмах Женни мы часто читаем, что ее муж работает в библиотеке, куда уходит в 10 часов утра и возвращается в 7 часов вечера. Сама Женни страдала втрое: как мать, жена и, наконец, как товарищ по борьбе, вынужденная быть свидетелем ненужной траты сил гения на мелочи. Но куда могла уйти Женни? Ей некуда было деваться от беспомощных ребят, от забот и тягот, нужды и бесконечной изнуряющей домашней работы. Она сама лучше всех понимала то бремя, которое ложится на плечи женщин-революционерок. Вот что писала она Либкнехту 26 мая 1872 года: «Нам, женщинам, выпадает во всех этих битвах более тяжелая, хотя и менее значительная роль. Мужчина закаляется в борьбе с внешним миром, крепнет перед лицом врагов — имя им легион, — мы же сидим дома и штопаем чулки»²⁴

В 1855 году Марксы потеряли единственного сына Эдгара, и эта смерть особенно сильно потрясла Женни. Эдгар, как самый младший, естественно, был любимцем и баловнем всей семьи.

В ранее упоминавшемся письме к Вейдемейеру от 20 мая 1850 года Женни так описывает своего трехлетнего Муша: «...наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Этот бесенок целые дни самым громким голосом распевает с необычайным пафосом забавные песни. Весь дом дрожит, когда он во весь голос поет слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и двух его несчастливых предшественников, состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку»²⁵,

Все видевшие Эдгара с восхищением говорили о его великолепных глазах и большом природном уме. Маркс, как известно, имел слабость по части «френологии» и, судя по воспоминаниям Либкнехта и Лафарга, прощупывал и пронизывал глазами «ценителя черепа» всех своих знакомых. В этом смысле маленький Муш вполне удовлетворял френологическим требованиям отца. У мальчика был большой лоб, и действительно он производил впечатление умного, наблюдательного ребенка. Фрейлиграт подписывался в письмах к Марксу «только Фрейлиграт», и это юмористическое «только» было связано с Мушем. Однажды рано утром Фрейлиграт постучался к Марксу. Мальчик пошел открывать и, увидев Фрейлиграта, стал кричать Женни, которая убежала в другую комнату, чтобы быстро сменить свой утренний туалет: «Мама, это только Фрейлиграт».

Как догадался мальчуган при виде пекаря, пришедшего за долгом, удрать с хлебами под мьпшкой наверх к Марксу, уже рассказывалось раньше. Приведем еще один штрих, характеризующий этого мальчугана, когда ему было пять лет. В одном из писем к Энгельсу Женни пишет: «Вы помните, быть может, что Пипер подарил мальчику свою красивую дорожную сумку. Вчера он пригрозил ему, что он ее у него отберет и вместо нее купит что-нибудь другое. Сегодня утром мальчик прячет сумку и говорит: «Мавр, теперь я ее хорошо припрятал, и если Пипер захочет ее забрать, я скажу, что подарил ее нищему!» Каков плут!»²⁶

В начале 1855 года мальчик тяжело заболел. «Если бы мы тогда могли покинуть тесную, нездоровую квартиру, — писала в воспоминаниях Женни, — и увести ребенка к морю — может быть, его удалось бы спасти»²⁷. Но для Марксов тогда это было несбыточной мечтой.

Маркс, который в то время собирался съездить к Энгельсу, еще 8 марта предупреждает друга, что откладывает поездку главным образом из-за Муша: «Я не могу уехать отсюда, пока здоровье полковника Муша не будет заметно восстановлено»²⁸.

Но уже скоро надежды на выздоровление улетучились. 30 марта 1855 года Маркс писал Энгельсу: «Со дня на день откладывал посылку тебе бюллетеня о состоянии здоровья, так как в течении болезни наблюдались то резкие улучшения, то резкие ухудшения, и мое собственное мнение менялось тоже чуть не ежечасно. Но в конце концов болезнь приняла наследственный в нашей семье характер изнурения желудка и кишечника, и, по-видимому, даже врач потерял всякую надежду. Моя жена вот уже с неделю сильнее, чем когда-либо раньше, больна от душевного потрясения. У меня самого сердце обливается кровью и голова как в огне, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенку в течение всей болезни ни на минуту не изменяет его оригинальный, приветливый и в то же время независимый характер.

Не знаю, как благодарить тебя за дружескую помощь, которую ты мне оказываешь, работая вместо меня, и за твое участие к ребенку.

Если произойдет какое-либо улучшение, напишу тебе тотчас же»²⁹.

6 апреля Маркс известил Энгельса: «Бедного Муша нет больше на свете. Он уснул (в буквальном смысле слова) у меня на руках сегодня между 5 и 6 часами. Я никогда не забуду, как твоя дружба облегчила нам это ужасное время. Как велика моя скорбь о ребенке, ты понимаешь. Жена посылает тебе самый дружеский привет. Если я поеду в Манчестер, то, возможно, возьму ее на неделю с собой... Во всяком случае надо подумать, как помочь ей пережить первые дни»³⁰.

Либкнехт, который в это время был в Лондоне, так описал последние дни и похороны Муша: «...еще и теперь помню печальные недели болезни без надежды на выздоровление. Мальчик, прозванный «Мушем» (его настоящее имя, данное в память дяди, было Эдгар), был очень одаренным, но, к сожалению, с самого рождения болезненным ре-

бенком; бедное дитя, с чудесными глазами и многообещающей головой, которая казалась слишком тяжелой для слабого тела!..

Муш умер...

Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданьем склонившаяся над мертвым ребенком; стоящая тут же и всхлипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, резко отказывающийся от всякого утешения; обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери... Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отнявшей у нее сыновей.

Через два дня было погребение. Поехали я, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Конрад Шрамм и Красный Вольф; я ехал с Марксом, — он сидел молча, уронив голову на руки...»³¹

Маркс трогательно и нежно относился к своим детям. Он очень тяжело переживал не только потерю детей, но и все их детские болезни, а позднее также душевные переживания повзрослевших дочерей (любовь и размолвки). Так, в одном письме к Кугельману он чистосердечно признавался: «В этом отношении я не такой стоик, как в других вещах, и семейные несчастья обходятся мне всегда дорого»³².

Фрейлиграт писал безутешному Марксу: «То, что ты еще не можешь оправиться от понесенной тобой потери, бесконечно меня печалит. Тут ничего не поделаешь и ничего не посоветуешь. Горе твое я понимаю и уважаю, но постарайся справиться с ним, чтобы оно тобой не овладело всецело. Этим ты не совершишь измены по отношению к памяти твоего милого мальчика»³³.

Маркс и особенно Женни не скоро оправились от этого удара. И много лет спустя эта рана еще не зажила и продолжала кровоточить в сердце Женни. В связи с планами реэмиграции в Германию она писала 5 мая 1861 года Лассалю: «Во всяком случае мы все со страшной больюотрежем эту страну от нашего сердца. Я ведь здесь оставляю четырех детей в сырой чужой земле и среди них самое любимое, что у меня было на этом свете, — мой дорогой единственный Эдгар. Моя боль

никогда не исчезнет, не утихнет — эта рана неизлечима. Рана сидит глубоко в сердце, она не стареет и не перестает кровоточить»³⁴.

Весной 1855 года Маркс из-за болезни был обречен на домашний арест. Энгельс настоял, чтобы Маркс и Женни поехали к нему в Манчестер, где могли бы немного рассеяться и отвлечься от пережитого. Ему удалось добиться своего, и Женни с Марксом пробыли у него в гостях почти месяц. Растроганный заботами Энгельса, Маркс писал ему: «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное»³⁵.

Летом 1856 года Женни со всей семьей отправились в Трир, чтобы повидаться с матерью и показать ей своих детей. Но и здесь ее поджидало несчастье: вскоре после ее приезда скончалась мать. «Самая преданная, лучшая из матерей, — писала Женни Луизе Вейдемейер, — заболела и после одиннадцатидневных страданий закрыла милые, усталые глаза, которые в последнюю минуту, благословляя, смотрели на меня и детей»³⁶.

После смерти матери, а также родственницы, жившей в Шотландии, Женни получила небольшое наследство³⁷, которое дало Марксам возможность осенью 1856 года уехать из нездоровой части города и снять коттедж в более возвышенной части Лондона, у Хемпстедских холмов, куда обычно они совершали прогулки. Теперь семья разместилась в просторных комнатах, обставленных необходимой мебелью, и могла свободнее вздохнуть после долгих лет суровых лишений.

Об этом времени улучшения материального положения Женни с восторгом сообщала своим близким знакомым. В письме к Берте Маркгейм она писала о новом житье-бытье, внося некоторые поправки и опровергая небылицы, которые распространялись о них: «Разрешите мне в то же время исправить сказки Фоше³⁸ а ля Мюнхгаузен. Мы не получили голландского наследства, не купили дома, не уехали в Берлин и даже не жили там. Ничего подобного... Унаследованные деньги позво-

лили нам покинуть Дин-стрит и переселиться в маленький домик у подножия романтического Хемпстеда, недалеко от прелестного Примроз-хилла. Когда мы в первый раз спали на собственных кроватях, сидели на собственных стульях и располагали даже собственной гостиной, обставленной мебелью в стиле рококо или, вернее, *bric à brac* (старой рухлядью. — П. В.), купленной по случаю, нам казалось, что мы действительно живем в волшебном замке и трубы и литавры прославляют наше великолепие»³⁹.

Домик этот, который так восторженно описывала Женни, действительно был очень удобен, но имел один недостаток, почему и стоил весьма недорого. Он «был почти недоступен, — писала в своих воспоминаниях Женни. — К нам не было настоящей дороги, все вокруг находилось в процессе зарождения и стройки; нужно было пробиваться через кучи мусора, и тяжелая глинистая почва красноватого цвета в дождливую погоду крепко прилипала к подошвам, так что часто после утомительной борьбы мы приходили домой с центнером грязи на ногах»⁴⁰.

Но это благоденствие семьи было непрочным и недлительным. В письме к Луизе Вейдемейер мы читаем: «Впрочем, великолепие длилось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус»⁴¹ (так дети называют таинственный дом с тремя шарами)... Первый американский кризис... уменьшил наполовину наши доходы. Опять началась скудная жизнь и долги. Их приходилось делать, чтобы продолжать по-прежнему только что начатое воспитание девочек»⁴².

В 1857 году разразился первый в истории капитализма экономический кризис, который Маркс ждал, предвидел и предсказывал. Из переписки Маркса с Энгельсом, а также из других документов мы знаем, какое значение они придавали этому кризису, первому большому кризису после революции 1848 года. Им казалось, что именно этот кризис вызовет глубочайшие политические потрясения и приведет к революционным переворотам в ряде стран.

Кризис 1857 года не поколебал капиталистической системы, однако на финансах самого Маркса отразился незамедлительно. Скоро опять все «было заложено и перезаложено», а в кармане, как иронизировал Маркс, было пусто, «точно в испанском банке». Тот маленький доход, который Маркс получал в виде гонорара за свои (а частью за Энгельсовы) корреспонденции, печатавшиеся в газете «New York Daily Tribune», в связи с разразившимся общеевропейским кризисом сильно уменьшился. Марксу же в это время очень много приходилось работать над своей книгой «К критике политической экономии».

Женни в своих воспоминаниях пишет: «В середине 1857 года американские рабочие вновь оказались перед лицом жесткого торгового кризиса. «Tribune» снова выразила нежелание оплачивать по две статьи в неделю и, таким образом, из-за этой брешы в доходах наша казна опять сильно опустела»⁴³.

В то же время расходы семьи увеличивались, дети подрастали, свести концы с концами становилось все труднее и труднее. Каково было материальное положение семьи в этот период и что приходилось переживать Женни, видно хотя бы из следующего письма Маркса Энгельсу: «Я не знаю, что мне делать, если не удастся добиться ссуды в каком-нибудь ссудном обществе или обществе страхования жизни. Если бы даже я решил сократить расходы до крайних пределов, — например, взять детей из школы, переехать в чисто пролетарскую квартиру, отпустить прислугу, питаться картофелем, — то и продажи моей мебели с аукциона не хватило бы, чтобы удовлетворить хотя бы живущих поблизости кредиторов и обеспечить беспрепятственный переезд в какую-нибудь трущобу. Видимость респектабельности, которая еще до сих пор поддерживалась, была единственным средством помешать полному краху. Для меня лично ни черта не стоило бы жить в Уайтчепеле, лишь бы, наконец, снова обрести хоть час покоя и получить возможность отдалиться своей работе. Но для моей жены в ее теперешнем состоянии такая метаморфоза могла бы повлечь за собой опасные послед-

ствия, да и для подрастающих девочек она вряд ли была бы подходящей»⁴⁴.

Но, несмотря на то что старая знакомая гостья — нужда снова стучалась в двери дома, Женни воспрянула духом, потому что за кризисом перед ней вырисовывались перспективы революционного подъема. Об этом свидетельствует ее письмо Шрамму от 8 декабря 1857 года: «Что бы Вы, например, сказали о всеобщем переполохе? Не правда ли, ведь испытываешь даже радость по поводу всеобщего краха и всеобщей перетряски старой дряни... Хотя мы очень ощущаем американский кризис на нашем кошельке, поскольку Карл вместо двух раз в неделю пишет не более одного раза в «Tribune», которая отказала *всем* европейским корреспондентам... однако Вы легко можете себе представить, какое приподнятое настроение у Мавра. Вновь вернулась вся его прежняя работоспособность и энергия... Днем Карл работает, чтобы обеспечить хлеб насущный, ночами — чтобы завершить свою политическую экономию». В этом же письме она дает уничтожающую критику демократов, «героев» 1848 года, и бичует филистеров, которых этот кризис толкает к пьянству: «...никто не может усидеть дома, один на один с семьей и со своими заботами, оживились клубы и сильно возросло потребление ликера. Чем глубже кто-либо задет кризисом, тем сильнее стремится он развеселиться, а на следующее утро являет собой разительный пример морального и физического похмелья. В Манчестере на этих днях вылетело в трубу уже 8—9 фабрикантов. Но нигде это не выглядит так великолепно, как в Гамбурге. Такой полной и классической паники не было еще никогда».

В конце письма Женни перечисляет обанкротившиеся фирмы с указанием потерянных сумм и со свойственным ей юмором замечает, что Гейнцен «тем не менее все еще заявляет, что «кризисы являются лишь выдумкой и фантазией Маркса»»⁴⁵.

Эти строки, полные бодрости и радости по поводу неустойчивости старого мира, писались еще в такое время, когда семью Маркса снова душила нужда. Помимо денежного кризиса 1857 год принес

Марксу ухудшение здоровья. Его исключительно интенсивная, в основном ночная работа над прелюдией «Капитала» — «Введением к «Критике политической экономии»», которую он торопился закончить, имела своим последствием частые приступы болезни, мешавшие ему писать для газеты.

Тяжелое заболевание Маркса (болезнь печени) значительно ухудшило материальное положение семьи. Поэтому он иногда говорил, что если такое положение будет продолжаться, то предпочел бы лежать на глубине 100 саженей под землей, чем прозябать таким образом. Быть вечно в тягость другим и в то же время постоянно изнемогать в борьбе с подлейшими житейскими мелочами — надолго это невыносимо. В усиленной работе над общими вопросами он еще может забыть об этой нищете, но у его жены нет этого пристанища.

Нужда и в последующие годы была частой гостьей в доме Марксов.

Дети были большой радостью в жизни Женни и Маркса. Своих милых детей они считали самой прекрасной и светлой стороной их печального существования. Женни сумела создать дружную, спаянную и веселую семью. В кругу семьи Женни и Карл находили утешение и отдых от житейских невзгод, преследований, клеветы мелкобуржуазной эмиграции, враждебного буржуазного общества и ненавистного им старого мира.

В новом домике, куда Марксы переселились после смерти их сына Эдгара, росли и цвели их три дочери — Дженни, Лаура и Элеонора, которые были не только большой гордостью родителей, но друзьями и любимицами всех эмигрантов, бывавших в доме Марксов. И напрасно Женни, хваля своих детей в письмах к друзьям, боялась показаться смешной и «тщеславной матерью».

По дошедшим до нас фотографиям и по рассказам Либкнехта, старшая, Дженни, была смуглая, красивая, черноглазая, с черными локонами — вылитый портрет своего отца.

Полную противоположность Дженни не только по внешности, но и по всему внутреннему, духов-

ному облику представляла собой Лаура — изящная, белокурая, с плутовскими глазками, удивительно похожая на свою мать.

Младшая дочь, Элеонора, была похожа и на Женни, и на Маркса. От матери она унаследовала красивый цвет лица, а чертами лица и особенно глазами походила на отца. Либкнехт говорит, что Элеонора была «круглая, как шар, кровь с молоком»⁴⁶.

Сама Женни так описывает своих дочерей Берте Маркгейм: «...если слово «красавицы» не полностью применимо к ним, то я все же должна сказать, рискуя показаться вам смешной из-за своего материнского тщеславия, что все три очень милы и привлекательны. Дженнихен удивительно смугла, у нее темные волосы и такие же глаза; круглые, розовые и совсем еще детские щечки и ласковый взгляд глубоких глаз делают ее очень пикантной. Лаура во всех отношениях светлее, яснее и подвижнее; говоря по правде, она красивее своей старшей сестры — у нее более правильные черты лица, а в ее всегда меняющихся зеленоватых глазах с длинными ресницами светится радостный огонек. Обе они выше среднего роста, очень хорошо сложены и изящны. Маленькие ручки и миниатюрные ножки Дженнихен — единственный предмет ее тщеславия. В остальном же обе девочки удивительно скромны и по-девически застенчивы. Благодаря талантливости и трудолюбию они обе очень образованны. Мы сделали все, что в наших силах, для их образования»⁴⁷.

Самую маленькую, Элеонору, мать называет «лучиком света всего дома». Она была кумиром и баловнем всей семьи. На это были свои причины, о которых Женни писала в письме к Луизе Вейдемайер: «Ребенок родился как раз тогда, когда умер наш бедный, милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботливостью... Девочка особенно отличается своей удивительно милой болтовней и своими рассказами. Этому она научилась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурения читаем

сказки и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно и точно. Девочка — поистине любимица Карла и своим смехом и щебетанием отвлекает его от множества забот»⁴⁸.

Действительно, для Маркса общество детей, по словам Либкнехта, было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался.

Не только Женни была нежнейшей матерью, но и суровый с виду Маркс был самым трогательным отцом. Дети, а позже и внуки превращали старика Маркса в лошадку, садились на него верхом и, погоняя криками «гип-гип», «ура», «алло», заставляли ползать по полу и везти их.

Но дети открыли в Марксе не только качества отличной лошадки, которую можно было погонять галопом. «...Хотя Мавр и был отличной лошадкой, он все же обладал и еще более высокой квалификацией, — вспоминает Элеонора. — Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок»⁴⁹. Во время традиционных прогулок в окрестностях Лондона, живо описанных Либкнехтом и Элеонорой, Марксу приходилось проявлять свой дар сказителя. На эти прогулки обычно отправлялась вся семья вместе с близкими друзьями-эмигрантами и Еленой Демут. Неизменным их атрибутом была и огромная, наполненная провизией корзина, которую Елена удосужилась как «великий трофей» вывезти из Трира в Лондон.

Во время этих длинейших прогулок «сказки делились не на главы, а на мили». Дети так и требовали: «Расскажи нам еще одну милю». Среди чарующих сказок Маркса были такие длинные сказки, что, слушая их, можно было бы обойти кругом весь земной шар. Такой, например, была сказка «Ганс Рёкле» о волшебнике вроде героя из сказок Гофмана, владеющем лавкой чудесных игрушек. «...Несмотря на то, что он был волшебником, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден... постоянно продавать свои игрушки дья-

волу. Однако после многих удивительных приключений, — писала Элеонора, — все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле»⁵⁰.

Великолепная декламация матери тоже делала эти прогулки увлекательными и поучительными. Прекрасным чтением стихов Гёте, Гейне, монологов героев Шекспира Женни с раннего детства привила дочерям вкус и рвение к сценическому искусству. Превосходный знаток Шекспира, она, по словам Либкнехта, на прогулках часто сменяла Маркса, который любил декламировать отрывки из «Божественной комедии» Данте⁵¹.

И Женни, и сам Маркс много читали детям на досуге. «Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д.»⁵², — писала Элеонора в своих воспоминаниях о Марксе.

Когда же Элеоноре исполнилось шесть лет, Мавр подарил ей ко дню рождения роман «Петер Простак». Потом последовали полные собрания сочинений Марриэта и Купера. Маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля». Она допытывалась у отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно». Маркс подтвердил, что это вполне возможно, «только не нужно никому говорить ни слова, пока окончательно планы не созреют». Позднее у Элеоноры возникли проекты подготовки восстания в горной Шотландии, и вообще ее детские планы и мечтания как нельзя точнее подтверждают много раз высказанное желание родиться мальчиком.

В связи с Гражданской войной в США в доме Маркса, естественно, был повышенный интерес к этому событию, и вот что писала по этому поводу Элеонора: «...я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и «относить на почту». Много-много лет спустя он пока-

зывал мне эти детские письма, которые он сохранил...»⁵³

Все дочери были очень незаурядными и одаренными. Каждая из них имела в семье свое прозвище. К Дженни пристало прозвище Кви-Кви — император Китая, и вот по какому поводу. Болея скарлатиной, Дженни сказала в бреду, что «из высшего китайского существа, каким та была раньше, она стала ныне местным (ирландским) существом и не оказывает поэтому больше должного уважения императору». В виде курьеза заметим, что младшая, Элеонора, услышав это, ответила: «Раньше я была предана человеку, ныне я предана нации»⁵⁴. В связи с этим Энгельс шутливо заявил, что в этом бреде больше смысла и поэзии, чем в некоторых стихотворениях Фрейлиграта⁵⁵. (Конечно, он имел в виду творчество поэта последнего периода, а не периода революции 1848 года.)

У Лауры было больше всего прозвищ: Стряпуха — потому что была умелой хозяйкой; Какаду — по имени модного портного из старинного романа — за ее слабость к нарядам; Наездница — так как она великолепно ездил верхом; Поэтесса — за ее пристрастие к поэзии; Птичий Глазки и т. п. Маркс и позже, в конце 60-х годов, часто называет Лауру — тогда уже невесту Лафарга — этими ласкательными и нежными прозвищами. Так, по поводу своего отсутствия на дне рождения Лауры Маркс пишет ей 25 сентября 1869 года: «Сожалею, что не могу отпраздновать дома день рождения моего милого ясного птичьего глаза, но мысли Олд Ника всегда с тобой»⁵⁶. Old Nick (Леший) — прозвище самого Маркса. Дети и друзья дома называли его также Мавром. «Голько мать была всегда наша Мэмз», — говорит Элеонора.

Элеонора, или Тусси, как ее еще называли, имела прозвище Карлик Альберих (из «Песни о Нибелунгах») и др.

Все друзья и знакомые также имели свои прозвища в доме: Либкнехт был Library (Библиотека), Энгельс — Генерал, Липа Шёлер — Old Mole (Старый Крот), Елена Демут — Ним.

Особенно много насмешливых кличек, большей

частью заимствованных из произведений Шекспира, пристало к домашнему учителю детей Пиперу.

И Женни, и Карл обожали детей, и дети платили им тем же. Но суть заключалась отнюдь не в родительском авторитете. В доме между родителями и детьми установились товарищеские отношения и совершенно непринужденный тон. Сама Женни была с дочерьми на равной ноге. В качестве примера приведем такой факт. В 1864 году дочери поехали с Марксом в Маргсит, где он лечился. Вместо привычных материнских нравоучений и наставлений мы читаем в письмах Женни строки, полные юмора. Так, своей дочери Дженни она сообщает в качестве важной новости, что растения ее «висячего сада» лезут вверх «руками и ногами»; Лауре, любительнице кулинарного искусства, — что приготовила для нее варенье, причем, подражая автору «Капитала», излагает все в экономических категориях. Мать пишет ей: «Я вложила во фрукты и сахар капитал в 1 фунт 10 шиллингов, который принес 100% прибыли — получила 80 банок желе, джема и варенья»⁵⁷. Всех знакомых и друзей она изображает в архикомическом, шутливо-дружеском тоне. И наконец, следуют сообщения о том, сколько прибавили в весе кошка и котята.

Женни советовала Луизе Вейдемейер быть с детьми на товарищеской ноге: «...будьте верным, не требующим чрезмерного почтения товарищем Ваших милых детей...»⁵⁸ А Маркс даже считал, что дети должны воспитывать своих родителей.

Для характеристики товарищеских отношений, существовавших между автором «Капитала» и его детьми, приведем «Исповедь» Маркса, представляющую собой анкету, которую дети, увлечаясь модной тогда в Англии игрой в «Вопросы и ответы», попросили заполнить отца.

Исповедь

Достоинство, которое вы больше всего цените

в людях	простота
« мужчине	сила
« женщине	слабость

Ваша отличительная черта . . .	единство цели
Ваше представление о счастье	борьба
« » « о несчастье	подчинение
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить	легковерие
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	угодничество
Ваша антипатия	Мартин Таппер
Ваше любимое занятие . . .	рыться в книгах
Ваши любимые поэты . . .	Шекспир, Эсхил, Гёте
Ваш любимый прозаик . . .	Дидро
Ваш любимый герой	Спартак, Кеплер
Ваша любимая героиня . . .	Гретхен
Ваш любимый цветок	лавр
Ваш любимый цвет	красный
Ваше любимое имя	Лаура, Женни
Ваше любимое блюдо	рыба
Ваше любимое изречение . .	«Ничто человеческое мне не чуждо»
Ваш любимый девиз	«Подвергай все сомнению»

Все домашние и знакомые также ответили на вопросы, и их анкеты-исповеди долго хранились в альбоме у Джесси, которая писала Эрнестине Либкнехт, что у нее есть целая коллекция заполненных анкет и спрашивать ответы очень интересно.

В этом альбоме паряду с исповедями родных, деятелей Коммуны, друзей и некоторых знакомых, например Энгельса, Елены Демут, имеется также ряд автографов, в том числе Гейне, Фрейлинграта, Гервега, Лассалья и др.

Некоторые из взрослых, особенно Энгельс и Елена Демут, отнеслись шутливо к анкетам дочерей Женни.

Так, Елена Демут на вопрос: «Ваш любимый герой?» — ответила: «Мой кофейник». А на вопрос: «Ваше представление о счастье?» — «Съесть обед, который я не готовила».

Энгельс же на вопрос: «Достоинство, которое Вы больше всего цените в мужчине?» — ответил: «Не вмешиваться в чужие дела». Достоинством

женщины он считал «умение класть вещи на свое место». Представление Энгельса о несчастье — «визит к зубному врачу».

Сами дети к своим личным анкетам-исповедям отнеслись со всей серьезностью и искренностью. Их исповеди вполне отражают ту общую моральную атмосферу, которая царила в этой семье. Женни всегда внушала своим дочерям: «Будьте мужественны и стойки в тяжелые дни — мужественным принадлежит мир», «Страдания закаляют, а любовь служит нам поддержкой», «Per aspera ad Astra» («Сквозь тернии к звездам»). Эти советы матери стали путеводной нитью в их жизни и руководством к действию.

Приведем анкеты дочерей.

Дженни

Качество, которое Вы больше всего цените в людях . . .	человеколюбие
« мужчине . . .	моральную силу
« женщине . . .	любовь
Ваша главная отличительная черта	постоянство, честолюбие
Ваше представление о несчастье	сознавать свою виновность
Недостаток, который Вы можете простить	расточительность
Недостаток, который Вам наиболее ненавистен	лживость
Что Вам внушает отвращение	раболепство
Любимое занятие	чтение
Любимый поэт	Шекспир
Любимый прозаик	Сервантес
Любимый герой	Грах
Любимая героиня	Антигона
Любимый цветок	лилия
« цвет	красный
Любимое имя	Карл, Эдгар, Генри
Любимое блюдо	устрицы

Любимое изречение	«Будь верен самому себе»
Любимый девиз	«Сквозь тернии к звездам!»

Лаура

Достоинство, которое Вы больше всего цените	
в людях	правдивость
« мужчине	справедливость
« женщине	милосердие
Ваша отличительная черта . . .	нерешительность
Ваше представление о счастье	сознание, что ты любима
« « о несчастье	презрение к себе
Недостаток, который Вы считаете извинительным . . .	мечтательность
Недостаток, который внушает Вам отвращение	ханжество
Ваше любимое занятие	чтение
Ваш любимый поэт	Шекспир
« « прозаик	Сервантес
« « герой	Шелли
« « цветок	роза
« « цвет	голубой
Ваши любимые имена	Барри, Перси, Эдуард, Чарлз
Ваше любимое изречение	«Познай самого себя»
Ваш любимый девиз	«Истина превыше всего, и она восторжествует!»

Элеонора

Достоинство, которое Вы больше всего цените	
в людях	правдивость
« мужчине	смелость
« женщине	(ответа нет)
Ваша отличительная черта	любопытство
Ваше представление о несчастье	зубная боль
Ваша антипатия	холодная баранина
Ваше любимое занятие	гимнастика

Ваш любимый поэт	Шекспир
« « прозаик	капитан Марриэт
« « герой	Гарибальди
Ваша любимая героиня	леди Джен Грей ⁵⁹
Ваш любимый цветок	все цветы
« « цвет	белый
Ваши любимые имена	Перси, Генри, Чарлз, Эдуард
Ваше любимое изречение	«Стремись вперед»

Характерно, что самая младшая не ответила на вопрос о ее идеале женщины, вероятно, потому, что с детства мечтала быть мальчиком.

Из ответов дочерей Маркса, и даже из слов самой младшей, десятилетней Элеоноры, видно, что достоинство, которое они ценят в людях, — это правдивость (Лаура, Элеонора) и человеколюбие (Дженни), а любимые девизы: «Истина всегда восторжествует», «Стремись вперед» и «Сквозь тернии к звездам». Самыми отвратительными чертами дочери Жени и Карла считали ханжество, раболепие и лживость. Все это говорит не только об их моральном облике, но и об общем духе, который господствовал в этом доме.

Очень трогательные и нежные отношения были между детьми Маркса и их добрым, веселым другом Энгельсом, или, как они его называли, Ангельсом. Ко дню его рождения или к праздникам они никогда не пропускали случая поднести ему подарок в виде вышитой подушечки (Элеонора) или рисунка (Дженни); причем делалось это в большом секрете от домашних, дабы те преждевременно не проболтались Энгельсу. Однако Маркс первым узнавал любую подробность и немедленно выдавал Энгельсу секреты девочек.

Энгельс, затеявая какую-нибудь интригу против ребят, неизменно привлекал Маркса в свои сообщники. Так, когда в 1868 году у него гостила Тусси (Элеонора), он сделал для нее рисунок, но, чтобы заинтриговать девочку и скрыть от нее автора, придумал следующее: он послал рисунок Марксу в Лондон, попросив переслать его Тусси в конверте, надписанном чужим почерком. 50-летний

Маркс добросовестно выполнил поручение Энгельса и на следующий же день рапортовал ему в письме, что рисунок она получит с одного английского курорта.

Энгельс и дети Маркса питали большую любовь к животным и растительному миру. Дженни увлекалась цветоводством и, как выражалась мать, развела дома «висячие сады Семирамиды». У нее шел оживленный обмен мнениями с Энгельсом по поводу разных цветов и семян. Все дети Маркса питали привязанность к собакам, птицам, ежам и постоянно переписывались с приятелем из Манчестера относительно животных, которых они дарили друг другу. Малейшие недомогания четвероногих, а тем более их смерть становились темой для «скорбной» переписки.

Так, еж Энгельса был большим любимцем Тусси, и, когда он умер, Энгельс подробно описал обстоятельства его смерти: «Мне приходится, к сожалению, огорчить Тусси сообщением об одной смерти. Бедный еж прогрыз в своем одеяле круглую дыру, сунул туда голову и так там запутался, что вчера утром его нашли задохнувшимся. Мир праху его, да будет счастливее другой»⁶⁰.

И Маркс, конечно, откликается соболезнующим ответом: «Прежде всего выражение всеобщего соболезнования, в особенности со стороны Тусси, о почившем достопочтенном еже»⁶¹.

Когда у Тусси погибла птичка, то Маркс в письме от 29 августа 1868 года наряду с важными сообщениями из жизни Интернационала и прочим торопится поделиться с Энгельсом горем: «Тусси пережила сегодня большое потрясение. Она нашла Дики мертвым в клетке, хотя он вчера еще превесело пел. Он погребен со всеми почестями»⁶².

Пес Энгельса, по имени Дидо, должен был в виде приветствия прикладывать свою лапу к письмам, которые Энгельс адресовал Элеоноре.

Животные-друзья принимали участие во всех семейных происшествиях. Так, Энгельс писал, что свадьбу Лауры он отпраздновал «с большой торжественностью: собакам надели зеленые ошейники, для шести ребят был устроен званый чай, огромный стеклянный кубок Лафарга служил чашей для

пунша, и бедного ежа напоили пьяным в последний раз»⁶³

Не было случая, чтобы в праздник Энгельс не устраивал детям сюрприза: не присылал им в подарок шампанского и т. п. Так, в письме Женни от 23 или 24 декабря 1859 года мы читаем: «Шампанское великолепно поможет нам скоротать вообще-то невеселый праздник и провести веселый рождественский вечер... Милые дети не будут так удручены тем, что в этом году нет рождественской елочки, и «вопреки всему, всему» будут радостны и веселы»⁶⁴.

Девочки, особенно младшая Тусси, часто гостили у Энгельса. Он уже тогда обратил внимание на ее пристрастие к литературе и сам руководил ее чтением, стараясь возбудить интерес к старинной литературе и народному эпосу. Очень часто в его деловых письмах к Марксу мы находим такие сообщения: ««Германа и Доротею» она прочла... Теперь я ей дал «Младшую Эдду»... после этого она сможет прочесть из «Старшей Эдды» песни о Сигурде и Гудруне... Я читал с ней и датские героические песни»⁶⁵. Или: «Она читает теперь сербские народные песни в немецком переводе...»⁶⁶ Иной раз он сообщает: «Тусси читает «Гёца фон Берлихингена», потом я дам ей «Эгмонта»»⁶⁷.

Тусси любила гостить у Энгельса, вызывая дома чувство ревности своими дифирамбами манчестерскому убежищу.

Обе старшие девочки были всегда первыми ученицами и получали награды.

Наряду со школой девочек обучали дома языкам, рисованию, пению, музыке, и эти усилия не пропали даром. Дочери Маркса выросли культурными, энциклопедически образованными и разносторонне развитыми.

Все три дочери Женни в совершенстве владели французским, английским, итальянским, а также испанским языками. Энгельс, который тоже был в своем роде полиглотом, иногда переписывался с ними по-итальянски. Немецкий, т. е. «родной», язык девочки знали хуже, и мать всегда досадовала, что они не проявляют достаточного рвения к нему, хотя она сама им его преподавала.

Внешкольные занятия дочерей Женни так описывает в письме к Вейдемейер: «Они свободно владеют английским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски понимают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело никак не идет на лад; хотя я стараюсь всеми силами время от времени разговаривать с ними по-немецки, они всегда неохотно идут на это, и здесь не помогает даже мой авторитет и их уважение ко мне. У Дженни особые способности к рисованию и лучшее украшение наших комнат — ее наброски карандашом. Лаура... прилежно учится играть на рояле и очень мило поет с сестрой немецкие и английские дуэты. К сожалению, девочки очень поздно стали учиться музыке — примерно лишь года полтора назад. Достать для этого денег было выше наших сил, к тому же у нас не было рояля, да и наш теперешний, который я взяла напрокат, настоящая развалина»⁶⁸.

Большое внимание Марксы обращали и на физическое воспитание детей. Девочки усиленно занимались спортом, только еще входившим тогда в моду, много времени отдавали плаванию, прыжкам и т. п. Женни Маркс писала Маркгейм, что они с Карлом, несмотря на гнетущую нужду, сделали все, что даже выше их сил, чтобы дать дочерям всестороннее образование.

Прекрасное знание многих языков помогло девочкам ознакомиться с литературой отдельных стран в подлинниках. Круг их интересов был очень широк, но особенно в большом почете у дочерей Марксов была литература. Байрона, Шекспира, Данте, Гёте они знали наизусть, исключительной любовью в семье пользовался Шекспир. «Что касается произведений Шекспира, — пишет Элеонора, — то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах...»⁶⁹

Для полной характеристики детей Марксов надо заметить, что они были последовательными атеистами. Когда в 1861 году Женни заболела оспой и детей нужно было изолировать от нее, Маркс решил временно поселить девочек в школьном пансионе. Однако они наотрез отказались, так как там им пришлось бы исполнять религиозные обряды.

Старшая дочь Дженни, о которой Маркс говорил, что это лучшее и способнейшее дитя в мире, была девушка серьезная, вдумчивая, благородная и в то же время впечатлительная, наделенная очень тонкой психикой. В детстве Дженни совсем не по годам была развита умственно. В тетрадках 13-летней школьницы Дженни имеются записи по истории Греции (о реформах Солона, афинской демократии, о Перикле), где она обнаруживает большую начитанность, знакомство с Гомером, Фукидидом, Геродотом и др.

В тетради, озаглавленной «Разное», рукой Дженни написаны стихи классиков: на немецком — Гёте, Шиллера, Гейне; на французском — Расина, Лафонтена; на английском — Шекспира, Байрона; на итальянском — Тассо, Данте и др.; на испанском — Кальдерона и др.⁷⁰

Интерес к науке и рвение к знаниям Дженни сохранила в течение всей жизни. Она внимательно следила за новыми открытиями и, например, сразу по выходе в свет книги Дарвина по достоинству оценила его учение, несмотря на то что в ханжеской Англии теория эволюции была встречена в штыки.

Большой интерес Дженни проявляла к древней и современной истории, особенно увлекаясь вопросом о роли в ней женщин. Вместе с тем она страстно любила театр, литературу и, как говорит Франциска Кугельман, «восхищалась всем благородным и прекрасным». В своей анкете на вопрос «Ваш любимый писатель?» Дженни отвечает: «Шекспир». Когда Марксы переехали на новую квартиру, то комната Дженни, по словам матери, стала походить на настоящую шекспировскую галерею — столько там было книг и портретов Шекспира. Дженни прекрасно декламировала, и Маркс писал по этому поводу Кугельману: «Женничка, наш знаменитый Дж. Уильямс...⁷¹ была недавно приглашена к мадам Виванти, жене богатого итальянского купца. Там было большое общество, в том числе и несколько англичан. Женничка читала Шекспира и имела огромный успех»⁷². Ее мечтой было посвятить себя сцене. Мать с сожалением писала Берте Маркгейм: «Главный талант Дженни-

хен — это ее дикция и красивый голос. Он у нее низкий и приятный. С детства она фанатически увлекается Шекспиром и проявляет большую склонность к сценическому искусству. Она давно бы уже поступила на сцену, если бы не семейные предрассудки и пр., пр. Многие слушавшие ее утверждают, что в ней кроется талант Рашели или Ристори и что несправедливо удерживать ее от этого шага. Мы бы ей не препятствовали, если бы она была физически покрепче. К тому же она очень деликатна по натуре и слишком близко приняла к сердцу то трудное положение, в котором мы оказались в последние годы»⁷³.

Отзвуки того, что Дженни все же выступала на сцене, мы находим в воспоминаниях дочери Кугельмана, говорившей со слов матери: «Она... вероятно, обладала драматическим талантом, так как однажды выступила в одном лондонском театре в роли леди Макбет»⁷⁴. О благородстве Дженни говорит и тот факт, что деньги, полученные за выступления в Лондоне, она отдала на пальто «из настоящего бархата» для верной Елены Демут.

Дженни тяжелее сестер перживала нужду и потому, что была самой старшей, и потому, что отличалась чрезмерной впечатлительностью и слишком большой чувствительностью. Об этом Женни писала в письме к Эрнестине Либкнехт: «Вы удивитесь, как близко к сердцу приняла Дженничка угнетающие нас обстоятельства. Ее здоровье из-за этого пострадало, и это было предметом нашего беспокойства о ней... В молодости кожа нежна и чувствительна, а не так груба, как у старух»⁷⁵.

Когда в 60-х годах к Марксам вновь вернулись мрачные дни и нужда снова крепко засела в доме, Дженни тайно от родителей нанялась учительницей к маленьким детям. Узнав об этом, Маркс писал Энгельсу: «Как неприятно стало положение у нас в доме за последние месяцы, ты можешь видеть из того, что Женничка — за моей спиной — согласилась *давать уроки* в одной английской семье!»⁷⁶

Впрочем, Дженни и позже, уже будучи замужем за Лонге, хорошо познала «науку» борьбы за существование, за хлеб насущный в капиталистическом обществе.

С годами все более красивой становилась Лаура. Свою красоту она сохранила до старости. Наш соотечественник Н. С. Русанов, видевший ее в 1883 году, был удивлен, как молодо она выглядела, приближаясь к своему сорокалетию. Он пишет: «Роста чуть-чуть выше среднего, тонкая, стройная (едва начинавшая полнеть), она меня поразила необыкновенно нежным румянцем своего круглого лица, высоко взбитыми локонами горевших, как золото, волос, чрезвычайно приятными очертаниями карих глаз под дугообразными бровями и очаровательной линией рта. Она подняла на меня свои лучистые глаза, и я еще более был поражен удивительной, почти детской свежестью взора»⁷⁷. То же самое говорит о Лауре М. Комни, посетившая дом Маркса в 80-х годах в качестве члена «Клуба любителей Шекспира»: «Лаура считалась красавицей. Когда я встретила ее, ее красота уже начала блекнуть, но она все еще была хороша собой и обладала чарующими манерами»⁷⁸.

Лаура не только по внешности, но и всем своим существом напоминала мать. Сообразительная, ловкая, она все делала легко и быстро. Любое дело давалось ей просто и без трудностей. «Удивительно, как хорошо она себя всюду чувствует: будь то в море, в читальном зале, на кухне или на балу... Лаура и в воде чувствует себя как дома»⁷⁹, — писала Марксу Женни с курорта, где отдыхала с дочерью.

Сохранилась тетрадь со стихами Лауры на английском языке. Еще в юности она пыталась переводить на английский язык «Фауста» Гёте и стихи Гейне. Особенно же любила она Шелли и Бёрнса. Позже, когда Лаура уже подросла, то стала, как и другие ее сестры, заменять мать на посту секретаря. Чтобы помочь Марксу, Лаура выхлопотала себе входной билет в библиотеку Британского музея и, будучи на курорте, «обеспокоенно» вопрошала отца: «Ты, надеюсь, не пригласил нового секретаря?»⁸⁰ Позднее Маркс уговоривал Лауру — прекрасную переводчицу — перевести «Капитал» на французский язык.

У самой младшей, Элеоноры, как и у Дженни, наряду с наследственным интересом к политике была страсть к артистической деятельности. Она

мечтала целиком посвятить себя сцене. Энгельс, видевший игру Элеоноры, очень хвалил ее в письме к Марксу. 7 июля 1881 года он сообщал Марксу, что Тусси играла превосходно, она «была очень хороша в страстных сценах, но было заметно, что она взяла себе за образец Эллен Терри... если она хочет производить впечатление, она, безусловно, должна выработать собственную манеру игры, и она это, конечно, сделает»⁸¹.

Позднее, уже после смерти Женни, Маркс признался в письме к Энгельсу, что было ошибкой отговаривать Элеонору идти на сцену.

Элеонора была шекспироведом, инициатором создания и ревностным членом «Клуба любителей Шекспира», заседания которого происходили большей частью в доме Марксов. И Женни, и сам Маркс нередко присутствовали на этих заседаниях. Из письма Женни к Зорге мы узнаем, что в качестве члена общества имени Шекспира она, к величайшему удовольствию всех, переводит брошюру Делиуса об эпическом элементе у Шекспира. Профессор Делиус писал ей очень лестные письма, в которых поздравляет себя и общество с таким сотрудником⁸². М. Комин, член клуба, в своих воспоминаниях писала, что Элеонора работала в Британском музее с известным доктором Фарнивалем над старинными изданиями Шекспира⁸³.

Пора физического, духовного роста и расцвета дочерей Маркса совпала с периодом гнетущей нужды и других бедствий, которые сыпались на голову Женни Маркс.

Начиная со времени всемирного экономического кризиса на горизонте Марксов все гуще собираются мрачные тучи.

6 июля 1857 года у Женни родился седьмой ребенок, девочка Марианна, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть. Она умерла тотчас же после появления на свет. Затем последовал фогтовский процесс и страшное заболевание Женни оспой, болезнь самого Маркса и домашних...

Дети подрастали, родители стремились дать им разностороннее образование (что в Лондоне обходилось очень дорого). Нужна была также более про-

сторная квартира и т. п. — и все это требовало значительно больших расходов, чем прежде.

Снова наступили трудные дни. «...Постоянные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты, — писала Женни. — Несмотря на все ограничения, нам никак не удавалось свести концы с концами, и поэтому с каждым днем и каждым годом бремя долгов все возрастало...»⁸⁴

Как мать, Женни очень страдала от того, что вынуждена была ущемлять и во многом ограничивать своих теперь уже взрослых дочерей. Они же в свою очередь, будучи свидетелями нужды, очень остро переживали и за себя, и за мать. Никогда не терявшая бодрости Женни писала Берте Маркгейм: «Я уверена, вы обрадуетесь, увидев наших веселых девочек, и посочувствуете моей боли, которую я испытываю от того, что такая большая нужда выпала на их цветущий возраст и душист их малейшие душевные желания»⁸⁵. Женни заканчивает это письмо фразой, которую она часто повторяла: «*Kleine Kinder — kleine Sorgen, große Kinder — große Sorgen*» («Малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы»).

Более откровенно и подробно она пишет об этом периоде в своих воспоминаниях: «Мы снова вернулись к пережитым десять лет тому назад страданиям, заботам и лишениям, с той только разницей, что тогда их терпели пяти- и шестилетние дети, не сознавая, в чем дело, а теперь, через десять лет, — вполне сознательные цветущие пятнадцатилетние и шестнадцатилетние девушки»⁸⁶.

В одном из писем, относящихся к этому времени, Маркс пишет Энгельсу: «...жена моя не тратит ни фартинга на самое себя, на платья и т. д., а летняя одежда детей — ниже пролетарского уровня»⁸⁷.

Женни и Ленхен были вынуждены приложить много женского умения и сноровки, чтобы постоянно перекраивать старую одежду и мастерить «женские наряды» для взрослых девушек. Женни писала Берте Маркгейм, что с приходом весны надо столько шить и перешивать, а поскольку они также являются собственными портнихами и сапожниками, то у них ежедневно руки полны работы.

В этот период, когда снова вернулась нужда,

Маркс был готов на время расстаться с наукой и поступить на службу в одно английское железнодорожное бюро. Дело расстроилось только из-за его плохого почерка. Гнетущая нужда росла с каждым днем, приступы болезни участились. Дети не могли посещать школу из-за отсутствия обуви и одежды.

Вскоре, однако, материальное положение семьи улучшилось. Это было связано с тем, что Маркс получил небольшое наследство после кончины матери. Кроме того, его друг и соратник Вольф, которому, как известно, посвящен I том «Капитала», сделал семью Марксов своими главными наследниками.

Марксы смогли переехать на Модена-Виллас у Хаверсток-хилла в просторную, светлую квартиру, где взрослые Джесси и Лаура получили для занятий отдельные комнаты. В доме зазвучали песни, танцевальная музыка — молодежь стала веселиться... Красивые, образованные, культурные девушки Марксов импонировали девушкам и юношам из интеллигентных английских семей.

Женни теперь часто задумывалась над совсем другой, новой проблемой: как ее дочери, воспитанные в атеистически-революционном духе, встретятся лицом к лицу с чуждым и враждебным миром ханжества и наживы? Ведь они вступили на самостоятельную стезю жизни в пору злейшей реакции, которая длилась со времени подавления революции 1848 года. Но *Die List der Geschichte* (хитрость истории), как любил выражаться Гегель, сняла эти сомнения Женни. Оживление политического горизонта — создание Интернационала, франко-прусская война и Парижская коммуна — совсем изменило привычный ход событий, и все три дочери Марксов по примеру родителей весь свой талант, силы и жизнь отдали «атакующему классу» — пролетариату.

В 60-х годах в доме Маркса как главы Интернационала появилась новая, молодая смена руководителей рабочего движения.

Это была та молодежь, которая стояла в оппозиции к Марксу. Среди них были представители бланкистской и прудонистской французской

молодежи — Лафарг и Лонге, равнодушные к дочерям Маркса — Лауре и Женни. Об этом Женни подробно писала Эрнестине Либкнехт в октябре 1866 года: «Приблизительно восемь месяцев тому назад брат Орсини и два молодых француза вступили в Товарищество. Они были последователями Прудона и, как таковые, пришли к нам домой, причем младший из них — Поль Лафарг — медик 24 лет, стал приходить все чаще. Я была достаточно наивна и вообразила, что он приходит к Карлу (последователем которого он скоро стал) для того, чтобы еще дальше продвинуться в области философии и политики. И была точно громом поражена, когда он внезапно попросил руки Лауры»⁸⁸.

20 марта 1866 года Маркс писал Лауре из Германии: «Этот надоедливый парень Лафарг мучает меня своим прудонизмом, и, должно быть, до тех пор не успокоится, пока я не стукну крепкой дубиной по его креольской башке»⁸⁹.

Лафарг, родившийся на Кубе (от отца француза и матери креолки), по описанию Женни в вышеупомянутом письме к Э. Либкнехт, был очень красивым: «В его темном, оливкового оттенка лице и мягких своеобразных глазах еще издали узнается креольский тип»⁹⁰.

Темпераментный креол с черными курчавыми волосами и жгучими глазами представлял собой полную противоположность белокурой, спокойно-величавой и красивой Лауре. «Прошло много времени, — писала Женни в том же письме, — пока Лаура со своей спокойной, холодной и критической натурой могла решиться, тем более что ее истинно английская сдержанность резко противоположна страстной натуре и аффектации молодого человека. Но как большей частью бывает в любви — противоположности сходятся, — так случилось в конце концов и здесь». Заканчивая письмо, Женни пишет: «Он изучал в Париже в течение четырех лет медицину, в прошлом же году вместе с другими товарищами принял участие в конгрессе в Льеже, где обратил на себя усиленное внимание своими революционными речами. В результате чего был исключен из университета и прибыл в Лондон, чтобы

изучать английский язык и закончить учебу в госпитале св. Варфоломея»⁹¹.

6 августа 1866 года состоялась помолвка Лауры с Полем Лафаргом. «Со вчерашнего дня Лаура наполовину помолвлена с г-ном Лафаргом, моим медиком-креолом, — писал Маркс Энгельсу. — Она обращалась с ним, как с остальными, но свойственная креолам крайность чувств, некоторые опасения, что молодой человек (ему 25 лет) наложит на себя руки и т. д., некоторая склонность к нему, холодная, как всегда у Лауры (он красивый, интеллигентный, энергичный парень, отличный гимнаст), привели более или менее к полукompromиссу. Первоначально этот юноша привязался ко мне, но скоро перенес свою привязанность со старика на дочь»⁹².

Лафарг действительно ценил и понимал Маркса, поклонялся его таланту и долго был одним из немногих понимающих марксистов во Франции, если не считать отчасти Геда. На изумительном, прекрасном стиле Лафарга кроме Дидро и других классиков французской литературы сказалось влияние и несравненного стиля автора «Капитала».

2 апреля 1868 года состоялась наконец свадьба Лауры и Лафарга. Характерно, что Женни, так же как и Маркс, стояла за гражданский, а не за церковный брак своей дочери. Каким смелым был этот шаг для тех времен, видно из того, что венчание пришлось совершить тайком от своих лондонских знакомых, так как сведения о подобном происшествии произвели бы в ханжеской Англии впечатление разорвавшейся бомбы. По этому поводу также началась переписка с Энгельсом. Женни радовалась тому, что брак с атеистом Лафаргом избавил Лауру от компромисса со своей совестью. Она писала Эрнестине Либкнехт: «Я считаю большим счастьем, что у них полное единомыслие по принципиальным вопросам, особенно в вопросе о религии. Лаура поэтому ограждена от неизбежной борьбы и страданий, которые неминуемы для девушки с ее взглядами, среди окружающего мира».

Вскоре, 1 января 1869 года, у Лауры родился сын, через год — дочь, а вслед за ней появился третий ребенок.

Женни Маркс так остролила по этому поводу в письме к Энгельсу: «Что Вы скажете о втором новогоднем подарке, который нам сделала Лаура? Я надеюсь, что этот быстрый темп прекратится. Иначе скоро придется петь:

1, 2, 3, 4, 5, 6...
10 маленьких негрят!»⁹³

Энгельс сердился, говорил, что лафарговская медицина ничего не стоит, если деторождение у них и дальше пойдет подобным образом. Лафарг, правда, скоро бросил медицину, но, к сожалению, по совсем другому поводу. Его медицинские знания не могли спасти его же собственных детей, которых унесла смерть. Лафарг забросил медицинскую практику, а ради насущного хлеба после поражения Коммуны открыл типолитографское и граверное ателье. Женни была недовольна и писала по этому поводу Зорге: ««Сапожник, знай свои колодки», — можно было бы сказать Лафаргу. Очень жаль, что он изменил своему старому богу Эскулапу»⁹⁴.

И Лафарг, и Лаура очень много сделали для популяризации во Франции идей Маркса, и особенно «Капитала», когда он вышел в свет. Они перевели на французский язык «Манифест Коммунистической партии» и другие произведения Маркса и Энгельса. Огромна заслуга Лауры в деле ознакомления французских читателей со многими их произведениями. Лаура с ее недюжинными литературными способностями переводила также на английский язык многих поэтов и писателей. На английский язык она перевела стихи Бодлера, отрывки из «Фауста» Гёте, поэму Беранже «Сенатор» и др. Энгельс писал Лауре, что из «Сенатора» она сделала просто чудо! И если бы она была мужчиной, то сказал бы: «Молодец», но он не очень силен в русском языке, чтобы знать, можно ли употребить в женском роде: «Молодца!»⁹⁵

В этот период оживления политической жизни и основания I Интернационала молодая чета очень много работала во французских секциях Интернационала. Главную свою деятельность Лафарги развернули в Бордо, пролетариат которого также под-

нял знамя борьбы в защиту Коммуны. После поражения Коммуны Лафарги скрывались на юге Франции, куда, обеспокоенные их судьбой, приехали Дженни и Элеонора.

Вовремя предупрежденный о том, что есть тайный приказ на его арест, Лафарг пересек испанскую границу. Вслед за ним поехала и Лаура. Дженни и Элеонора, провожавшие ее, при возвращении были задержаны у пограничного местечка французской полицией. Их обыскали и заключили под стражу. (От кровавой расправы версальских палачей их спасло лишь то, что они имели при себе английские паспорта.) Как английские подданные, они были наконец отпущены. Таково было первое боевое крещение дочерей Маркса.

После объявления амнистии в июле 1880 года Лаура с Лафаргом вернулись во Францию. Вместе с Гедом они защищали Рабочую партию от реформистов. Вся их дальнейшая жизнь вплоть до последнего вздоха была отдана французскому рабочему классу и его партии. Поль Лафарг вел также активную работу во Французской и Испанской секциях I Интернационала.

В 1909 году в Дравейле Лафаргов посетили Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. В то время как Владимир Ильич вел беседу с Лафаргом на философские темы, Надежда Константиновна прогуливалась с Лаурой по парку. Надежда Константиновна вспоминала позднее: «...жадно вглядывалась я в ее лицо, в ее чертах искала невольно черты Маркса»⁹⁶.

Очевидно, в разговоре с Лениным Лафарг тогда косвенно развивал и свой взгляд на жизнь, что политический деятель, революционер, не должен пережить себя. Когда наступает физическая старость и нет возможности принести пользу партии, делу, которому служил всю жизнь, то надо уметь уйти из мира вовремя, чтобы не быть в тягость себе и другим. «Когда мы вернулись, — рассказывает Надежда Константиновна, — Лафарг и Ильич говорили о философии. «Скоро он докажет, — сказала Лаура про мужа, — насколько искренни его философские убеждения», и они как-то странно переглянулись. Смысл этих слов и этого взгляда

я поняла, когда узнала в 1911 году о смерти Лафаргов. Они умерли, как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы»⁹⁷.

Накануне смерти Поль и Лаура Лафарги провели свой прощальный вечер в Париже. А вернувшись к себе, Лафарг впрыснул цианистый калий сначала Лауре (по уговору), а затем себе. Их нашли на следующий день, 26 ноября 1911 года, уже мертвыми, сидящими в креслах в вечерних туалетах. Владимир Ильич произнес речь на их похоронах. «Эта смерть, — писала Н. К. Крупская, — произвела на Ильича сильное впечатление»⁹⁸.

В октябре 1872 года состоялась свадьба Дженни и Шарля Лонге (бывший член совета Коммуны и редактор ее официальной газеты «Journal officiel de la Commune»). Но он не был так близок с семьей Маркса, как Лафарг. Позже, в 1877 году, Женни Маркс писала Зорге о Шарле следующее: «Он кипит, кричит и спорит, как раньше, но, к его чести, я должна прибавить, что он продолжал регулярно и к полному удовольствию своих начальников давать свои уроки в Кингс-Колледж»⁹⁹.

Однако работу Ш. Лонге удалось получить только в 1874 году после нескольких лет усиленных бесплодных поисков, в которых деятельное участие принимала и Дженни. Она, как и мать, прошла тот же путь революционерки-эмигрантки, полный страданий и нужды.

В одном из писем к Кугельману, приоткрывая завесу своей личной жизни, Дженни писала: «С самого рождества я совершенно поглощена увлекательной битвой, известной под названием борьбы за существование. Если бы я перечислила, сколько раз мне пришлось пробежать Лондон с севера на юг, с востока на запад — причем напрасно — в поисках уроков французского языка, немецкого языка, пения и риторики, то страшно утомила бы Вас»¹⁰⁰.

Английская буржуазия неохотно доверяла своим питомцев парижским коммунарам, кроме того, женщине вообще было нелегко устроиться на работу в Англии тех лет. После объявления амни-

стии Джени с мужем вернулись во Францию и жили близ Парижа. Первый ребенок Джени вскоре умер, а в январе 1883 года, оставив пятерых детей, умерла и сама Джени.

Элеонора, младшая дочь Женни, была, несомненно, самой выдающейся из всех ее детей. М. Комин, вспоминая уже о взрослой Элеоноре, писала: «Она обладала удивительной живостью, необычайной восприимчивостью и была самым веселым созданием... Она не была красавицей, но все же производила впечатление красивой благодаря своим сверкающим глазам, выразительному лицу и темным вьющимся волосам. Она была необычайно яркой личностью с ясным и логическим умом»¹⁰¹.

Элеонора, про которую и Маркс говорил, что жена по ошибке родила ее девочкой, была очень энергичной и волевой. Если в детстве Элеонора мечтала поступить юнгой на пароход, то в зрелые годы она великолепно умела вступать в рукопашный бой с огромными английскими боби, когда те пытались разгонять митинги в Гайд-парке. Энгельс шутливо замечал, что она действительно выходила победителем из схваток с полицией, но при этом несла и урон, так как на поле боя иногда оставалась ее изорванная одежда.

Женни сказала однажды про совсем еще юную Элеонору, что «она политик from bottom to top» (с головы до пят), и действительно эта дочь Марксов выросла позднее в крупного политического деятеля и талантливую трибуна. Она унаследовала даровитость обоих родителей. Наряду с артистически страстной натурой и непреклонной волей матери в ней жили революционность и бунтарский дух отца, его организаторский талант и теоретические способности. Подтверждение этому мы находим не только в отзывах товарищей, но даже в полицейских донесениях. Например, в одном из них по поводу захваченных при аресте у немецкого революционера Гирша писем Элеоноры говорится: «Что касается последней, то, если можно судить по ее твердому, вполне мужественному почерку и по энергичным выражениям, — это, по-видимому, особа совершенно не женского пола»¹⁰².

В 18-летнем возрасте Элеонора уже ведет самостоятельную и независимую жизнь: уезжает в Брайтон, где старается заработать свой хлеб уроками; мать, обеспокоенная тем, что из-за переутомления дочь заболела, уговаривает ее вернуться в Лондон. Однако Женни вскоре приходит к выводу, что Элеонора принадлежит к той категории людей, которые идут *Per aspera ad astra* (сквозь тернии к звездам).

Так как Элеонора жила в более позднее время, чем мать, она уже не могла ограничиваться ролью секретаря отца или мужа, а стремилась к самостоятельной деятельности. Ей нужно было идти собственным шагом в революционной борьбе. Она активно участвовала в английском рабочем движении и стала одним из выдающихся пропагандистов и пламенных агитаторов, распространителем бессмертного учения Маркса.

«Было бы трудно, — писал один ее современник, — найти такую рабочую трибуну в Англии, где бы она не выступала. В Лондоне и провинции ее активность была беспредельна... С тех пор как в Гайд-парке стали праздновать 1 Мая — праздник труда, я думаю, она ни разу не пропустила случая принять участие в этих манифестациях»¹⁰³.

Элеонора была бесценным и лучшим агитатором на годовых митингах, устраиваемых в честь Парижской коммуны. Свой организаторский талант она отдала работе по объединению в союзы чернорабочих, неквалифицированных рабочих и работниц — этой наиболее эксплуатируемой и ниже других оплачиваемой части пролетариата. Для английских работниц Элеонора была *our Mother* (наша мать), как они ее обычно называли.

Большую работу Элеонора проводила среди самой обездоленной части лондонского пролетариата — еврейских рабочих и работниц Уайтчепеля, для чего она, как рассказывали знавшие ее лично, даже специально изучила еврейский язык.

Элеонора была также одним из главных руководителей крупнейших стачек, вспыхнувших в Англии в 80—90 годах. Она же оказала неоценимые услуги бастующим докерам и газовщикам Лондона, стачка которых окончилась победой. Но

разумеется, основную свою деятельность Элеонора нацелила на политическую организацию английских рабочих. Она была одним из видных деятелей Социал-демократической федерации и с самого начала стояла на крайне левом ее фланге. Во время раскола федерации в 1884 году Уильям Моррис, Эдуард Эвелинг, Элеонора и другие в противовес Социал-демократической федерации, руководимой Гайндманом и отстаивавшей «политический оппортунизм», образовали Социалистическую лигу. Позже Элеонора редактировала орган лиги «Commonwealth».

В связи со спорами, возникшими вокруг вопроса о парламентаризме, Элеонора в 1887 году перешла в антипарламентскую секцию Блумсбери, а в 1889 году снова примкнула к Социал-демократической федерации. Но вскоре федерация распалась, так как руководство в ней захватили оппортунисты.

Элеонора играла крупную роль не только в английском, но и в международном рабочем движении: она принимала активное участие в деятельности II Интернационала, редактировала его центральный орган «International Socialist Bulletin», а благодаря прекрасному знанию многих языков была бессменной переводчицей на всех конгрессах.

В 1886 году Элеонора вместе с Либкнехтом и мужем Эвелингом совершила большое пропагандистское турне по Америке, где начался подъем рабочего движения. Второй раз она проделала тот же путь в 1889 году с Энгельсом и его другом ученым-химиком Шорлеммером.

Из опубликованной во Франции в последние годы трехтомной переписки Лафаргов с Энгельсом¹⁰⁴ видно, что они и Элеонора были знакомы и поддерживали дружеские связи и переписку с выдающимися революционными деятелями всех стран, в том числе и с русскими: с Даниельсоном — переводчиком «Капитала» Маркса, Плехановым, Верой Засулич, Степняком-Кравчинским, Лавровым, Гартманом и Лопатиным (у последнего Элеонора обучалась русскому языку во время его пребывания в Лондоне).

Владея пером талантливого публициста, Элеонора освещала в прессе многие политические во-

просы тех лет: исключительные законы против фениев в Англии, закон против социалистов в Германии, выборы, рабочее движение и т. п. Она сотрудничала почти во всех органах социалистических партий разных стран: в «Justice», «Commonwealth», «Progress», «To day», «Die Neue Zeit», «Arbeiter Zeitung» и т. д. Ее перу принадлежат сжатая, блестяще и остроумно написанная (для «Австрийского рабочего календаря») биография Маркса, а также отдельные брошюры и книги, такие, как «The Factory Hell», «The Woman question» и др. Вместе с Эвелингом Элеонора написала книгу «Рабочее движение в Америке», которая выдержала несколько изданий. Зная в совершенстве иностранные языки, она была и блестящим переводчиком политической и художественной литературы. Ей принадлежит прекрасный английский перевод «Мадам Бовари» Флобера, «Парижской коммуны» Лиссагарэ, «Анархизма и социализма» Плеханова и др., а в нашем отечественном журнале «Русское богатство» вместе с Эвелингом Элеонора поместила ряд статей об Англии.

Элеонора была неизменным помощником Энгельса в издании литературного наследия отца, а в 1896 году, уже после смерти Энгельса, она самостоятельно со своим предисловием издала работу Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии»¹⁰⁵. В 1897 году Элеонора опубликовала статьи Маркса о Крымской войне и многие другие.

Наряду с революционным темпераментом в Элеоноре жила страсть к театру, но целиком посвятить себя искусству ей не удалось. Она принимала участие лишь в любительских спектаклях, зато полностью развернула свое дарование в области литературы.

Элеонора проявила себя как крупный литературный и театальный критик и оставила в этой области ряд блестящих статей и интересных заметок.

В Элеоноре сочетался отцовский склад ума с горячим сердцем матери. Только сердце, которое у Женни было чутким и верным компасом, оказалось роковым для Элеоноры. Цельная и страстная натура, она подобно матери тоже сумела полюбить

сильно и до конца... Элеонору любил участник и историк Коммуны Лиссагарэ. Она отвечала взаимностью, но по целому ряду причин их жизненные пути не сошлись. Позднее она увлеклась Эдуардом Эвелингом — доктором естественных наук, последователем и распространителем учения Дарвина. Он так же, как и Элеонора, страстно любил театр, играл на сцене. Под влиянием учения Маркса — Энгельса Эвелинг примкнул к научному коммунизму. Обладая ораторским талантом, он энергично включился в агитационно-пропагандистскую деятельность, которую вела Элеонора. Вместе с ней он выступал и на литературном поприще. Но Эвелинг, чрезвычайно одаренный и разносторонний человек, был, однако, не на высоте в моральном отношении. Выбор Элеоноры оказался неудачным. Из рассказов современников, знавших Элеонору, и из ее собственных писем к Ф. Демуту, сыну Елены Демут, видно, как страшно мучилась эта женщина, на какие жертвы шла она ради любимого человека. А тот унижал Элеонору и заставлял ее страдать не только морально, но и материально. Он не развелся с первой женой, и его брак с Элеонорой не был оформлен, что противоречило установившимся «железным» традициям ханжеской Англии. Как только об этом узнала директриса школы, где Элеонора преподавала много лет, она немедленно ее уволила.

Элеонора стойко переносила такую жизнь, не решаясь покинуть Эвелинга, хотя под конец уже поняла, что он человек порочный. Однако она надеялась, что на него можно влиять и что его удастся перевоспитать. В письме к своему другу Фреду Демуту Элеонора писала: «Существуют люди, точно так же лишенные определенного морального чувства, как другие лишены слуха, плохо видят или нездоровы в каком-либо отношении. И я начинаю понимать, что так же мало имеешь права порицать одну болезнь, как и другую. Мы должны стараться лечить их и, когда излечение невозможно, делать все, что в наших силах. Долгие переживания научили меня понимать эти страдания, о которых подробно рассказывать не стала бы даже тебе, — и я стараюсь теперь, как могу, переносить все испыта-

ния... Существует французская поговорка: «Понять означает простить»¹⁰⁷.

Автору довелось во время работы в читальном зале Британского музея в Лондоне встретиться и беседовать с З. Венгеровой, знавшей лично и часто посещавшей Элеонору в ее лондонской квартире в последний период ее жизни, и вот что она рассказала.

Элеонора жила на окраине города, и в ее квартире, откуда постепенно исчезала заложённая и продажная мебель, красовались только две ее любимые черные кошки с красными бантами по обе стороны камина. Правда, после получения наследства, завещанного Энгельсом, она смогла приобрести домик в живописной местности в окрестностях Лондона. Но Эвелинг тяжело заболел, долго лежал в больнице. Предстояла серьезная операция. Элеонора безотказно ухаживала за ним в больнице. А после операции она повезла его для поправки к морю. Все это требовало больших средств. А Эвелинг оставался верен себе и своей порочной натуре. Постепенно растаяло и наследство, доставшееся от Энгельса. Элеонора работала, выбиваясь из сил, день и ночь. Помимо политической деятельности, работы над литературным наследством Маркса и Энгельса и других занятий ей пришлось ради хлеба насущного заделаться еще газетным работником. В конце концов ее усталость и нервное напряжение достигли предела.

Незадолго до трагического конца она писала Ф. Демуту: «Не истолковывай моего молчания небрежностью. Дело в том, что я устала и часто у меня нет мужества писать...

Для меня настало плохое время. Я боюсь, остается мало надежды, а боли и страдания велики... Я готова уйти и с радостью сделала бы это, но, пока он нуждается в помощи, мой долг — оставаться»¹⁰⁸.

31 марта 1898 года Элеоноры Маркс не стало. Она покончила с собой в возрасте 42 лет в расцвете сил и творческих способностей. Смерть унесла в ее лице интересного и одаренного человека. Пролетариат лишился страстного революционного борца, выдающегося агитатора и политического деятеля.

Секретарь Маркса

Женни была не просто женой Маркса, хозяйкой дома и матерью его детей, что отнимало у нее так много физических сил и времени. Прежде всего она была верным другом и помощником Маркса в его революционной борьбе и теоретической работе.

Элеонора в своих воспоминаниях о Марксе писала: «...без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был»¹. Это была не случайно оброненная фраза. Все, кто близко соприкасался с Марксом, как, например, Лафарг и Либкнехт, которые наблюдали процесс его работы, его мыслительную лабораторию, утверждали то же самое. Лафарг, например, вспомнил, как Маркс говорил ему в 1866 году, что он давал жене «на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям»².

Нет ничего удивительного, что Маркс был столь высокого мнения о критических способностях своей жены. Еще в начальный период их жизни Женни стала одной из лучших учениц и последовательниц Маркса, а в дальнейшем она, несомненно, стала лучшей марксисткой.

В письмах к Марксу и к Женни Энгельс называет ее «почтенный секретарь». Это дружески-шутливое название соответствует в то же время и сути дела.

В жизни Женни ее деятельность в качестве секретаря Маркса занимает очень важное место с самого начала их совместной жизни вплоть до того времени, когда ее на этом посту заменили подросшие дочери.

Большую работу в качестве секретаря Женни

развернула еще в Брюсселе. Ей приходилось уже тогда вести корреспонденцию со многими странами, освобождая Маркса от технической стороны его политической деятельности.

С переездом в Лондон политическая деятельность Маркса не прекращается, а следовательно, не уменьшается и та доля труда, которую вносила Женни.

По делам журнала и других изданий Маркса, по ведению корреспонденции с представителями местных ячеек Союза коммунистов, с друзьями, рассеянными по всему миру, Женни приходится очень много работать. К этому прибавляется переписка Марксовых статей, брошюр и книг для печати.

«...Те дни, — вспоминала она на склоне лет, — когда я сидела в маленькой комнате Карла и переписывала неразборчиво написанные им статьи, остались у меня в памяти как самые счастливые дни моей жизни»³. А у Маркса был такой неразборчивый почерк, что не только редактор не сумел бы прочитать его иероглифы, но и сам Маркс жаловался, что совершенно не может разобрать того, что написал.

Если принять во внимание, что в ту пору не было еще ни машинисток, ни стенографисток (да и в материальном отношении это было бы недоступно Марксу), то можно представить, как велика была заслуга Женни, выполнявшей всю эту работу.

В перерывах между уходом за больными детьми и мужем Женни отвечает на письма, следит, чтобы вовремя отправлялась корреспонденция в газеты и журналы, обращается к Энгельсу с просьбой писать вместо больного Маркса. Женни сама переписывает и эти статьи, отправляет их и не забывает поблагодарить Энгельса.

К тому же, занимаясь корреспонденцией, ей часто приходилось брать различные справки, бегать по городу, что также отнимало немало времени. В письмах к друзьям она иногда жаловалась, что ежедневно беготня по городу «задает ее ногам работу почти на три часа». Недаром же она писала в письме к Маркгейм: «Вы видите, несмотря на все, у меня еще крепкие ноги. Я по-прежнему

остаюсь старым партизаном: ради партии я готова сбегать куда угодно, проделать любой марш»⁴.

Изнурительную секретарскую работу Женни считала счастьем для себя потому, что эта работа ее умственно обогащала. «К счастью, — писала Женни в своих воспоминаниях, — я продолжала два раза в неделю переписывать статьи для «Tribune», благодаря чему всегда была в курсе мировых событий»⁵.

Когда стареющую мать стали заменять на посту секретаря подраставшие дочери, Женни шутливо заметила в письме к Энгельсу: «Я думаю, что мои дочери скоро уволят меня в отставку, и я попаду тогда в список «имеющих право на обеспечение». Жаль, что нет перспектив на получение пенсии за мою долголетнюю секретарскую службу»⁶.

Быть может, многим из произведений Маркса, что появились в печати, мы обязаны именно Женни — «непременному секретарю». Только «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» Женни помог подготовить к печати Дронке. Остальные же работы Маркса, такие, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «К критике политической экономии», «Господин Фогт», от начала до конца были переписаны Женни. Очень много сил отняли у нее памфлет «Господин Фогт» и вся его предыстория, которая имела лично для Женни весьма печальные последствия. Здесь нам необходимо несколько подробнее остановиться на этом.

Всемирный экономический кризис, наступивший в 1857 году, положил конец и экономическому благополучию, и политической реакции, воцарившейся после подавления революции 1848 года. Кризис дал толчок политическому оживлению во всей Европе. Маркс ожидал его с нетерпением. Еще за год до кризиса, 14 апреля 1856 года, на четырехлетнем юбилее чартистской газеты «The People's Paper» он сказал: «Так называемые революции 1848 года были лишь мелкими эпизодами, незначительными трещинами и щелями в твердой коре европейского общества. Но они вскрыли под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили кольшущийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на

куски целые материи из твердых скал. Шумно и сбивчиво провозгласили они освобождение пролетариата — тайну XIX века и тайну революции этого века... Сама история теперь судья, а исполнитель ее приговора — пролетариат»⁷.

Начиная с 1859 года после десяти лет реакции наступила новая полоса. В Европе вновь встают во весь рост национальные проблемы. В России происходит ломка старых крепостных отношений. Вспыхивает польское восстание. Начинается Гражданская война в Америке. Опять всплывают все вопросы, не решенные буржуазной революцией 40-х годов. Снова со всей силой возникают споры о путях объединения Германии. В Италии оживают объединительные тенденции.

Бонапартистская Франция, внутренняя и внешняя политика которой зашла в тупик, искала выхода в войне. В «локализованной» войне с Австрией она видела способ предотвратить революцию и надеялась потопить освободительные стремления итальянского народа, в то же время лицемерно рекламируя эту войну как «освобождение Италии». Маркс считал своим долгом разоблачить фальшивую роль Бонапарта, сорвать с него маску «освободителя» и «защитника национальностей».

Маркс доказывал, что в Италии и Германии вопрос об объединении должны решать сами итальянский и немецкий народы, что объединения можно достигнуть путем свержения реакционных режимов в этих странах.

По словам Ленина, Маркс «поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику...»⁸.

Не приходится удивляться, что среди мелкобуржуазных демократов был полнейший разброд. Опять начинаются споры о «Малой и Великой Германии». В связи с этими эмигрантскими спорами Маркс был вовлечен в неприятный процесс, затеянный Фогтом, пробонапартистскую позицию и пропаганду которого он разоблачил.

Не только демократы, но и Лассаль, который в этот период неизменно подчеркивал, что является

якобы сторонником Маркса, тоже придерживался неправильных взглядов. В мае 1859 года он выступил с брошюрой «Итальянская война и задачи Пруссии», в которой занял совершенно неверную позицию в вопросе о войне и о роли Луи Бонапарта. В брошюре Лассаль отстаивал объединение Германии под главенством Пруссии. Необходимо отметить, что эти ошибочные взгляды Лассаль развивал уже после того, как в Германии в апреле 1859 года анонимно вышла в свет брошюра Энгельса «По и Рейн», написанная по инициативе Маркса и излагающая партийную точку зрения. Поэтому Маркс оценил брошюру Лассалья как «колоссальную ошибку и нарушение партийной дисциплины».

В. И. Ленин, противопоставляя тактику Маркса тактике Лассалья, писал: «Именно это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассалья»⁹.

26 ноября 1859 года Маркс писал Энгельсу, что Лассаль «дует в одну дудку с Фогтом...»¹⁰. Бонапартистская клика старалась обрабатывать общественное мнение в пользу Франции. Целая армия подкупленных «идеологов» служила агентами у «официального мира». Одним из таких платных бонапартистских агентов и являлся Фогт. Это была очень удобная фигура: он пользовался дутой славой ученого, был популярен среди эмиграции, причем поддерживал связь с эмигрантами разных национальностей — не только немцами, но и венграми, итальянцами и др. О том, что Фогт получает субсидии из бонапартистских фондов, ассигнованных на пропаганду и подкуп немецких публицистов. Марксу сообщил Блинд на публичном митинге по поводу итальянской войны.

Об этом же Блинд поведал и Фрейлинграту. Вскоре им была специально выпущена анонимная листовка «Предостережение» (с подзаголовком: «Для распространения»).

Когда «Allgemeine Zeitung» напечатала (переданную ей Либкнехтом) листовку в своей газете, Фогт возбудил против нее судебный процесс,

утверждая, что автором листовки является Маркс, который делает Блинда лишь козлом отпущения. Блинд трусливо отказался раскрыть свое авторство, а Фрейлиграт предпочел увильнуть, вместо того чтобы указать подлинного автора.

В этой связи укажем, что немецкий журналист Брасс, друг Фогта, письменно подтвердил, что он на предложение последнего о сотрудничестве ответил отказом, мотивируя это тем, что не желает «пользоваться французским кормовым корытом». У Маркса не было сомнений, что «шутовской чревоуещатель из Тюильри» (Луи Бошарт) пользуется Фогтом как платным агентом, однако тогда он не мог представить официальных данных, а мог только привести письменное заявление лондонского наборщика Фегеле, в котором последний подтверждал авторство Блинда.

Расписка Фогта в получении 40 тыс. франков в счет фондов агитации была найдена много лет спустя, после того как в 1871 году члены Парижской коммуны заполучили в свои руки архив Тюильри¹¹. Но в то время Маркс оказался безоружным, и Фогт, понимая свое выпрыгнутое положение, решил перейти в наступление. В декабре 1859 года он выпустил брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» с подлыми, клеветническими нападками на Маркса.

Буржуазная, и особенно немецкая, печать точно по команде подхватила гнусную и подлую клевету Фогта. Газеты стали оглушать читателей грязнейшими, гнуснейшими сплетнями. Женни вспоминает, что вся немецкая пресса, «окрыляемая «шовой зрой»», любовно распространяла гнусности по городам и селам¹². Как всегда в таких случаях, буржуазная и мелкобуржуазная пресса пускала в ход свое отравленное оружие: клеветала на вождей, чтобы подорвать доверие рабочих к своим руководителям, — словом, действовала испытанным методом: «Calomniez, calomniez, il restera toujours quelque chose» («Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да пристанет»).

Маркс писал: «...во все времена и повсюду сикофанты господствующего класса так же подло клеветали на передовых политических борцов

и писателіей, защищавших интересы угнетенных классов...»¹³

Опровержения Маркса газеты отказывались печатать. Впрочем, один раз Марксу удалось прервать на минуту лап всей этой своры. Зная нравы буржуазной прессы, ее продажность, угодливость и раболепие, он решил эксплуатировать аристократическое происхождение своей жены и ее титул баронессы. От имени жены за подписью «*La baronne von Westphalen*» он послал в редакцию опровержение с ультимативным требованием напечатать его, угрожая в противном случае привлечь газету к ответственности. Маркс писал Энгельсу, что такая подпись должна «импонировать» филистерам. И в самом деле опровержение было напечатано.

Маркс сразу оценил характер брошюры Фогта и куда она метит. 3 февраля 1860 года он писал Энгельсу: «Атака его против меня... должна означать решительный удар буржуазной вульгарной демократии и одновременно русско-бонапартистской сволочи по всей партии»¹⁴. Поэтому для Маркса речь шла о защите партии. Он писал Фрейлиграту: «...я привык к тому, что пресса забрасывает меня грязью за всю партию и что мои личные интересы постоянно страдают из-за партийных соображений...»¹⁵

Совсем иначе, естественно, на это должна была реагировать Женни. Не случайно Маркс писал Энгельсу: «Негодяй старается уверить немецких филистеров, что я живу здесь... за счет рабочих и т. д. (от моей жены я, понятно, скрываю всю эту грязь)»¹⁶. Но долго скрывать это было невозможно. Клеветнические нападки Фогта действовали на Женни еще сильнее, чем на Маркса. Она считала, что задета не только партия, не только Маркс как лидер партии, но и честь их семьи. Безусловно, все это потрясло ее.

Позже Энгельс отмечал, что «материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили большой заговор против ее

мужа; когда они обливали Маркса потоками самой подлой, самой гнусной клеветы; когда вся печать оказалась для него закрытой и все пути самозащиты были для него отрезаны; когда он очутился вдруг безоружным перед лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго»¹⁷.

Маркс был вынужден, на этом настаивала и Женни, выступить с ответом. Но в своей борьбе он был совершенно одинок. Даже такие в недалеком прошлом близкие друзья, как Фрейлиграт, постарались поскорее устранились, оставив Маркса на «съедение» Фогту и его компании. Другие, как Лассаль, под предлогом популярности Фогта и боязни провала марксовской защиты удерживали его от выступления. Основная же причина поведения Лассаля в данном деле кроется в его позиции, которая совпадала со взглядами Фогта, а именно объединение Германии надо провести «сверху» под главенством Пруссии. И когда Маркс не послушался совета мнимых друзей, Лассаль предпочел остаться в стороне. Женни не могла простить ему этого. Ведь он в ту пору все еще распинался в преданности Марксу и даже помог издать в Германии «К критике политической экономии».

Как-то при случае в одном из более поздних писем Женни напомнила об этом Лассалю: «Я не сомневалась в действительном вашем участии и симпатии к нам. Лишь однажды была на Вас горько обижена и зла беспощадно... Это было в то время, когда вся собачья свора, руководимая Фогтом, набросилась с остервенением на моего мужа с подлой и низкой ложью. Я ждала, что с огнем и мечом вы нападете на эту банду, что раздастся ваш единственный голос среди этой бездыханной тишины, — но вы молчали...»¹⁸

Поскольку вся печать оказалась закрытой для Маркса и все пути самозащиты были отрезаны, он решил разоблачить Фогта в отдельной брошюре и издать ее на собственные средства.

В этой брошюре, как писала Женни, Маркс намеревался «одним ударом убить семерых». Он хотел не только пригвоздить к позорному столбу Фогта,

но и выступить против растленного режима Бонапарта и династических планов решить национальный вопрос «сверху», против мелкобуржуазной эмиграции, снова поднявшей голову в «новую эру», против подрывной деятельности господствующих классов, засылавших своих агентов в среду пролетариата, и против подкупной прессы.

Маркс хотел также изложить в брошюре взгляды партии и оградить пролетариат от влияния «вульгарных» мелкобуржуазных демократов, уже полностью разложившихся и деградировавших.

Что касается самого Фогта, то, как писал Маркс в письме к Энгельсу, ему нужно было обработать эту тему «артистически». И действительно, брошюра была написана в остросатирической форме. Недаром Энгельс в письме к Марксу так выразил свое мнение: «Это, конечно, лучшее полемическое произведение, какое ты когда-либо написал...»¹⁹

Естественно, работа требовала времени, и Маркс, погруженный в нее, не успевал писать корреспонденции в газету.

Женни с величайшей энергией участвовала во всей контракмпании Маркса. Она только опасалась, что добросовестность и обстоятельность, с которыми Маркс обычно подходил к каждому литературному выступлению, слишком затянут дело и эффект от выступления уменьшится. Кроме того, ее беспокоило, что из-за пропусков корреспонденций Маркса в газету образуется слишком большая брешь в бюджете. Обращаясь к Энгельсу с просьбой «изготовить статью» вместо Маркса, Женни пишет ему 14 августа 1860 года по поводу брошюры о Фогте: «Надеюсь уже на этой неделе начать переписку брошюры.

Это дело слишком затягивается. И мне представляется, что Карл делает эту вещь чересчур основательно.

«Анализ письма Тихова» — вот что представляет самую большую трудность; здесь, кажется, и зарыта собака. Все остальное подвигается лучше... К сожалению, относительно издателя тоже еще ничего не предпринято. Но на этой неделе будто бы все будет закончено. «А кто этому не верит, тот ошибется»»²⁰.

Наконец «Фогт» был готов, и спор теперь зашел о том, как озаглавить брошюру. В выборе заглавия Женни также приняла самое активное участие. Как мы уже говорили, она предложила название «Да-да Фогт»²¹ — заглавие, как видит читатель, не особенно понятное широкой публике. Она приводила при этом, как писал Маркс Энгельсу, «ученый довод»: в древнегреческих трагедиях часто нет никакой связи между заглавием и содержанием. Маркс же хотел просто написать «Карл Фогт». Но Энгельс считал, что «Карл Фогт» плохо сочетается с «Карлом Марксом», и посоветовал озаглавить брошюру «Господин Фогт». Впрочем, Маркс пошел на компромисс: он озаглавил брошюру «Господин Фогт», а одну из глав ее назвал «Да-да Фогт и его исследования».

Судьба этой книги была печальнее судьбы других. В письме к жене Вейдемейера Женни вспоминает:

«В прошлом году у нас были ужаснейшие неприятности из-за гнусных нападок («округленной натурь») ²², из-за подлого поведения всей немецкой, американской и прочей прессы. Вы не поверите, сколько бессонных ночей и забот причинила нам эта история. Процесс против «National-Zeitung» стоил много денег, а когда Карл закончил книгу, он не мог найти издателя. Он вынужден был напечатать ее на свой счет...» ²³

Роль Женни в этой работе не ограничилась только подготовкой и перепечаткой брошюры. После ее выхода в свет Женни, крайне огорченная молчанием прессы, обратилась за содействием к целому ряду лиц, в том числе к жене Вейдемейера, находившейся в то время с мужем в Америке. Женни писала ей 11 марта 1861 года: «Преднамеренное молчание печати препятствует, конечно, такому блестящему сбыту книги, какого мы вправе были ожидать... Хотелось бы знать, наблюдается ли и в Америке подобное же замалчивание книги. Это было бы просто возмутительно, тем более, что для ничтожной лжи и клеветы были предоставлены столбцы всех газет. Быть может, Ваш муж мог бы предпринять что-либо для распространения книги» ²⁴.

Но все усилия Женни создать популярность произведениям Маркса не увенчались успехом. Нужны были десятилетия, чтобы гениальные труды Карла Маркса нашли заслуженное признание широких кругов читателей.

Как постоянно падающая капля пробивает даже камень, так и вечные невзгоды подточили здоровье Женни.

В 1860 году ей исполнилось 46 лет. После всего пережитого, после семи родов и смерти четверых детей, после долгих скитаний, нужды, забот, беспросветного существования силы Женни были подорваны, хотя внешне она все еще выглядела красивой. Дело Фогта, о котором мы подробно говорили, очень сильно взволновало ее и расшатало основательно всю нервную систему. К этому прибавилось много возни с брошюрой. Конечно, не убавлялось и обычных домашних хлопот, унижений перед кредиторами, поставщиками и т. д. У Женни начались припадки и вскоре стало известно, что она заболела натуральной оспой. Аллен — домашний врач семьи Марксов — сначала скрывал от Маркса и лишь позже открыл всю правду. 23 ноября 1860 года Маркс сообщил Энгельсу: «Дело в том, что, пока не выяснился характер болезни, Аллен скрывал от меня ее действительную природу. Вчера это стало уже невозможно. У моей жены — оспа, и притом очень тяжелая... Потому-то Аллен и удалил сейчас же детей из дому. Это — ужасная болезнь... До сих пор я сам исполнял обязанности (главные) сиделки... В течение многих недель жена моя очень сильно нервничала, так как у нас было много неприятностей, и, таким образом, была повышена ее восприимчивость к заразе, которую она могла схватить в омнибусе, лавке или тому подобном месте...

Бедных детей я поместил у Либкнехтов, которые живут по соседству со мной и которым я ежедневно посылаю съестные припасы. В школьный пансионат они не захотели пойти из-за религиозных обрядов»²⁵. В другом письме Маркс писал Энгельсу: «Дети, бедняжки, все еще живут в ссылке... Маленькая²⁶ увидела позавчера, как я проходил

мимо дома Либкнехта, и крикнула мне в окно: здравствуй, старина!»²⁷

Либкнехт в воспоминаниях описывает, как тосковала больная мать по детям и как трогательно печальны были их свидания, когда он стал приводить детей на балкон дома Марксов.

11 марта 1861 года Женни подробно писала жене Вейдемейера про перенесенную ею болезнь:

«Едва успела я переписать рукопись... как вдруг почувствовала себя очень плохо. У меня начался страшнѣйший жар...

Мне с каждым часом становилось хуже, появились ужасные признаки оспы. Я очень, очень много выстрадала. Сильные жгучие боли лица, абсолютная бессонница, смертельный страх за Карла, который с величайшей нежностью ухаживал за мной, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутреннее чувство, сознание, оставалось все время ясным... Слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечная ночь!

Однако мой организм победил, нежнейший и преданнейший уход сделал свое дело, и вот я теперь снова сижу совершенно здоровая, но с обезображенным лицом, со шрамами темно-красного цвета вроде теперешнего модного цвета мадженты... Первое свидание (с девочками. — П. В.) было неопишимо трогательно. Девочки были глубоко потрясены и с трудом сдерживали слезы, увидев меня... Меня считали хорошо сохранившейся — и вот теперь всему этому пришел конец!.. Не успела я подняться с постели, как заболел мой милый, дорогой Карл. Чрезмерный страх, всякого рода заботы и муки свалили его с ног. Впервые его хроническая болезнь печени приняла острый характер»²⁸.

Чрезвычайно характерно для оптимистической натуры Женни: едва придя в себя от перенесенной болезни, она уже пишет о пережитом в успокоительных тонах. Так, в письме к Лассалю от 5 мая 1861 года мы читаем: «Вы вполне правы, любезный господин Лассаль, я слишком близко к сердцу приняла историю с Фогтом. Я проводила бессонные ночи и так огорчалась и беспокоилась, что сделалась

восприимчивой к эпидемии. Таков уж человек. К действительным заботам он прибавляет еще воображаемые, которые еще больше на него давят, чем прежние... Я не хочу отрицать, что мое лицо доставило мне много печальных часов... Но теперь я могу уже выдать себе свидетельство о том, что снова имею человеческий и естественный вид, только все еще раздражают слишком яркие тона. Если не считать цвета мадженты и sulfurino (фогтовская сера), я еще надеюсь выдержать кое-какие испытания судьбы»²⁹.

В связи со смертью Фридриха Вильгельма IV его преемник Вильгельм I в 1861 году объявил амнистию, которая породила иллюзии. Многие эмигранты, уверовав в наступление «новой эры», спешат восстанавливать свои права.

Некоторые из старых друзей Марксов отъезжают на континент, а другие, которым удалось «устроиться» и включиться в новую жизнь, отбегнулись от Маркса и его семьи.

Женни указывала на это в письмах к друзьям, но всегда неизменно отделяла Энгельса и Лупуса (Вольфа) и других верных соратников. Так, она писала в одном из писем к Луизе Вейдемейер: «Лупус живет уроками в Манчестере. Это все та же, насквозь честная, дельная и плебейская натура...

Дронке отчаянно повезло: через Гарнье-Паже он получил комиссионное дело и имеет почти 1000 фунтов. Он стал настоящим филлистером и по отношению к Карлу и своим старинным друзьям держался совсем не так хорошо, как от него можно было бы ожидать. Фрейлиграт вел себя с нами не по-дружески. Политические и дипломатические соображения не допускают открытого разрыва, мы поддерживаем отношения лишь для приличия. С женской половиной семьи я совершенно порвала; я не люблю половинчатости»³⁰.

Несомненно, Женни больше, чем Маркс, замечала и реагировала на ослабление личных связей с друзьями, которое обычно приносил с собой период упадка. С другой стороны, если одна часть эмигрантов могла воспользоваться амнисти-

ей — возможностью вернуться на «родину», то для Женни и Маркса навсегда остались закрытыми двери в Германию. В последнем он убедился, когда съездил ненадолго в Берлин. Впрочем, Женни не очень стремилась вернуться туда. На это у нее были свои причины. Когда Лассаль написал Марксам о перспективах возвращения в Германию, Женни в своем ответе ему призналась, что не хотела бы в таком виде показываться землякам. Это письмо, как и все письма Женни, блещет умом и прекрасно по стилю.

Женни писала: «Вы вселяете в меня самые радужные надежды, связанные со скорым возвращением на родину! Но, по правде говоря, мне это «дорогое отечество» стало совсем чужим. Даже в самых отдаленных уголках моего сердца я не могла найти ни малейшей привязанности. Нынешнее положение в «миллой и дорогой Германии» — этой *Mater Dolorosa* поэтов — столь безотраднo, что оно скорее отталкивает, чем привлекает. Но я должна признаться, что кроме этих общих причин, которые вынуждают пока меня немного поблуждать любезного отечества, у меня есть еще свои особые, сугубо личные. Мне бы не хотелось показаться моим старым друзьям такой, какая я теперь»³¹.

Женни была права, когда писала Лассалю 5 мая 1861 года: «Мы так привыкли к ссылкам и вынужденным скитаниям, что с трудом можем решиться на добровольный отъезд и въезд»³².

Кроме политических причин Женни отвращали от Германии мещанско-обывательский дух, который царил в стране, и другие соображения. В письме к Маркгейм от 28 января 1863 года она указывала и на эту причину: «...Лондон так огромен, что здесь человеческая личность как-то растворяется. В Лондоне не трудно укрыться от любопытных глаз в своем гнездышке, тут никто не станет вами интересоваться. В то время как в Германии уже на следующее утро известно, что у вас подавали вчера к столу и «каков доход вашего супруга»»³³.

К тому же дочери Женни, выросшие в Англии, были привязаны к «стране Шекспира»³⁴, как

она выразилась в письме к Энгельсу. Впрочем, все колебания и сомнения Жснни были излишни. В 1861 году Маркс поехал по семейным делам в Голландию, а оттуда в Германию — Берлин, чтобы выяснить политическую ситуацию, возможность создания там партийного органа и т. д.

Однако Германия оказалась недоступной для Маркса и его семьи. Прекрасно понимая, что рабочее движение только просыпается, Маркс тем не менее делал все возможное, чтобы переселиться и принять непосредственное участие в организации начинавшегося движения. Но полиция со своей стороны тоже делала все, чтобы помешать этому.

Из сохранившегося в полицейском архиве дела и переписки по вопросу о возвращении Марксов видно, что власти понимали, какую опасность представляло бы для них пребывание Маркса в Берлине.

Остановившись у Лассаля, Маркс 19 марта 1861 года отправил начальнику полиции Цедлицу сообщение о том, что в связи с амнистией он вернулся в Берлин, живет в доме Лассаля, может доказать на основе своего договора с «New York Daily Tribune», что обладает средствами к существованию, и просит о восстановлении в прусском подданстве.

Цедлиц стал наводить справки: нельзя ли подвести Маркса под уголовную статью. Однако ответы трирского и кельнского начальников полиции были неопределенными. Поэтому Цедлиц всячески уклонялся от прямого ответа. Маркс, который не умел и не хотел заискивать у власть имущих, 25 марта в своем обращении снова указывает, как бессмысленно заставлять его в течение трех-четырёх месяцев ожидать решения по вопросу о том, какое толкование придаётся королевской амнистии. Наконец, 25 апреля Маркс получил окончательный отказ.

Таким образом, амнистия коснулась почти всех эмигрантов, только не Маркса.

Жснни и Карлу так и не удалось расстаться с Лондоном. В более поздние годы у них зародился было план переезда в Швейцарию, где при своих скудных средствах они могли бы жить лучше, чем

в Англии, но ради быстрейшего завершения работы над «Капиталом» и из-за большой работы в Интернационале им пришлось отказаться от этого.

В 1859 году вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии». Окончание этой увертюры к «Капиталу» совпало с очень тяжелым периодом в жизни Маркса. Во-первых, все более частые приступы болезни печени начались именно с 1857 года, т. е. тогда, когда ему надо было, наконец, поставить желанную последнюю точку на рукописи; во-вторых, экономический кризис 1857 года вызвал прежде всего денежный кризис у самого Маркса, что повергло его в новые заботы. Маркс работал по ночам, потому что днем он писал, чтобы заработать на хлеб насущный. Особенно интенсивно он работал именно в эти годы, желая выпустить наконец в свет «К критике политической экономии», выход которой и так затянулся из-за скрупулезности и чрезмерной научной добросовестности Маркса. Вдобавок круг его научных интересов и занятий был так велик и разносторонен, что на это обычного рабочего дня, естественно, не хватало. Он изучал историю, геологию, технику, агрохимию, математику и т. д.

Либкнехт рассказывает, что он тогда не понимал (будучи сам молодым и полным сил), почему Женни так отчаянно воевала с Марксом из-за его ночных работ. Он даже сочувствовал Марксу, которого угнетал «женский деспотизм».

Позже, когда Либкнехт увидел, как жестоко Маркс поплатился за такой образ жизни, в результате которого к пятидесяти годам превратился в болезненного человека, то понял, насколько была права Женни.

Беда Маркса заключалась еще в том, что ему приходилось вести сидячий образ жизни и мало бывать на воздухе. Он страдал плохим кровообращением и вечно возился с фурункулами; к тому же при отсутствии аппетита он охотно прибегал к острым блюдам (пикули и т. д.), что причиняло ему вред. Все это, вместе взятое, и подкрававшаяся к нему в эти годы наследственная болезнь печени дают себя знать уже с 1857 года.

Женни считала, что именно теперь в связи с наступившим экономическим кризисом работа Маркса по экономии будет очень своевременной и, как писала она К. Шрамму, «вероятно, удастся найти также и какого-нибудь захудалого книгоиздателя»³⁵.

С помощью Лассалья в Германии удалось договориться с издателем Дункером, но рукопись была еще не готова. Женни очень волновалась по этому поводу и поторапливала Маркса.

Энгельс говорил в шутку, что Маркс не выпустит в свет своего произведения, пока не перечитает всех существующих в мире книг по данному вопросу. А между тем это были лучшие для теоретической работы годы. Здоровье утрачивалось, и работа шла с мучительными перерывами. Марксу не грозило, что он сдаст в печать недостаточно подготовленное произведение. Опасность была в другом — в том, что он в своем стремлении дорабатывать каждый вопрос до последних деталей сделает просчет в самом важном пункте и не рассчитает сроков человеческой жизни и работоспособности. «Die Kunst ist lang und kurz ist unser Leben» («Искусство бесконечно, а жизнь коротка». — Гёте. Фауст).

Эти слова в равной мере применимы и к искусству и к науке.

По-видимому, Женни делала более житейские, практические выводы из этих слов Гёте, чем сам Маркс. Не только Женни, но и Энгельс торопил Маркса с окончанием «Введения «К критике политической экономии»».

9 апреля 1858 года Женни пишет Лассалю: «С тех пор как Карл писал Вам в последний раз, его заболевание печени, от которого он уже тогда страдал и которое, к сожалению, повторяется каждую весну, так усилилось, что он постоянно был вынужден прибегать к лекарствам и сегодня чувствует себя настолько неспособным писать, что поручил мне выразить Вам свою сердечную благодарность за Ваши столь дружеские хлопоты в его интересах. Не могу и я не выразить Вам своей радости по поводу благополучного заключения договора; из этого я вижу, что Вы еще не совсем

с головой ушли в теоретическую работу и, погружившись в Гераклита (которого и я тоже изучаю), вместе с тем еще сохранили также и свою способность к практическим делам, оставаясь, как говорят англичане, «a clever manager» (ловким дельцом. — П. В.)»³⁶.

Болезнь на длительный срок лишила Маркса работоспособности. Но он не мог не писать в «Tribune», откуда все же регулярно получал гонорар, и Женни должна была писать под его диктовку. Когда началось выздоровление, Маркс пытался обогнать естественный процесс и снова засесть за работу, но больной организм давал осечку. Пришлось быть осторожнее.

Наконец рукопись была окончена. Женни в перерывах между уходом за больным мужем, возней с кредиторами и беготней по ломбардам срочно переписала всю рукопись.

«...Со всех сторон, — писал Маркс Энгельсу, — тормозят напоминаниями о долгах, причем она (Женни. — П. В.) переписывает рукопись, а в промежутках вынуждена бегать в город по ломбардам...»³⁷

Чтобы дать полную картину, как рождалась эта замечательная прелюдия к «Капиталу», укажем, что когда наконец рукопись была готова, то в доме не оказалось ни полупенки, чтобы ее застраховать и отправить издателю.

В этой тоненькой книжечке для объяснения сущности капиталистической эксплуатации уже был дан научный взгляд на общественные отношения, произведен анализ товара, труда, была разработана теория стоимости и функции денег.

И этому было предпослано гениальное предисловие, которое имеет совершенно самостоятельное научное значение. В. И. Ленин сказал, что здесь дана формулировка «основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю...»³⁸.

Женни, естественно, ожидала, что после выхода в свет книга найдет самый широкий отклик в прессе. Но кругом был заговор молчания. И даже такие, как Фрейлиграт и Лассаль, его не нарушили.

В письме к Энгельсу в декабре 1859 года Женни писала, что ко всем неприятностям «прибавилось еще то обстоятельство, что тайные, долго лелеянные надежды на книгу Карла все рухнули самым жалким образом из-за заговора молчания со стороны немцев, прерванного разве что парой жалких — помещенных в приложениях к газетам — беллетристических статей, которые касались только предисловия, а не содержания книги. Второй выпуск³⁹, может быть, пробудит этих соней от летаргического сна...»⁴⁰.

Несмотря на огромную работу Маркса в Интернационале, он усиленно трудился над завершением первого тома «Капитала». Как раз в 1864 году, как уже упоминалось, после смерти Вильгельма Вольфа Марксы получили наследство. Это временное освобождение от гнетущих забот о сегодняшнем дне повысило работоспособность Маркса, а также содействовало улучшению морального и физического состояния Женни.

Среди работы, связанной с руководством конгрессами Интернационала, писанием инструкций и тому подобным, Маркс усиленно готовит «Капитал», но из-за присущей ему чрезмерной добросовестности никак не может завершить работу над ним.

К тому же Маркс, изменивший план издания «К критике политической экономии» выпусками, соответственно изменил и увеличил размер «Капитала», а это требовало еще большего труда. Женни писала в связи с этим Берте Маркгейм: «...книга его, несмотря на все препятствия, гигантскими шагами приближается к концу. Она была бы завершена гораздо раньше, если бы он придерживался прежнего плана — ограничиться 20 — 30 печатными листами. Но так как немцы питают доверие только к «толстым» томам, а книги, в которых все тонко и сжато изложено и отброшено лишнее, не имеют никакой цены в глазах этих господ, то Карл прибавил много материала исторического характера. Теперь это солидный томик в 50 печатных листов, он, точно бомба, упадет на немецкую землю»⁴¹.

Но серьезная болезнь периодически давала о себе знать и часто прерывала кропотливую работу Маркса. Женни должна была теперь дежурить ночами у постели больного. Она писала Кугельману 1 апреля 1866 года: «Так как все мы слишком хорошо знаем, насколько опасна эта болезнь, если она постоянно повторяется в течение нескольких лет, то Вы можете себе ясно представить, какие печальные дни и ночи мы пережили»⁴².

В конце концов Маркс вынужден был по настоянию врача прервать работу и уехать на курорт. После возвращения работа над «Капиталом» стала быстро продвигаться к концу, и Женни торопилась поделиться радостью с друзьями, и в первую очередь с ближайшим другом Энгельсом: «Если книготорговец в Гамбурге действительно сможет печатать так быстро, как он говорит, то книга во всяком случае появится к пасхе. Какая радость видеть перед собой рукопись столь огромного размера и в начисто переписанном виде! У меня гора с плеч свалилась; но хлопот и забот останется еще вполне достаточно...»⁴³

О завершении работы над первым томом «Капитала» она писала и Эрнестине Либкнехт: «Он принялся за окончание рукописи... Я не могу Вам описать, с каким спокойным чувством удовлетворения я после стольких лет испытаний, опасений и длительной, почти безнадежной тоски увидеть эту работу следила за тем, как манускрипт разрастался, принимая все более огромные размеры»⁴⁴.

В апреле 1867 года Маркс повез в Германию издателю Мейснеру рукопись первого тома «Капитала». Он вынужден был там задержаться (живя это время у Кугельмана), чтобы лично руководить корректурой. Сдав последний лист, он не мог удержаться от посылки Энгельсу нежного благодарственного письма за то, что тот помог ему закончить этот труд. Вернувшись в Лондон, он писал Энгельсу:

«Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) листа книги... Итак, *этот том готов*. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что

не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!»⁴⁵

Наконец это гениальное творение было закончено, и свет мог увидеть часть того труда, который составляет целую эпоху в истории человеческой мысли. Энгельс приветствовал автора в письме возгласом «ура!».

Появлением «Капитала» мы обязаны кроме Энгельса также и Женни Маркс. Если бы не она, мы не увидели бы и первого тома. Она торопила Маркса с окончанием «Капитала», прилагая к этому все усилия, оберегая его от докучливых посетителей, от чтения несущественной литературы, даже от изучения новых языков.

Максим Ковалевский в своих воспоминаниях рассказывает по этому поводу: «Николай — он⁴⁶ и я посылали ему (Марксу. — П. В.), что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку»⁴⁷.

Рецидивы застарелой болезни очень мешали Марксу и дальше, когда он взялся за второй том «Капитала». Женни писала в связи с этим Филиппу Беккеру: «К сожалению, причины моего молчания были отнюдь не веселыми. Вот уже несколько недель мой бедный муж снова связан по рукам и ногам своей старой, тяжелой и мучительной болезнью, опасной постоянными рецидивами. Ничто не угнетает его больше, чем вынужденное безделье, и как раз теперь, когда столько нужно сделать, когда возник спрос на вторую часть, когда, наконец, в мире снова начинается пожар, правда пока еще только с помощью «греческого огня», а не «красного петуха». У тунейдцев и бездельников есть и средства, и здоровье, а люди, принадлежащие новому миру, посвятившие всю свою жизнь борьбе за него, эти люди несут тяжкое бремя болезней и нищеты. «Позор, позор!» — как восклицают англичане на митингах»⁴⁸.

Как известно, Маркс не закончил работу над вторым и третьим томами «Капитала» (второй том он мечтал посвятить Женни). Об этом предполагав-

шемся посвящении Энгельс говорит в своем предисловии ко второму тому «Капитала». Маркс успел только отредактировать второе немецкое издание первого тома «Капитала» и французский перевод, которому он придавал большое значение, так как опубликование «Капитала» на французском языке помогло бы развеять влияние прудонистских воззрений, которые были тогда еще сильны во Франции.

Женни приняла очень активное участие в деле издания «Капитала» на французском языке. Здесь имелись большие трудности в подыскании подходящего переводчика, так как для того периода это была настоящая проблема. Женни очень интересовалась качеством перевода и по этому поводу вела большую переписку с Шили и рядом других лиц. В письме к Филиппу Беккеру она сообщала: «В качестве временного секретаря я написала Шили и послала ему письмо человека, предложившего свои услуги для перевода. Мозес Гесс через Шили также предложил свои услуги в качестве переводчика, а пока что собирался запустить несколько пробных шаров на страницах «*Courrier français*». Но об этих господах уже давно ни слуху ни духу, а, судя по вышеупомянутому письму, дело не терпит. Гесса следовало бы предпочесть многим другим чисто формальным переводчикам ввиду его философского образования и умения ориентироваться в искусстве диалектических скачков и диалектической эквилибристики, но, с другой стороны, наш мистический раввин раввинов не всегда заслуживает доверия (не слишком «правовверен»), и часто небрежен; поэтому было бы неправильно ради него отклонять другие предложения. Шили выступит теперь в качестве поверенного в делах и решит, кто является подходящим человеком»⁴⁹.

Шили вел переговоры и с М. Гессом и с Э. Реклю, которые хотели совместно взяться за работу. Но из этого ничего не вышло, так как они намеревались вместо полного перевода «Капитала» дать сокращенный, приспособленный для французской публики вариант этого труда. Как известно, Келлер при содействии Маркса переводил «Капитал» на французский язык, но не закончил перевода

в связи с участием позднее в Парижской коммуне и эмиграцией после ее подавления. Полностью перевод первого тома был осуществлен Ж. Руа и издавался в Париже отдельными выпусками в течение 1872—1875 годов.

В Германии «Капитал» после выхода в свет не встретил никакого отклика в печати. Буржуазная печать умышленно замалчивала эту гениальную работу, и для подавляющего большинства не только врагов, но даже некоторых друзей она осталась книгой за семью печатями. Например, Фрейлиграт, сам, вероятно, не читавший «Капитала», уверял Маркса, что на Рейне многие молодые купцы и фабриканты в восторге от его книги. Правда, некоторые фабриканты поняли «Капитал» как пособие к «хорошему» ведению коммерции и обращались к Марксу за разными советами, делая при этом каждый раз предположение, что автор такой книги не может не быть фабрикантом. Однажды, когда Кугельман переслал Марксу письмо одного такого фабриканта из Билефельда, Маркс заметил в письме к Энгельсу: «Особенно насмешило меня его предположение, что я сам раньше был фабрикантом, применявшим швейные машины. Если бы эти люди только знали, как мало я разбираюсь во всех этих вещах!

И неизбежный вопрос: что же делать? Все эти парни хотят рецептов для чудодейственного исцеления, а вместе с тем не замечают, что уже довольно ощутимо намечается лечение огнем и железом»⁵⁰.

И ныне, спустя сто лет, когда от мирового капитализма уже откололся ряд стран и образовалась мировая социалистическая система, в Европе и Америке и в наши дни находятся «мудрецы» экономисты и социологи, которые снова повторяют те же чревоушительные заклинания о найденной ими панацее от язв капитализма в лице «народного капитализма», «модернизированного капитализма» и т. п. Как прозорливо, умно, глубоко и почти пророчески звучат теперь слова Женни из письма Беккеру, сказанные более ста лет назад. Она писала ему следующее: «...Маркс не имеет для лечения зияющих кровоточащих ран нашего общества никаких гото-

вых специфических лекарств, о которых так громко вопит буржуазный мир, именующий теперь себя также социалистическим, никаких пиллоль, мазей или корпии... из естественнoисторического процесса возникновения современного общества он вывел практические результаты и способы их использования, не останавливаясь перед самыми смелыми выводами... «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества... Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей... Если деньги... «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят... Бьет час капиталистической частной собственности...»⁵¹

К чести Женни, надо сказать, что она была в числе тех, очень немногих, кто сразу понял и усвоил это гениальное творение. В упомянутом выше письме она учит рабочего-щеточника Беккера, что если он еще не приблизился через диалектические тонкости первых глав «Капитала», то надо прочитать сначала главы, посвященные первоначальному накоплению капитала и современной теории колонизации. «Я убеждена, что Вы, как и я, получите от этих глав огромное удовлетворение... Должна сказать откровенно, что этот изумительный по своей простоте пафос захватил меня, и история стала мне ясной, как солнечный свет»⁵².

Но именно потому, что Женни усвоила «Капитал», понимала его значение, она так болезненно реагировала на тот заговор молчания, которым была окружена эта книга.

Женни почти с отчаянием писала Кугельману после выхода «Капитала»: «По-видимому, немцы предпочитают выражать свое одобрение замалчиванием и полным безмолвием. Вы основательно расшевелили всех тех, кто мешкает. Поверьте мне, дорогой г-н Кугельман, вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях, и я вполне могла бы написать тайную историю ее создания, в которой открылось бы много, бесконечно много скрытых забот, тревог и мучений. Если бы рабочие

имели представление о жертвах, которые пришлось принести для завершения этого труда, написанного лишь для них и в защиту их интересов, они, вероятно, сами проявили бы несколько больше интереса»⁵³.

Впрочем, конгресс Интернационала, происходивший в это время, рекомендовал рабочим всего мира ознакомиться с «Капиталом» — этой «библией рабочего класса».

Энгельс, верный друг Маркса, решил «прорвать этот заговор молчания» и принялся путем посылки рецензий под всевозможными фамилиями и в разные журналы «рекламировать» эту книгу. Энгельс писал рецензии на «Капитал», как и раньше на «Критику», с точки зрения разного типа читателя. Он жаловался Марксу, что крайне трудно объяснить диалектический метод англичанам, привыкшим читать лишь поверхностные журнальные статьи. Джейнни, дочь Маркса, с возмущением писала, что «немецкие тупицы» никогда не смогут вознаградить Маркса за все то, что он им дал, она посмеивалась над тем искусством, с каким Энгельс один во многих лицах выступал с разнообразными рецензиями.

Но за комической стороной всех ухищрений верного друга — Энгельса таилась глубочайшая трагедия.

Сейчас, спустя сто лет после появления «Капитала», марксизм получил широкое признание. Многомиллионные коммунистические партии, выросшие из маленькой партии Маркса, идут твердыми шагами к революционной переделке всего мира. Имена Маркса, Ленина сделались символом нового периода человеческой истории, символом коммунизма. А тогда? А тогда Энгельсу приходилось изощряться, пытаясь под разными фамилиями сказать, применяясь к сонному тупоумию филистеров, что с выходом «Капитала» в мире произошло новое событие.

Интересно, что по выходе «Капитала» Маркс послал один экземпляр Бакунину. Но Бакунин ничего не ответил. По этому поводу Женни писала И. Ф. Беккеру в Швейцарию: «Знаете ли Вы что-

нибудь о Бакунине? Мой муж послал ему как старому гегельянцу свою книгу — ни ответа, ни привета. Получил ли он ее?»⁵⁴

Позднее Бакунин признавал, что молчание его было большой ошибкой: «Беккер передал мне от имени Маркса первый, пока единственный, том в высшей степени важного, ученого, глубокого, хотя и весьма абстрактного, произведения — «Капитал». Тогда я совершил ужасную ошибку: я позабыл написать Марксу, чтобы поблагодарить его»⁵⁵.

С этой стороны очень любопытно письмо Маркса к Кугельману от 12 октября 1868 года по поводу издания «Капитала» на русском языке. В нем Маркс сообщает, что петербургский книгоиздатель поразил его известием об издании русского перевода «Капитала» и просьбой прислать фотографию. Маркс пишет: «Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская»⁵⁶.

Женни и Карл Маркс интересовались Россией и имели среди русских искренних друзей, таких, как Герман Лопатин — первый переводчик «Капитала» на русский язык (вынужденный бросить работу на полдороге из-за спешной поездки в Россию для осуществления плана спасения Чернышевского из далекой ссылки), П. Л. Лавров, народо-волец Л. Гартман. При содействии последнего Маркс был знаком также с народовольцами Морозовым и Чайковским. Со многими русскими деятелями Маркс состоял в переписке (с Н. Даниельсоном, В. Засулич и др.). Как известно, Маркс очень положительно отзывался о книге Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (сильное увлечение Маркса русским языком связано было отчасти с желанием читать эту книгу на языке оригинала). Через полгода Маркс овладел русским языком настолько, что читал в оригиналах Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова. Маркс имел русских друзей даже среди ученых-немарксистов, таких, например, как Максим Ковалевский.

Вот почему Маркс был рад, что «Капитал» переводится на русский язык и будет доступен тем, кто не смог бы его читать в оригинале. Это видно из его письма к Динцену и из письма к самому Даниельсону, в котором он благодарил его за мастерски сделанный перевод⁵⁷.

Петербургский цензор, имевший обычно, надо полагать, неплохой нюх, на этот раз попал впросак, когда писал в своем отзыве о книге Маркса: «Можно утвердительно сказать, что немногие прочтут ее в России, а еще менее поймут...»

Энгельс — друг семьи

В жизненной борьбе Марксу и Женни приходилось сталкиваться с очень многими людьми, занимающими самое различное положение в обществе. Среди них были и друзья, и враги.

Верным и беззаветным другом на всю жизнь был Энгельс..

Друзьями были представители коммунистической эмиграции, значительная часть которых жила в Англии (Либкнехт, Вольф, Лесснер и др.). Остальные были разбросаны по всему свету и поддерживали связь с Карлом Марксом и Женни путем переписки.

Кроме близких товарищей-единомышленников были «сочувствующие», почитатели таланта издалека и, наконец, случайные благожелатели.

Врагов же было много, и они были повсюду. Кроме классовых врагов, к которым сложилось определенное отношение, были враги из числа прежних соратников или из более или менее левых демократических кругов. К ним принадлежала также вся основная масса мелкобуржуазной эмиграции, выброшенная на чужбину после 1848 года, а в дальнейшем — политические противники в самом рабочем движении, в том числе и анархисты во главе с Бакуниным.

Несколько особняком стоит Лассаль, почти единственный из революционеров, оставшийся в Германии на свободе после революции 1848 года.

Отношения между Марксом и Лассалем были сложными, к тому же они претерпели сильную эволюцию в связи с эволюцией самого Лассалья. При чтении в дальнейшем писем Женни к Лассалю не надо забывать, что она была все время прекрас-

но осведомлена о политических разногласиях и житейских недоразумениях, существовавших между Марксом и Лассалем. Если ее письма как бы игнорируют все это и разговор ведется в другой плоскости, то последнее доказывает, что в ту эпоху Марксы не считали еще Лассаля способным на компромисс с властью имущими. Она так и писала Энгельсу, что по дипломатическим соображениям нельзя пока рвать с Лассалем, надо выждать. Когда выяснилась его опасная игра с Бисмарком, от последствий которой его спасла только смерть, то Женни не удержалась от того, чтобы резко осудить уже умершего тогда Лассаля.

Вообще по поводу отношений Женни к окружающим надо заметить следующее: что касается политической стороны отношений с людьми, то ее определял Маркс, и в этом у Женни не могло быть разногласий с ним.

Зато в сфере житейско-товарищеских отношений с соратниками Женни принадлежит особая роль, в которой она выступала как женщина-друг, как женщина-товарищ, иногда почти как мать. Сохранилось много документов, характеризующих Женни как моральную и материальную опору коммунистической эмиграции.

Но врагов она умела ненавидеть еще сильнее, чем сам Маркс. В политической борьбе, в стычках с противниками Женни была врагом «полумер» и не менее беспощадна, чем сам Маркс. Она будила чувство чести у «своих», взывала к мужеству и храбрости, внушала им не только чувство ненависти, но и презрения и гадливости к врагам.

Там, где речь будет идти о ее взаимоотношениях с Энгельсом, читатель должен иметь в виду, что у Маркса в жизни было два самых близких друга — Женни и Энгельс.

Об отношениях Энгельса к Женни лучше всего говорят следующие строки из его статьи-некролога: «...наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести»¹.

Но прежде чем остановиться на взаимоотношениях Женни и Энгельса, мы хотим в самых общих

чертах рассказать об Энгельсе как теоретике, революционере и человеке, что поможет лучше понять все благородство взаимоотношений этих замечательных людей.

Энгельс был на два года моложе Маркса и на шесть лет моложе Женни. Как и Марксы, он был жителем Рейна. Но в то время как Женни вышла из аристократических слоев, Маркс — из среды интеллигенции, Энгельс происходил из буржуазной семьи. Прадед его Каспар-старший был мелким торговцем-разносчиком². Он ходил с кипой пряжи за плечами и начал свое дело (разросшееся впоследствии в огромную фабрику с филиалами в других странах) с 25 талерами «основного капитала».

Различие у Женни, Маркса и Энгельса было не только в происхождении, но и в воспитании: первые выросли в свободомыслящих, культурных семьях, Энгельс — в ханжески-пиетистской, купеческой, которая всячески хотела привить ему страх к господину богу и страсть к золотому тельцу.

Маркс и Энгельс были представителями одной и той же эпохи, прошли, хотя и в разное время, одну и ту же школу и вращались в одной и той же среде. Оба были проникнуты одной и той же идеей и обладали одинаковой несгибаемостью, отвагой в борьбе. И по тому главному и основному, что их объединяло, и по тому, что их взаимно дополняло, они могли составить тот исключительный по гармоничности и прочности союз, каких мало знает история. Несмотря на различие характеров или, может быть, благодаря этому, они прекрасно дополняли друг друга и до самой старости сохранили юношеский энтузиазм во всем, что касалось борьбы за коммунизм.

Когда Марксу исполнилось 50 лет, Энгельс приветствовал его 6 мая 1868 года: «Как бы там ни было, поздравляю с полувсковым юбилеем, от которого, впрочем, и меня отделяет лишь небольшой промежуток времени. Какими же юными энтузиастами были мы, однако, 25 лет тому назад, когда мы воображали, что к этому времени мы уже давно будем гильотишированы»³. Эти строки по своему настроению мало чем отличаются от того, что

Маркс писал в свои молодые годы Вейдемейеру по поводу рождения сына:

«Нет более замечательного времени, чтобы родиться на свет, чем нынешнее. К тому времени, когда из Лондона в Калькутту будут добираться всего за 7 дней, у нас обоих головы будут давным-давно снесены или будут трястись от старости. А Австралия, Калифорния и Тихий океан! Новые граждане мира не в состоянии будут понять, до какой степени мал был наш мир»⁴.

Говорят: человек — это стиль. Это относится и к стилю жизни Маркса и Энгельса, и к стилю их произведений. Стиль Энгельса легкий, простой, он лишен сосредоточенной образной красоты и отточенности, характерной для Маркса, но имеет свои преимущества. Смелыми, широкими мазками Энгельс набрасывает широчайшие обобщения и делает великое и сложное простым и понятным.

Более подвижный по своей натуре, Энгельс легче, быстрее схватывал и скорее усваивал некоторые проблемы, но он уступал Марксу в глубине анализа и в терпении по части основательной и окончательной разработки вопросов. У Маркса преобладала способность к более обстоятельному изучению каждой проблемы, склонность разобраться в самом сложном, к синтезу после кропотливого, долгого предварительного анализа.

Надо оговориться, однако, что это относится больше к тому периоду, когда был жив Маркс и когда в их идейно-теоретическом содружестве Марксу выделялся исключительно теоретический участок, а Энгельс был пристегнут в силу необходимости к «собачьей коммерции». В это время Энгельс был уверен, что каждая его мимоходом оброненная мысль в случае ее ценности будет подхвачена Марксом, который додумает ее до конца и извлечет из нее все наиболее важное.

С 70-х же годов, когда Энгельс смог вернуться к теоретической работе, а особенно после смерти Маркса, положение изменилось. Вообще же Энгельса больше привлекали широкие исторические обобщения, как это видно из его работ «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке» и «Введение к «Диалектике природы»». Энгельс

имел склонность к естествознанию, к истории первобытной культуры, истории, философии и военным наукам. Он быстрее Маркса увлекался и загорался новыми идеями и иногда, особенно в начальный период, Энгельс первый давал Марксу умственные толчки. Пока мощная умственная машина Маркса углубляла его идеи, он переходил уже к другим вопросам. Сам Маркс признал в одном из писем к Энгельсу, что он, во-первых, всегда до всего добирается позже, а во-вторых, идет всегда по его следам.

Но в то время как Маркс продолжал развивать новое учение с обычной для него глубиной и обстоятельностью, Энгельсу приходилось большую часть времени тратить на коммерческие дела. Из переписки можно видеть, что, когда Маркс ставил Энгельсу какие-либо вопросы, вытекавшие из углубленного исследования тех или иных проблем, Энгельс часто не мог сразу дать ответ и просил времени на размышление. Поразмыслив, он быстро ориентировался и давал совершенно правильное решение, совпадающее с выводами Маркса, а иногда освещал при этом новые стороны проблемы, ускользнувшие от Маркса.

Однако, разделив свое время между «делом» отца и биржей, с одной стороны, и теоретической работой и участием в рабочем движении — с другой, Энгельс не раздваивал при этом своей личности, а всегда оставался цельной, законченной, гармоничной натурой. Он со вкусом относился ко всякому делу, какое ему приходилось делать. Энгельс был хорошим купцом с купцами Манчестера, которые в нем и не подозревали убежденнейшего коммуниста, как коммунисты не видели в нем никаких следов его манчестерской профессии, дававшей ему материальный заработок и позволявшей поддерживать Маркса в самые трудные годы жизни последнего. С охотниками же он был страстным и горячим охотником, забывая на короткое время все остальное. Маркс нередко опасался, что потеряет когда-нибудь своего друга при его гонке на коне за лисицами через овраги и долины.

Несомненно, что, будучи чрезвычайно одаренной личностью, Энгельс развивался в более бла-

гоприятных условиях. Его жизненный путь был значительно менее тернистым, чем путь Маркса. И не только, как увидим, в материальном отношении. Энгельс тоже не почивал на розах, если ему пришлось три десятка лет убить на «собачью коммерцию». Но зато он никогда не испытывал величайших материальных лишений и страданий, которые душили гений Маркса, разрушали его здоровье и преждевременно свели в могилу.

Уход в коммерцию никак не отразился, как мы уже сказали, на Энгельсе, не уменьшил его интереса к теории и его связей с рабочим движением, но ограничивал время, которое оставалось для всего этого. Но так как Энгельс работал за конторским столом для того, чтобы Маркс мог работать в Британском музее, то это, естественно, поставило его в невыгодные условия в отношении теоретических занятий и создания новых произведений.

Поэтому понятна та исключительная радость, которую испытал Энгельс, освободившись наконец от «проклятой коммерции» и конторского гнета. Элеонора, гостившая в это время у Энгельса, так описала этот счастливый в жизни Энгельса день:

«Я никогда не забуду его ликующего возгласа «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору... Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса... Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы...»

Однако надо заметить, что Энгельс и в эти годы никогда не прерывал занятий военными науками, к которым имел слабость (недаром же он получил прозвище Генерал), и языками, которых он знал очень много.

Общеизвестно, что лишь после выхода «из дела» Энгельс мог посвящать больше времени теоретической работе. В связи с этим надо отметить исключительную скромность Энгельса и полное отсутствие в нем так называемого политического тщеславия и авторского самолюбия. Он был склонен приписывать Марксу все совместные с ним

работы, тем более умалчивая о своем участии в трудах, написанных в основном Марксом. Он часто писал за Маркса, и Маркс подписывал его статьи в «New York Tribune». Но и Маркс в свою очередь не занимался вымериванием того, сколько он сделал в совместной работе. Он, например, назвал Энгельса соавтором работы «Святое семейство», хотя доля Энгельса в этой работе была совсем невелика. Мы знаем, что в одном письме к Марксу Энгельс даже слегка запротестовал. Он писал: «Я ведь почти ничего... не написал, и все ведь узнают [твой] стиль... Я написал едва полтора листа, а ты больше двадцати»⁵.

Оба они делали общее дело. Главная задача состояла в наиболее успешной пропаганде нового учения, а кто что написал и сколько написал, было для них не самым важным.

Энгельс оказался счастливее Маркса. Маркс умер, не успев закончить главный труд всей своей жизни, не дождавшись плодов своей работы, он видел гибель Коммуны, распад I Интернационала... Энгельсу же довелось увидеть могучий рост идейного влияния учения Маркса, услышать железную поступь рабочих батальонов, увидеть рождение II Интернационала и первые его успехи.

После смерти Маркса Энгельс становится тем центром, к которому со всех сторон тянутся нити от старых и вновь возникавших во многих странах партий. Все они просили его советов, указаний, сотрудничества в их органах печати. И руководство II Интернационалом лежало теперь почти исключительно на нем. Его поездка в Европу в 1893 году была триумфальным шествием. Всюду, куда приезжал Энгельс, рабочие восторженно приветствовали его — верного соратника Маркса, ветерана революции, заслуженного вождя. Об этой поездке автор настоящей книги подробно рассказывает в своей работе «Поездка Энгельса на Европейский континент»⁶.

Несмотря на пришедшую к нему славу, Энгельс оставался таким же скромным и простым в быту и в личных отношениях с товарищами. Известно, что, когда Плеханов обратился к нему в письме: «Дорогой учитель», он ему заметил: «Я просто

Энгельс. Прошу вас перестать величать меня учителем»).

Аналогичное автор слышала и от Клары Цеткин во время встреч с ней в Берлине в 1921 году. Клара Цеткин была участницей Цюрихского конгресса II Интернационала в 1893 году, где ей посчастливилось лично познакомиться с Энгельсом⁷. Рассказывая об Энгельсе, Клара подчеркнула, что, несмотря на свои 73 года, он был стройным, статным, держался очень прямо, сохранил удивительную свежесть, бодрость и подвижность⁸.

Клара еще раз подтвердила, с каким триумфом встретили Энгельса на конгрессе II Интернационала, где по предложению русской делегатки Кулешовой его избрали почетным председателем. При этом она заметила: Энгельс по своей скромности не любил выступать, да и по своей натуре он не был оратором. Те ответные короткие речи, которые он произносил на конгрессе, носили официальный характер, и в них не принято было говорить о теневых сторонах деятельности вождей отдельных партий. Но не надо думать, продолжала она, будто Энгельс полностью согласился с решениями Цюрихского конгресса или со всеми выступлениями его руководителей. Особенно, по ее словам, это относилось к половинчатой резолюции, предложенной немецкими социал-демократами по вопросу о войне⁹. Клара тоже несколько раз подчеркивала исключительную скромность Энгельса. На старости лет, отмечала она, пришла к нему вполне заслуженная слава, но он всячески от нее открещивался. Даже в своих коротких ответах на торжественные речи он постоянно подчеркивал великую роль и заслуги Маркса, а себя отодвигал на задний план¹⁰. Энгельс неоднократно повторял: «Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты»¹¹.

И действительно, то же самое мы знаем из письма самого Энгельса к Ф. Беккеру, где он писал ему: «Всю свою жизнь я делал то, к чему был предназначен, — я играл вторую скрипку... Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс»¹².

И после смерти Маркса Энгельс видел свою главную задачу не столько в создании собственных

оригинальных произведений, таких, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Диалектика природы», сколько в издании литературного наследия своего друга. Подготовка к изданию второго и третьего томов «Капитала» отняла у него значительно больше времени, чем написание вышеназванных работ, и потребовала огромного напряжения слабеющих глаз.

Дружба Маркса и Энгельса — благородная тема для биографа и историка; мы же касаемся здесь этого вопроса лишь вскользь и мимоходом.

Теоретическое сотрудничество Маркса и Энгельса и отдельные характеристики каждого из них как мыслителей — важнейшая и интереснейшая тема. Об этом нам приходится сказать здесь лишь несколько слов. Когда знаешь все их работы, знакомишься с их перепиской и всеми документами, относящимися к их взаимоотношениям, в голову постоянно приходит мысль о каком-то удивительном симбиозе двух мозговых центров, из которых один не может обойтись без другого. Кажется, что разрыв этого двуединого интеллекта должен был бы ощущаться не только как страшная потеря для каждого из них, но и прямо как физическое страдание.

И у Женни с Энгельсом были очень хорошие отношения. Он относился к ней с величайшим уважением, ценил в ней умного, образованного человека, понимающего товарища и в то же время немножко побаивался Женни, которая часто неодобрительно относилась к его юношеским похождениям.

Однажды после веселой прогулки в Лондоне, в которой принимал участие и Маркс, Энгельс сбежал в Манчестер, не попрощавшись с Женни. Маркс же простудился и слег. Позже Энгельс прислал Женни пространное извинительное письмо. Впрочем, упреки Женни были лишь материнской строгостью: она скоро прощала милому Фреду маленькие слабости. В ответе Энгельсу Женни пишет: «Мне очень жаль, что я не видела Вас больше перед Вашим отъездом, тогда Вы бы сами убедились в том, что я немного дулась только на моего высокого повелителя. Вообще такие экстр-

ординарные события часто имеют весьма целительные последствия; но на этот раз отец Маркс, должно быть, очень сильно простудился во время своих ночных философских скитаний с «племянником архиепископа», так как он серьезно заболел и лежит до сих пор в постели»¹³.

Женни всегда с радостью ожидала приезда Энгельса на праздник и бывала очень огорчена, если он отменял свой визит из-за охоты за лисицами или зайцами, и, когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством для всей семьи. В ожидании его шли нескончаемые разговоры, а Маркс в самый день приезда от нетерпения не мог работать.

Женни видела в Энгельсе его благородные качества и ценила в нем то великое, что сроднило его с Марксом. Она часто переписывалась с Энгельсом на политические темы, затрагивая сложные и основные вопросы теории и практики рабочего движения.

Но если Маркс и Женни абсолютно слились с Энгельсом в духовном отношении, то Женни и Энгельса объединяла еще и забота о Марксе. Они оберегали его от лишних неприятностей, заботились о его здоровье, не позволяли ему сильно переутомляться и, наконец, пытались регламентировать его научную работу в рамках нормального рабочего дня. Здесь они действовали единым фронтом. Больше всего Женни ценила в Энгельсе человека, который умел беречь Маркса.

Мы уже знаем, что начиная с первых лет сотрудничества Маркса в «New York Tribune» Женни в качестве его секретаря приходилось очень часто обращаться к Энгельсу с просьбой написать статью за больного Маркса.

Вот, например, ее письмо от 12 апреля 1857 года: «По приказанию муфтия один инвалид пишет за другого. У Чали болит полголовы, страшная зубная боль, болят уши, голова, глаза, горло и бог знает что еще. Ни опиум, ни креозот не хотят помочь. Зуб необходимо вырвать, а он не дает. И вот, обращаюсь к Вам с просьбой прийти на помощь с какой-нибудь статьей к пятнице. Тема совершенно безразлична. Была, например, отправка войск и судов

в Китай, произошло также изменение в организации русской армии; или — Бонапарт, или — Швейцария, или — анекдот, или что-нибудь еще. Достаточно одного столбца. При этом, понятно, предполагается, что Ваша собственная болезнь глаз прошла. Если только возможно, черкните несколько строк о том, сможете ли Вы написать статью»¹⁴.

Женни жалуется Энгельсу, что Маркс, несмотря на болезнь, изводит себя чрезмерным чтением. 23 мая 1854 года она пишет: «К сожалению, он еще очень-очень болен и поручает мне сказать Вам, что он — одновременно бедный Лазарь и кривой черт. О том, чтобы взяться за перо, нечего пока и думать. Он изводит себя чтением пространных гладстоновских речей и очень злится, что не в состоянии писать именно теперь, когда у него было бы достаточно материала о г-не Гладстоне и его проектах. Если у Вас есть *какая-нибудь возможность, сфабрикуйте, пожалуйста, снова что-нибудь к пятнице*. Карл говорит — пусть это будет что угодно. Мне действительно крайне неприятно, что я принуждена Вам так надоедать, но если это возможно, пришлите что-нибудь»¹⁵.

Когда же заболел сам Энгельс, она так же настойчиво требовала, чтобы он оставил всякую работу. Достаточно было малейшего недомогания Энгельса, чтобы вся семья Марксов тревожилась за него. Маркс специально рылся во всех медицинских справочниках; Женни, позабыв о всех своих невзгодах, садилась строчить Энгельсу письмо, полное медицинских советов и рецептов согласно последним «изысканиям» Маркса. Так было в 1857 году, когда Энгельс заболел. Очень обеспокоенная его болезнью, Женни забывает про свои несчастья и просит Энгельса не напрягаться и не работать, а заботиться лишь о собственном здоровье. Когда Энгельсу стало немного лучше, Женни пишет ему: «Мы все так рады, что Вам снова стало лучше и что Вы чувствуете себя окрепшим». Затем она передает настоятельную просьбу Маркса: «...не напрягаться чрезмерно умственно в связи с работами для Дана. Гулять, развлекаться и ничего не делать — это так же необходимо, как употребление железа»¹⁶.

Далее Женни, чтобы развлечь больного Энгельса, сообщала в том же письме хронику визитов, новости, анекдоты: «Несколько дней назад был у нас вечером этот клоун Эдгар Бауэр¹⁷; вот уж без всякого рыбьего жира превратился в болвана, и притом еще претендует на *остроумие*. Его усилия были до того ужасны, что я была близка к обмороку, а Карла — не в переносном смысле, а буквально, — стошнило.

Джонс потерял жену и стал теперь веселым парнем; всех индийцев он превращает в Кошутов и прославляет индийских патриотов. Его противник; высоко нравственный Ричард Харт, состоящий на службе у уркартистов, теперь адвокат в Колхоле. Карл слышал там его защитительную речь.

Надеюсь, что следующее Ваше письмо принесет снова хорошие вести; мы все так беспокоимся за Вас»¹⁸.

Так же отзывчив и заботлив бывал Энгельс в случае болезни не только Маркса, но и членов его семьи. В такие моменты он не ограничивался одной лишь денежной помощью. Его заботливость принимала трогательный характер. Например, у него вошло в обычай посылать Марксам при таких обстоятельствах вина для подкрепления здоровья. Марксы и их дети как прирожденные жители Рейна любили вино и умели его ценить. В письмах Женни и Маркса мы всегда встречаем выражение трогательной благодарности Энгельсу, который зачастую был не только хлебодаром семьи, но и ее виночерпием.

Так, в одном из писем Женни пишет Энгельсу по поводу посланного вина во время ее болезни после неудачных родов: «Вино действует на меня великолепно. Херес совершенно превосходен. Портвейн, кажется, не так уж хорош, но мне он особенно нравится из-за сладкого вкуса. Он снова поставит меня на ноги»¹⁹.

Когда в 70-х годах Маркс серьезно заболел и ему пришлось с помощью операции удалять фурункулы, Энгельс выслал для его подкрепления полсотни бутылок вина. Женни по этому поводу рапортует: «Редко посылка прибывает так кстати, как полученная нами вчера. Едва только ящик был

распакован и пятьдесят стройных молодцов стали в ряд на кухне, как пришел доктор Аллен со своим ассистентом, молодым врачом-шотландцем, чтобы оперировать бедного Мавра; таким образом, сразу после операции Мавр и его два эскулана смогли подкрепиться драгоценным браунсбергским»²⁰.

Мы здесь уже не говорим о том, какую ощутимую помощь Энгельс оказывал семье Маркса в материальном отношении. Трудно себе представить, что было бы с этой семьей, если бы не Энгельс, ибо ужасающая нищета преследовала Марксов не только в первые годы лондонского изгнания, но и в 60-е, даже в 70-е годы, вплоть до самой могилы.

Часто-часто мы встречаем в письмах Женни к Энгельсу слова благодарности: «Не знаю, как Вас и благодарить за всю Вану дружбу. Что бы мы делали без Вас» и т. п.

После кончины своей жены Мери Бёрнс Энгельс женился на Лиззи Бёрнс. Со второй женой Энгельса Женни сошлась ближе. Женни гостила у них в Манчестере и была в восторге от теплого приема, оказанного ей. Она ездила вместе с Лиззи на отдых, а в переселении Энгельсов в Лондон и их устройстве Женни приняла самое активное и горячее участие. Она помпогу бегала в поисках для них подходящей квартиры и была страшно рада, когда могла им наконец написать: «Только что вернулась домой после поисков и спешу сообщить Вам о результатах. Я нашла дом, который вызывает наше всеобщее восхищение своим изумительно красивым и удобным расположением». Далее в письме она торопит Энгельса и Лиззи с приездом: «Вы знаете, что все мы искренне рады видеть ее у нас»²¹.

Сама Женни старилась, освобождалась постепенно от секретарской работы и, следовательно, отчасти теряла возможность контроля за Марксом в области его работы. С другой стороны, обеспокоенная переутомлением Маркса вследствие напряженной умственной работы, она все сильнее ощущает потребность в присутствии Энгельса, торопит его с окончательным переездом в Лондон (что уже проектировалось Энгельсом с 1868 года). В письмах

к Энгельсу она жалуется на Маркса и его «легкомысленное» отношение к своему здоровью.

«Теперь, однако, я должна представить форменный перечень его грехов. Со времени его возвращения из Германии и особенно после ганноверской кампании он был нездоров, непрерывно кашлял и, вместо того чтобы позаботиться о своем здоровье, стал с пылом и жаром изучать русский язык», — сообщает она в одном из писем и высказывает свое сожаление по поводу того, что Энгельс до сих пор еще не переселился в Лондон. «Как часто в течение последних лет втайне мечтала я, дорогой г-н Энгельс, о Вашем переселении сюда!! Многое сложилось бы иначе. Надеюсь, что это последнее испытание послужит ему предостережением. Прошу Вас, дорогой г-н Энгельс, не делайте ему сейчас в своих письмах *никаких замечаний* на этот счет. Он в настоящий момент легко приходит в раздражение и будет очень сердиться на меня. Но для меня было таким облегчением высказать Вам то, что у меня наболело...»²²

Дружеское отношение Женни к Энгельсу объяснялось не только его личной помощью семье и преданностью Марксу. Она видела во Фридрихе не только доброго, отзывчивого друга, но и соратника, который лучше других понимал значение Маркса для человечества и величие того дела, которое он творил. А Энгельс ценил в Женни человека: она («не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей сознательностью и с пламенной страстью»²³).

Как уже отмечалось, беззаветно трудился Энгельс после кончины Маркса над изданием второго и третьего томов «Капитала», а затем над переводами их на иностранные языки. Последние одиннадцать лет своей жизни пожертвовал он этой работе. Лаура Маркс писала Энгельсу: «Не только я благодарю тебя за сделанную тобой работу, все наши социалисты, социалисты всех стран должны наградить тебя величайшей признательностью». А по поводу третьего тома она писала: «Я не знаю, как благодарить тебя. Просто голова кружится, когда думаешь о той огромной работе, которую тебе

пришлось проделать по обработке и завершению книги... и самое ужасное, что никто не может даже помочь тебе в этом...» Энгельс делал это, потому что знал и повторял неоднократно: «Имя и дело Маркса переживут века».

Таким же скромным Энгельс оставался до своего последнего, скорбного часа. Как он жил, так он и умер. Будучи уже безнадежно больным (рак горла), Энгельс просил не устраивать ему никаких официальных похорон, никаких погребальных церемоний, а урну с его прахом сбросить в море.

Ближайшие друзья — Элеонора с мужем, старый друг Энгельса — рабочий Лесснер — выполнили волю покойного. После кремации они сбросили урну с его прахом в море близ Истборна — любимое место летнего отдыха Энгельса при жизни. И волны унесли эту драгоценную урну... Возможно, урна кружила и кружит сейчас вокруг всего света, которому Энгельс принадлежал и принадлежит...

Как известно, после кончины Маркса Энгельс заботился о его оставшихся дочерях Лауре и Элеоноре не только как ближайший друг, но и как родной отец.

И мы позволим себе высказать здесь одну мысль, которая непрестанно приходит в голову: живи Энгельс дольше — и жизнь их не оборвалась бы так трагично и преждевременно...

Женни — человек, товарищ и революционер

Мы говорили о Женни как о матери, жене и незаменимом помощнике Маркса. Здесь мы хотели бы суммировать все то, что характеризует Женни как человека, товарища и марксистку-революционерку.

Женни была цельным, жизнерадостным человеком. Все знавшие ее свидетельствуют о том, что с природной красотой она соединяла большой ум, образованность и очень веселый, простой характер вместе с большим чувством собственного достоинства. Она очаровывала людей с первого же раза. «Я редко видел, — говорит Борн, — женщину, у которой бы так гармонировали и красивая наружность, и сердце, и ум и которая с первого взгляда так расположила бы к себе, как Женни Маркс»¹.

Происходя из аристократической семьи, Женни сразу же после замужества окунулась в жизнь профессионального революционера. Гонимая из одной страны в другую, обремененная большой семьей, преследуемая правительствами разных стран и сопровождаемая вечной нищетой, она стойко несет знамя борьбы вместе с Марксом.

На минуту их жизненный путь был освещен огнем революции 1848 года, но и этот свет скоро погас, и в течение долгого времени они подвергались клевете и травле не только со стороны официального правительства, но и всей мелкобуржуазной демократии. После процесса Союза коммунистов и долгих лет реакции Марксы воспрянули духом и трепетно ждали благоприятного поворота в связи с кризисом 1857 года. Как всем истинным революционерам, страстно желанная революция казалась им ближе, чем она была в действительности.

сти. Как оживилась Женни! Каким оптимизмом дышат ее письма в этот период! Нет следа недавних горестей и злключений. Женни вообще легко впадала в оптимизм, если этому давала малейший повод политическая и общественная обстановка.

Небольшое прояснение политического горизонта в 60-х годах, как мы видели, не дало Женни и Марксу ничего, кроме новых процессов, неприятностей и волнений.

Для некоторых эмигрантов открылись кое-какие перспективы. Но это не коснулось Марксов.

Мы встречаем у Женни иногда минутные колебания, но в общем она была человеком, который жил интересами рабочего класса и радовался его успехам.

Так, достаточно было нового оживления в международном рабочем движении, начавшегося в 60-е годы, появления надежды на иные перспективы в связи с созданием I Интернационала, как Женни вновь воспрянула духом. Но вскоре в самом Интернационале начинаются разногласия. Пронски и интриги Бакунина мешают нормальной работе и вызывают нарекание у Женни, судя по ряду ее писем.

В период франко-прусской войны Женни с живейшим интересом относится к событиям. Она развивает очень интенсивную деятельность и с юношеским восторгом встречает молодую Коммуну. Героическая Коммуна вновь после революции 1848—1849 годов осветила ярким пламенем жизненный путь Марксов, но это был лишь краткий миг. Коммуна вскоре была разгромлена. Потянулись годы реакции, и больше Женни просветления не увидела. Скоро и Интернационал сошел со сцены.

Дом Марксов снова наполнился эмигрантами, на этот раз парижскими коммунарами. Они принесли с собой споры, взаимные обиды, неизбежные среди революционеров после поражения. Усталая и измученная, Женни иногда выходила из себя, но в общем была очень терпелива, жила их горестями и интересами и являлась для них одновременно и матерью-другом, и живым примером стойкого революционера.

Женни была волевой натурой, в ней был ключом неисчерпаемый источник жизни, а главное — жила глубокая вера в конечную победу дела Маркса.

Эта вера могла на миг омрачиться, но не погаснуть. Женни писала Вейдемейеру: «Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе...»². Озаренная большим внутренним революционным огнем, наделенная ясным умом, она умела видеть дальше и глубже многих своих современников. Малейший проблеск надежды, малейшее просветление общественного горизонта преображали эту женщину. Она выпрямлялась, и глаза ее снова загорались прежним огнем.

Женни сама подвела итоги своим взглядам на жизнь и на перспективы социализма. В одном из писем Гиршу она писала, что с годами у нее все более крепнет вера в социализм.

У Женни, как у всех истинных революционеров, стремление к коммунистическому строю, вера в его победу не были временным увлечением, не были проявлением молодости, задора, юношеского энтузиазма или отражением убеждений мужа, а стали органической частью ее натуры. Упомянутое выше собственное свидетельство ее об этом тем более значительно, что оно сделано после разгрома Парижской коммуны, роспуска Интернационала, в период начавшегося роста оппортунизма в верхах социал-демократической партии Германии.

В этой книге помещены совершенно разные портреты Женни: один — молодой красавицы, полной очарования, другой — степенной старушки. Это один и тот же человек, но в сознании всех знавших Женни лично, а также тех, кто знает ее по материалам той эпохи, она осталась молодой, красивой, бодрой и неувядаемой.

Так бессознательно и в то же время совершенно разумно человеческая психология связывает с именем крупного человека самую лучшую пору его жизни, вспоминает его таким, каким он был в расцвете творческих сил.

То же самое и с гораздо большим правом надо применить и к психологическому портрету Женни как человека, товарища и революционера.

Для ее духовного образа характерны десятилетия мужественной борьбы с враждебным миром, с невзгодами жизни и нуждой, а не дни и недели сомнений или упадка духа. Женни всегда принимала товарищеское участие в судьбе других, постоянно была готова помочь и поддержать слабеющих.

Для нее характерна, наконец, и это самое главное, не роль жены Маркса, хозяйки дома и даже матери его детей, а роль друга и верного, стойкого товарища в великом историческом движении, у истоков которого она стояла сознательной коммунисткой и борцом. Именно такой мы хотели представить ее читателям этой книги.

Женни сама дала себе характеристику в той «Исповеди», которую ее попросили заполнить дочери. В отличие от других лиц, заполнивших анкеты в несколько шутовском тоне, Женни отнеслась ко всем предложенным вопросам серьезно и подписала анкету официально: Женни-Юлия-Иоганна-Берта Маркс.

Приведем эту «Исповедь».

Достоинство, которое Вы больше всего цените	
в людях	искренность
« мужчине	стойкость
« женщине	сердечность
Ваша отличительная черта	повышенная чувствительность
Ваше представление	
« « о счастье	здоровье
« « о несчастье	зависимость от других
Недостаток, который Вы считаете наиболее извинительным	нерешительность
Недостаток, который внушает Вам отвращение . .	неблагодарность
Ваша антипатия	долги
Ваше любимое занятие	шитье
Ваш любимый поэт . . .	Гёте
« « прозаик . .	Мартин Лютер
« « герой . .	Кориолан
Ваша любимая героиня . .	Флоренс Найтингел

Ваш любимый цветок . . .	роза
« « цвет . . .»	синий
Ваше любимое житейское правило	«Не придавать ничему значения»
Ваш девиз	«Никогда не отчаи- ваться»

В «Исповеди» на вопрос: «Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях?» — она ответила: «Искренность». И это была правда. Она всегда проводила этот принцип в жизнь, всегда подчеркивала, что она враг полуправды, неправды и полумер. В мужчинах она ценила стойкость, и ее избранник Карл Маркс олицетворял собой непоколебимость и стойкость. В женщине — сердечность. Именно она была воплощением сердечности. Энгельс сказал после ее кончины: «Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она»³.

Для нее здоровье — представление о счастье, что вполне понятно. Гонения, материальные лишения, связанные с жизнью революционеров, привели к болезням, которые свели в могилу ее четверых детей и причинили ей и Марксу много физических страданий.

Зависимость от других она считала несчастьем. Всю жизнь она посвятила борьбе за то, чтобы искоренить на земле зависимость человека от человека, эксплуатацию одного другим, чтобы каждый человек стал для другого другом, товарищем, братом. Ее любимым поэтом был Гёте — этот великий жизнелюб и эллин. Ее любимое житейское правило и девиз гласили: «Не придавать ничему значения» и «Никогда не отчаиваться». И именно так она поступала всю жизнь. Недостаток, который ей внушает отвращение, — это неблагодарность.

Никто, кроме нее, так много не сделал для окружающих: ее дом был всегда открыт для революционеров-эмигрантов и нуждающихся. Она делилась с ними решительно всем вплоть до последнего куска хлеба. Так, например, дочь Дженни рассказывала со слов матери: Женни Маркс вскоре после свадьбы получила небольшое наследство. Она

положила деньги в шкатулку и поставила ее на стол, чтобы этими деньгами могли пользоваться все нуждавшиеся товарищи и друзья.

И никто, кроме нее, пожалуй, не видел столько неблагодарности взамен. Неустойчивые элементы и некоторые эмигранты в длительные годы реакции отходили от политики и, достигнув материального благополучия, забывали обо всех заботах Женни и поворачивались к ней спиной.

Отношение Женни к товарищам соответствовало тому, как они относились к делу Маркса, а тем самым и их отношению к самому Марксу. Но врагов она умела ненавидеть сильнее, чем Маркс. Сложными были отношения с Лассалем.

В тот период, когда Лассаль не развернул еще своей агитационной деятельности и не выступил с планом организации собственной партии, Маркс не порывал с ним.

В то же время Маркс и Энгельс резко осуждали Лассалья за то, что он, называвший себя «верным учеником» и причислявший себя к партии Маркса и к кругу его преданных друзей, отошел от политики, посвятив около десяти лет частному судебному процессу графини Гацфельдт. По окончании этого процесса в 1854 году он, вместо того чтобы оказать материальную поддержку партии и эмигрантам, устроил салон, проник в «высшие сферы» и выступил с теоретическими трудами архилояльного характера (а по такому злободневному вопросу, как итальянская война, — даже с антипартийной точки зрения)⁴. Укажем лишь, что по отношению к Марксу и Женни лично Лассаль не только рассыпался мелким бисером в своих письмах, но и старался, как мы это видели при издании «К критике политической экономии» и по поводу реэмиграции, оказывать им некоторые услуги. Правда, это были обычно совсем мелкие услуги, но Женни всегда горячо благодарила Лассалья за всякое пустяковое доказательство поддержки и внимания. Так, для курьеза приведем ее письмо, написанное после возвращения Маркса от Лассалья, от которого он привез подарок — пальто для нее и дочерей: «Всякий раз, когда я Вам пишу, мне приходится Вас благодарить то за что-нибудь идеальное, как, например, за

дружбу, любовь, симпатию, то за что-нибудь реальное, как, например, за лежащие передо мной три пальто. Благодаря моему двенадцатилетнему пребыванию в стране фунтов, шиллингов и пенсов мой разум привык к материальному (к сожалению, до сих пор только в идеальном виде), и поэтому понимаете, как я сильно обрадовалась красивым пальто, которые нам идут и которые сделаны фирмой как бы для нас специально. Вы обрадовались бы, если бы увидели, как выглядят в них девушки... А я выгляжу в пальто очень солидно, и, когда я в первый раз с гордостью прошаживалась в нем по комнате, маленькая Элеонора мне бросила вслед: «Just like a peacock»⁵. Если бы сегодня не было так ужасно холодно, я бы уже вывела это пальто на прогулку. Подобная вещь очень импонирует окружающим нас филистерам и повышает престиж и кредит»⁶.

Женни (гораздо больше, чем Маркс) была всегда убеждена, что Лассаль при желании мог бы оказать ощутимую поддержку ее мужу и тем помочь его делу. Общеизвестно, что Лассаль уклонялся от настоящей помощи Марксу даже в дни самой отчаянной нужды. Но Женни обходила молчанием эту сторону их отношений и из деликатности бывала архилюбезна. Она усиленно звала Лассалья погостить, но при этом со свойственным ей остроумием предупреждала, зная его гурманские вкусы: «Но Вам у нас все покажется таким жалким, мелким, à la bohème (в стиле богемы).. Здесь у нас не бывает жареной косули, майонеза, мороженого... Как видите, я глубоко погрузилась в область кулинарии...»⁷

Лассаль отдал визит Марксу в 1862 году. Каково же было положение семьи Маркса в этот период?

В связи с Гражданской войной в Америке «New York Tribune» закрылась. Маркс лишился единственного источника своего самостоятельного литературного заработка. Деньги, полученные незадолго до того, уже ушли на погашение долгов. Нужда не оставляла семью ни на минуту.

Лассаль же в этот период имел годовую ренту в 4 тысячи талеров. Марксы, правда, тщательно

скрывали свою нищету от постороннего взора. А ради Лассалья гостеприимная и широкая по натуре Женни, соблюдая весь декорум «приличного приема», сделала немало лишних расходов, для того чтобы угодить столь тонкому гастроному, что, между прочим, вызвало нарекания со стороны «мажордома» Елены Демут. И все же Лассаль не мог не заметить нищету семьи. Однако, когда Маркс уже к концу пребывания Лассалья заикнулся об оставлении векселя, под который мог бы занять денег, Лассаль потребовал, чтобы и Энгельс дал поручительство под этот вексель. А впоследствии, когда Маркс все же не смог оплатить вексель в срок, Лассаль, ничтоже сумняшеся, опротестовал его.

И Маркс, и особенно Женни долго не могли ему этого простить. Но основное, что определяло их взаимоотношения, были принципиальные разногласия. В начале апреля 1861 года (в бытность Маркса в Германии), когда Лассаль предложил Марксу издание совместной газеты, Женни тут же в письме к Энгельсу дала такую оценку этому предполагаемому мероприятию: «Лассаль, кажется, помешался на идее большой газеты; он уверяет также, что смог бы предоставить для ее издания 20 тыс. талеров. Но какая это рискованная для Карла затея — ежедневная газета и притом на гацфельдтовской основе!»⁸ А ведь это было сказано до создания Лассалем самостоятельной партии. Разумеется, глубокие принципиальные разногласия особенно усилились в тот период, когда Лассаль создал собственную организацию, выработал свою реформистскую программу и приспособленческую тактику и тем самым объявил о своем разрыве с Марксом. После этого Женни ожесточилась против него еще больше, чем Маркс и Энгельс.

Очень резко она критиковала тот культ, который Лассаль создал вокруг своей личности. «Лассаль объезжал Германию в качестве мессии и апостола... и возникло рабочее движение, — писала она, — с которым правительство молчаливо мирилось и таким образом косвенно поддерживало его, ибо это движение было ему очень на руку...» Говоря о «лассалевском учении», Женни отмечала:

«Лучшие из рабочих правильно понимали суть дела, а вся остальная масса, проникнутая еще мелкобуржуазным духом, цеховщиной, с фанатическим воодушевлением предавалась новому учению, ослепленная его фальшивым блеском, и тянулась к новому мессии, которому создавался ни с чем не сравнимый в истории культ»⁹.

После смерти Лассалья начались споры между лассальянцами, с одной стороны, и единомышленниками Либкнехта — с другой, и дразги в среде самих лассальянцев (причем каждая группа пыталась найти поддержку у Маркса и взывала к нему). Женни в письме к Энгельсу дает очень резкую отповедь лассальянцам и недвусмысленно высказывает все, что она думала о Лассале, главным образом последнего периода его жизни.

Она писала Энгельсу: «Самое смешное и обидное во всей этой истории — это выслушивать от таких людей, как г-н Рёйше, признания, что «Лассаль тоже с уважением отзывался о Марксе». Лассаль, который списывал у моего мужа все, даже его описки, который в течение 15 лет был его другом и учеником, — он, видите ли, тоже с уважением отзывался о нем. И это свидетельство о благосклонном отношении дают люди, которые лишь в течение последних двух лет завязали дружеские отношения с Лассалем в тот период, когда он уже окончательно вступил на скользкий путь, который вел его в лагерь Бисмарка, в министерство, как его друга Бухера, или к последнему отступлению — в Италию. Разумеется, должны же «борцы за свободу», упомянутые в завещании, спасти своего Лассалья! Но ведь эти социал-негодяи лишь следуют за своим великим агитатором»¹⁰.

Шли годы. Менялось окружение Маркса: одни исчезали, другие появлялись, но не менялась роль этой семьи как политического центра. Женни, изменившаяся лишь внешне, была все так же полна благородства и радушия; теперь она гостеприимно принимала в своем доме и новое поколение революционеров — деятелей Интернационала, парижских коммунаров.

Ее дом стал настоящим политическим центром рабочего движения, особенно в период Интернацио-

нала. Имя и интернациональные связи Марксов растут. Двери их дома открыты и для ученых людей, которые сочувствуют марксизму.

«...Дом Маркса, — говорит Меринг, — сделался в начале 70-х годов центром очень живого общения, своего рода «убежищем справедливости» для эмигрантов Коммуны, обретавших там всегда совет и помощь. Этот беспокойный народец причинял, конечно, и немало неприятностей и хлопот»¹¹.

Женни считала необходимым «прилично» принимать всех гостей, которых было великое множество.

Надо заметить, что именно благодаря Женни, ее обходительности, простоте, широте ее натуры все находили у них ласковый прием. Причем эта «гранд-дама» — и по виду своему, и по происхождению — одинаково радушно принимала всех, не делая различий между людьми разного социального положения и разного уровня развития. Это позволяло Марксу ближе знакомиться с людьми, которые нужны были для движения, особенно с рабочими «нового призыва».

Лафарг совершенно беспристрастно пишет в своих воспоминаниях: «Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться в ее доме за ее стол с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие...»¹²

Это засвидетельствовано было также самими гостями, и притом такими различными людьми, как русский профессор М. Ковалевский и немецкий рабочий Ф. Лесснер, которому как единомышленнику К. Маркса и члену Генерального Совета Интернационала часто приходилось бывать в доме Марксов.

«Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» («знатной дамой». — П. В.)¹³, — говорит М. Ковалевский.

Фридрих Лесснер пишет:

«Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала жена Маркса — высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры. Она всей душой сочувствовала делу рабочего движения и каждый, даже самый незначительный успех в борьбе с буржуазией приносил ей величайшую радость и удовлетворение»¹⁴.

Женни была не только секретарем и партийным товарищем, но и первой верной ученицей Маркса. Если Маркс, желая отмежеваться от некоторых своих недалеких поклонников, говорил о себе в шутку: «Что касается меня, то я не марксист», то Женни не принадлежала к таким «поклонникам». Она была настоящим, убежденным и в ряде вопросов самостоятельным последователем Маркса и недаром считала себя ветераном партии. Когда Кугельман обратился к Женни, назвав ее «милостивой государыней», она ответила ему, хотя и в шуточной форме, но очень резко: «Прежде чем закончить, мне нужно еще расправиться с Вами. Почему Вы обращаетесь ко мне так официально — «милостивая», — ко мне, старому ветерану, седовласому участнику движения, честному сподвижнику и сотоварищу?»¹⁵

Маркс высоко ценил преданную ученицу, проявлявшую исключительные по тому времени способности в понимании нового учения и преисполненную горячей веры в его окончательную победу. Женни стояла у колыбели научного коммунизма и была свидетелем его хотя и медленного, но неуклонного роста. С годами ослабевали ее физические силы; не оправдались многие надежды, в том числе и самая главная — надежда на очень быстрый успех Марксова учения и на революцию. Но вера в окончательную победу коммунизма никогда в ней не ослабевала, а все более и более углублялась.

Интернационал и Парижская коммуна

Одной из ярчайших страниц в революционной деятельности Маркса было создание Международного Товарищества Рабочих. И здесь Женни отважно стояла на своем боевом посту.

Солидарность, интернационализм рабочих разных стран Маркс всегда считал неперемнным условием и верным залогом их успеха в борьбе за преобразование мира.

Еще в 40-х годах он совместно с Энгельсом основал первую международную организацию — Союз коммунистов.

После подавления революции 1848 года Маркс предупреждал: «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»¹.

Но только в 60-х годах Маркс наконец получил возможность осуществить свою заветную мечту: показать реально, в действии международный характер и силу всемирного социалистического движения «на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам»².

Конец 50-х — начало 60-х годов принесли с собой новый подъем национально-освободительных тенденций и рост рабочего движения. Причем в пролетариате инстинктивно все больше пробуждалась стихийная тяга к единству действий. Это нашло свое выражение в таких, например, явлениях, как протест английских рабочих против действий своего правительства, направленных на оказание помощи рабовладельческому Югу в период

Гражданской войны в США, или митинг солидарности в поддержку польских повстанцев, на котором присутствовавшие английские и французские рабочие создали объединенный комитет действия. Маркс не только своей теоретической работой, но и повседневной практической революционной деятельностью подготавливал и цементировал эти разрозненные действия. Все эти годы он поддерживал тесный контакт с представителями рабочего движения многих стран и фактически вовлекал их в совместную работу.

I Интернационал был основан 28 сентября 1864 года на интернациональном митинге в Сент-Мартинс-холле. И не без основания Энгельс сказал: «...был только один человек, который ясно понимал, что происходит и что нужно основать: это был тот человек, который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»»³

Поэтому не удивительно, что Маркс и на этот раз оказался автором Учредительного манифеста и временного Устава Товарищества (правда, после «неудачной пробы пера» других авторов).

«Маркс был, — писал Ленин, — душой этого общества, автором его первого «Обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов»⁴.

Политическая деятельность Женни и ее секретарские обязанности очень расширились в период существования Интернационала. Большой интерес представляет ее переписка с представителями блестящей плеяды революционеров, которых встретил Маркс: Беккером, Вольфом, Зорге, Либкнехтом, Франкелем и др. Женни оставалась секретарем-корреспондентом на протяжении всего существования Интернационала. Особенно она была незаменимым корреспондентом тогда, когда следовало кого-либо «прощупать» политически или же сделать внушение в очень тактичной и дипломатической форме.

Причем все ее деловые письма носят не только характер инструкций-советов Маркса, а полны самостоятельных, интересных оценок политических событий. Наконец, она лично участвовала в устных

беседах Маркса с членами Интернационала: ведь дом Маркса на Modena Villas в Maitland Park превратился в боевой штаб Интернационала. Ну, а наряду с этим Женни приходилось выступать еще в роли гостеприимной хозяйки, как это было, например, во время конференции Интернационала, происходившей в 1865 году в Лондоне, когда многие делегаты были приглашены к ним на воскресный обед. Женни вместе с дочерьми приняла также участие в юбилейном торжественном собрании, устроенном 28 сентября в ознаменование первой годовщины существования Интернационала. А молодые делегаты Варлен, Лемузин и другие не могли, понятно, упустить случай повальсировать с красивыми дочерьми Маркса...

В порядке дня Лондонской конференции кроме организационных вопросов стояли и другие очень важные: о сокращении рабочего дня, о женском и детском труде, которые привлекали особое внимание Женни. Вопросы, дебатировавшиеся на конференции, нашли потом свое решение на Женевском конгрессе в 1866 году.

Лозаннский конгресс, состоявшийся в сентябре 1867 года, проходил в атмосфере напряженной обстановки в Европе. После окончания австро-прусской войны возникла угроза новой войны. На этот раз в воздухе запахло войной между Францией и Германией в связи с поползновением Наполеона захватить Люксембург. Вопросы мира и войны играли на конгрессе существенную роль, тем более что одновременно с конгрессом заседала возникшая в это время буржуазно-пацифистская организация «Лига мира и свободы», в которую входили влиятельные представители демократии, такие, как Гарибальди, Гюго, Блан. Лига пригласила участников Интернационала во главе с Марксом на свои заседания. Многие поддались пацифистским иллюзиям лиги, в том числе и некоторые члены Интернационала. Маркс считал нужным уберечь рабочих от влияния лиги, ибо у нее, по мнению Маркса, была смелость во «фразерстве» и «трусость в действии». Маркс сказал: «Конгресс Международного Товарищества Рабочих сам по себе является конгрессом мира, поскольку объединение рабочего

класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными». «Те люди, — говорил Маркс в заключение, — которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира»⁵. В то же время Маркс считал, что заседания лиги надо использовать как трибуну, чтобы высказать свои взгляды.

Хотя на Лозаннском конгрессе еще чувствовалось влияние прудонизма, которым были заражены некоторые делегаты из французской Швейцарии, поддерживавшие Лигу мира, тем не менее конгресс прошел успешно. Интернационал становился все более могучей силой. И этого не могла замолчать даже буржуазная пресса. Женни Маркс критиковала лигу за ее претензии и поползновения «растворить» в себе Интернационал. Выражая свою радость по поводу достигнутых на конгрессе успехов, Женни писала Беккеру, что Лига мира ни в какое сравнение «не может идти со своим неродным братом» и что даже буржуазная пресса признает, что «на стороне старшего брата все преимущества».

Женни, неустанно и тщательно следившая за прессой, с гордостью писала в заключение Беккеру: «После того как газета «Times» задала тон, ежедневно печатая корреспонденции о конгрессе, другие газеты также стали посвящать рабочему вопросу не только заметки, но даже длинные передовые статьи, не считая более, что это ниже их достоинства»⁶.

Третий, Брюссельский конгресс Интернационала, заседавший в сентябре 1868 года, прошел уже под сильным влиянием Марксовых идей и значительного ослабления позиций сторонников Прудона.

Здесь была принята резолюция о значении вышедшего первого тома «Капитала» Маркса, в которой говорилось, что это «лучшее научно аргументированное слово в пользу освобождения пролетариата». Резолюция отмечала неоценимую заслугу Маркса, первого экономиста, который дал научный анализ капитала, и призывала рабочих

всех стран изучать этот труд и добиться перевода его на различные языки.

Все это очень радовало Женни, которая болезненно реагировала на тот заговор молчания, каким буржуазное общество обычно окружало гениальные произведения Маркса.

Исключительно большую ответственность чувствовала Женни, когда Маркс не мог лично присутствовать на конгрессах Интернационала. Тогда она особенно тщательно следила за работой Интернационала, за отзывами в прессе, чтобы подробнее и лучше информировать Маркса. Надо заметить, что здесь была полная взаимность. То же самое делал Маркс в отсутствие Женни, как это было, например, в период конференции, происходившей в Лондоне в 1871 году. Он ей прислал подробнейшее письмо-отчет.

Так, в 1869 году Маркс с дочерью находился в Германии. Это был период окончания работы Базельского конгресса Интернационала. И Женни в надежде, что «путешественники» после всех скитаний попадут в Ганновер, пишет Кугельману: «...посылаю вам для совместного чтения сегодняшний номер «Times» и более ранний номер «Pall Mall Gazette».

По поводу конгресса здесь в печати царило грубое молчание, если не считать совершенно путаной, вздорной статьи в «Pall Mall», которую я и прилагаю. Сегодня впервые лед был сломан газетой «Times».

Если «Times» поместит еще несколько отчетов, то остальные бараны последуют за своим вожаком, и тогда успех конгресса обеспечен»⁷. Однако Женни не ограничивалась только информацией, а давала также и свои политические оценки.

Не было ни одной кампании Интернационала, на которую бы Женни так или иначе не реагировала и не отозвалась. Причем ее высказывания проникнуты остроумием, оригинальностью и, само собой разумеется, глубоким политическим пониманием и чутьем: будь то ирландский вопрос, франко-прусская война, Коммуна и т. д.

Так, она очень горячо откликнулась на ирландские события, имевшие место в 1867 году. Ее инте-

рес к Ирландии не был отнюдь актом вежливости по отношению к Энгельсу и его жене-ирландке... Это была вполне сознательная ненависть к английским колонизаторам — душителям Ирландии. Маркс придавал огромное значение вновь начавшемуся подъему национально-освободительного движения в Ирландии, хотя видел его слабые стороны (заговорщическая тактика фениев, сектантство и т. п.). Если раньше Маркс считал, что освобождение Ирландии произойдет в связи с успешной пролетарской революцией, то в этот период, когда борьба ирландцев достигла своего апогея, а реформистские английские лидеры солидаризировались с правительственной официальной позицией, Маркс считал, что завоевание Ирландией независимости революционным путем будет в то же время содействовать и революционному подъему английского рабочего движения. По инициативе Маркса в Генеральном Совете была специально устроена широкая дискуссия с приглашением представителей прессы, чтобы показать перед всем миром, что Интернационал открыто поддерживает ирландских борцов и одновременно разоблачает и раскрывает глаза рабочим на шовинизм лидеров английских тред-юнионов.

Ленин очень высоко оценивал позицию и тактику Маркса в этом вопросе, считая, что она является образцом «того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям...»⁸.

Правительство при молчаливой поддержке реформистов расправлялось жесточайшим образом с членами тайной ирландской организации — фениями. В марте 1867 года после провала их вооруженного восстания 169 подсудимых понесли очень суровую кару, а в сентябре того же года за вооруженное нападение на тюремную карету пять фениев были приговорены к смертной казни. Англичане, однако, сами были сильно напуганы террористической деятельностью фениев и страшно трусили.

Женни в письме к Беккеру очень зло высмеивала этих англичан, охваченных безумным страхом. Она писала: «Здесь дела идут неплохо. Англичане

бегут, боясь собственной тени. При звуке вылетающей пробки англичанину мерещится греческий огонь, а увидев невинную серную спичку, Джон Буль уверен, что она пропитана глицерином, парафином, никотином и еще бог знает чем, и обращается в бегство. Короче, бегут все, бегут даже настоящие констебли, обгоняя ненастоящих, так называемых «специальных», которые со своими свинцовыми дубинками поддерживают теперь порядок на улицах. Ирландский вопрос стоит на первом месте во всех политических программах, в поддержку Ирландии *англичане* уже шумят на митингах, стало почти хорошим тоном стенать о семисотлетних *лптах* милого Эрина — и все это сделали серная спичка и петля. Как легко можно ошарашить этих господ. Непродолжительный страх перед физическими средствами сделал больше, чем столетия моральных осуждений»⁹.

Не только Женни, но и ее дочери были всецело на стороне угнетенных наций. Они никогда не упускали случая выразить им свои симпатии. Причем это не было подражанием взрослым.

Старшая дочь — Дженни в память о польском восстании носила повстанческий крест, а позже, со времени расправы английского правительства с ирландскими фениями, стала носить этот крест на зеленой ленте (национальный цвет ирландцев). «Все мы без исключения — убежденные фении»¹⁰, — писала она в письме к Кугельману.

Преследование фениев английским правительством возмутило Женни и ее детей. «Ненависть *fasit* роетам (делает поэтов)», — сказал Маркс по поводу того, что старшую дочь — Дженни это вдохновило на выступление в печати. Под псевдонимом Дж. Уильямс она напечатала восемь статей в газете «*Marseillaise*». С третьей корреспонденцией ее произошел такой курьез. С арестованными во главе с О'Донованом Росса очень жестоко обращались в английских тюрьмах. В связи с лживым заявлением Гладстона в нижней палате по этому поводу Дженни послала в «*Marseillaise*» одно письмо О'Донована Росса. Газета, поместив это письмо в экстренном выпуске, сохранив лишь статью о политических заключенных и стоившем 50 сан-

тимов, пометила его: «Ньюгейтская тюрьма» (где сидел Росса).

Газета «Pays» шутила по этому поводу, что повышение цены газеты противоречит праву, так как «тюремные изделия всегда продаются дешевле, чем другие».

И уже после этого в порядке обратного перевода на английский язык это письмо появилось в лондонских газетах.

«...Женничка, — писал Маркс Энгельсу, — воспользуется этим, чтобы показать, как английская пресса замалчивает факты, которые приводятся в ирландских газетах, и лишь тогда делает их достоянием гласности, когда они приходят из Парижа в качестве экстраординарных сообщений»¹¹.

Естественно, что в семье Энгельса, где его подруга Лиззи Бёрнс была ирландкой, Дженни вызвала своими выступлениями в пользу ирландских революционеров большое восхищение. Энгельс несколько раз выражает в письмах свой и Лиззи восторг и заканчивает эти письма возгласом: «Браво, Дженни!» А Маркс величал ее с тех пор «Мистер Уильямс».

Популярность и влияние Интернационала непрерывно росли во всех странах, но особенно во Франции (несмотря на разногласия между отдельными секциями). Эта страна переживала тогда кризис как во внешней, так и во внутренней политике. С конца 60-х и начала 70-х годов там происходили непрерывные стачки, и политические волнения приняли угрожающие размеры. Реакционная печать, разумеется, винила во всем Интернационал и приписывала ему всякие «козни и подстрекательства». Против секции Интернационала были не раз возбуждены судебные процессы. Выход из тяжелого положения Наполеон III искал в войне. Этим он надеялся также отвлечь массы от революционных действий. И война была развязана. Она началась между Францией и Германией 19 июля 1870 года.

Едва только вспыхнула франко-прусская война, Женни приняла деятельное участие в интернациональной работе по разоблачению захватнического

характера этой войны. Она помогала в переводах воззваний Интернационала, в распространении и нелегальной переправе их за границу.

Особенно много сил Женни приложила к распространению знаменитого первого воззвания Генерального Совета о войне от 20 июля, написанного Марксом, где было сформулировано отношение рабочего класса к милитаризму и призыв к братанию. «В то время, — писал Маркс, — как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*»¹²

В своих письмах Женни подробно обсуждает способы распространения этого воззвания и выражает большое недовольство по поводу плохого качества перевода его на другие языки. «Не знаю, понравится ли Мавру перевод, сделанный Вильгельмом. Перевод на французский язык, сделанный почтенными бельгийцами, никуда не годится; нелепее его лишь полученный только что перевод, принадлежащий почтенным швейцарцам»¹³, — писала она Энгельсу.

По вопросу о франко-прусской войне Женни вела большую переписку, принимала живейшее участие в обсуждении ее проблем, эволюционировала по мере того, как изменялся характер этой войны, и высказывала свое восхищение талантливыми статьями Энгельса о войне.

Энгельс писал их для «Pall Mall Gazette» под названием «Заметки о войне». Статьи имели огромный успех, так как Энгельс хорошо знал состояние и состав армий обеих стран, а также театр военных действий и давал очень верные прогнозы о развёртывании военных событий.

В семье Маркса эти статьи читались с захватывающим интересом и все были очень горды военно-

литературными успехами своего любимого Генерала.

В письме от 10 августа 1870 года Женни писала Энгельсу: «Лафарг только что прислал несколько французских газет, одну из которых, «Le Soir», прилагаю. Может быть, кое-что в ней пригодится для Ваших военных статей. Вы не поверите, какой шум последние производят здесь! Но они и написаны с такой удивительной ясностью и наглядностью, что я не могу не назвать Вас младшим Мольтке.

Об отвратительной ругани на страницах «Figaro» и т. д. Вы не можете составить никакого представления. Они хотели бы съесть вандалов без остатка за то, что те имели бесстыдство сконцентрировать свои силы и осмелились вступить на священную землю отечества. Они все заслуживают прусских колотушек; ибо все французы, даже маленькая горсточка лучших из них, таят в отдаленнейшем уголке своей души чувство шовинизма. Это чувство и выколачивается теперь из них. И здесь, в доме, где тоже были немного шовинистически настроены, все возмущены этими господами с их цивилиза-а-ацией и их идеями, которые они любезно хотели распространить в Германии, не являющейся священной землей... Я кончаю, чтобы отнести еще эти строки на почту и сейчас же броситься за «Pall Mall», посмотреть, нет ли в ней «Заметок о войне» за подписью Z. Позавчера газета напечатала Вашу статью в качестве передовой, чтобы нажать на ней еще больший политический капитал»¹⁴.

В упомянутом письме к Энгельсу внимание Женни прежде всего приковывается к политической оценке франко-прусской войны. Маркс в этом вопросе стоял на следующей точке зрения: война со стороны Пруссии будет прогрессивным фактором, поскольку ее историческое значение сведется к тому, чтобы сбросить бонапартистский режим во Франции и обеспечить неприкосновенность границ и национальную независимость для Германии.

Но одновременно он предупреждал, что война станет реакционной, если перейдет в фазу национального удушения Франции и захвата французской территории. Поэтому во втором воззвании

Интернационала после падения Седана, когда Пруссия встала на путь захватов, разоблачался аннексионистский характер войны и выдвигались интернационалистические задачи немецкого пролетариата.

В письме Женни говорится о том, что в семье Марксов не все стояли на этой позиции. Дочери были большими почитательницами Франции и французов. Это, быть может, объясняется отчасти тем, что родина родителей стала злой мачехой для всей семьи.

Очень интересно также и следующее письмо Женни Энгельсу от 18 августа. Политическая оценка кампании та же, но в письме уже проскальзывает сочувствие к разгромленной Франции:

«Как ужасны все известия из Парижа. Если бы вели-и-кая нация вовремя совершила революцию, она не имела бы теперь режима Евгении и Паликао. Разве не позорно, что она спокойно дает держать в тюрьме Рошфора, единственного способного политика среди молодой Франции. Воистину, она заслуживает прусских розог еще в большей степени, чем это можно было предполагать». О настроении дочерей Женни добавляет: «Обе (Дженни и Элеонора. — П. В.) только очень сокрушаются по поводу краха их любимых наций. Женни целиком — «француженка», а Тусси — «ирландка»»¹⁵.

В другом письме, описывая разногласия между революционерами, Женни говорит в конце о старшей дочери: «Женни чувствует себя лучше, но глубоко страдает за великую нацию, в которую обе девочки просто влюблены. Со временем это изменится. Все мы переживали такие увлечения»¹⁶.

Говоря «мы переживали такие увлечения», Женни, очевидно, имеет в виду период своей молодости. Францией увлекалась и восторгалась молодежь всех стран, созревших для буржуазных революций, но еще находившихся под пятой абсолютизма.

В данном же случае отношение к Франции в семье Маркса носило иной характер, потому что обе воевавшие страны были уже буржуазными. И разумеется, совсем по-другому они отнеслись к выступлению на арену кровавой битвы насто-

ящего хозяина страны — французского пролетариата. Сдача немцам Седана стала поворотным моментом. 4 сентября 1870 года империя пала. Но временное правительство вновь провозглашенной Французской республики (во главе с Трошю), которое назвало себя «правительством национальной обороны», фактически стало правительством «национальной измены».

«Трошю не хочет начинать энергичного наступления, — писала Дженни Л. Кугельману, — опасаясь, что в его отсутствие Париж перейдет в руки «красных». Он предпочитает Бисмарка Бланки»¹⁷.

Но истрадававшиеся массы вскоре заговорили в полный голос. И вот, наконец, произошла первая в мире пролетарская революция. Парижские рабочие взяли власть в свои руки.

Интернационал идейно подготовил рабочий класс к первой попытке создать свое государство. И разумеется, вся семья Маркса горячо приветствовала события 18 марта 1871 года, когда в Париже вспыхнула пролетарская революция и 28-го было создано первое государство рабочих в форме Парижской коммуны.

И здесь Женни помогала Марксу составлением и рассылкой писем, советов, инструкций, а позже товарищеской поддержкой коммунаров-эмигрантов. (Коммуна, как известно, просуществовала недолго — всего 72 дня.)

Маркс с самого начала восстания в Париже сделал все возможное для того, чтобы своими советами и инструкциями помочь спасти Коммуну. Уже 13 мая 1871 года в письме к коммунарам Франкелю и Варлену он советовал «спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналов...». Маркс написал, как это видно из того же сообщения, несколько сот писем во все концы света, где существовали организации Интернационала. Он указывает, что ему удастся время от времени помещать сочувственные заметки и в буржуазной прессе, и замечает при этом, что даже английские буржуазные газеты отказались от своих первоначальных яростных нападок. Но, заключает Маркс, «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Видно, что

наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Все это не имело бы значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время»¹⁸. Далее он указывает на то, что коммунары мало обращают внимания на движения в провинциях, хотя последние носят несколько мирный или местный характер, а главное — Маркс предупреждает их, что они упускают время, тогда как между Бисмарком и версальцами есть уже соглашение, и Бисмарк поможет им взять Париж.

За десять дней до катастрофы Маркс сообщил коммунарам подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром о занятии Парижа.

«Если бы только Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке...»¹⁹ — писал Маркс в письме к Бизли.

Гениальное предвидение Маркса, как известно, подтвердилось. Коммуна потерпела поражение, после того как потеряла много времени зря и не реализовала всех возможностей, которые перед ней открылись.

Мы видим, что Марксам после 1848 года было суждено пережить второй раз подъем революции. Но к сожалению, оба этих подъема, 1848 и 1871 годов, а также период деятельности Интернационала были слишком кратковременными, а промежутки между ними — слишком длительными. Между революционными волнами лежал большой период реакции, тянувшийся годы, полные эмигрантских дрязг, мельчания людей, нищеты, в борьбе с которыми Женни теряла здоровье и старилась.

Парижская коммуна застала Марксов уже в пожилом возрасте. Находясь в Англии, которая оградила себя железным кордоном от Франции, Маркс тем не менее всевозможными путями — тайными и явными — сделал все, чтобы помочь Коммуне советами, снискать симпатии к ней во всем мире и вызвать чувство солидарности трудящихся других стран. То, что он сделал в связи с Коммуной, заключалось не только в его письмах-советах во время самого движения, но и в оценке Коммуны

как зародыша пролетарского государства, какую мы находим в его гениальной работе «Гражданская война во Франции».

Женни с величайшим вниманием и тревогой следила за событиями во время Парижской коммуны и обнаруживала глубокое понимание их. Ее письмо к Кугельману от 12 мая 1871 года (впервые опубликованное в 30-х годах в виде приложения к немецкому изданию книги Лиссагарэ) дает отчасти представление об этом. В нем Женни писала:

«Вы не можете себе представить, как мой муж, наши девочки и все мы пострадали от событий во Франции. Сначала ужасная война, а затем еще более ужасная вторая осада Парижа. Смерть Флуранса, храбрейшего из храбрых²⁰, страшно поразила всех нас, а теперь эта отчаянная борьба Коммуны, в которой принимают участие все наши самые старые и самые лучшие друзья. Недостаточное военное руководство, совершенно естественное недоверие ко всему, что связано со словом «военный», навязчивое участие журналистов и героев фразы, как Феликс Пиа, с неизбежно вытекающей отсюда двойственностью, нерешительностью и противоречивостью в действии — все эти недостатки, неизбежные в столь смелом и юном движении, были бы, конечно, преодолены дельным и способным на жертвы классово сознательным рабочим ядром. Но теперь, я думаю, уже всякая надежда потеряна, с тех пор как Бисмарк, оплачиваемый немецкими деньгами, стал выдавать французским «канальям от порядка» (из которых каждый является воплощением какого-либо порока буржуазии) не только всех пленных, но и все укрепления. Мы стоим перед новой июньской бойней...»²¹

Это письмо Женни Маркс принадлежит к числу таких документов, где она выступает перед нами во весь свой интеллектуальный рост. Оно показывает нам весьма высокий уровень ее политического развития. Оно свидетельствует также, что Женни совершенно самостоятельно и вполне правильно разбиралась в сложнейших политических вопросах того времени (ведь письмо она писала еще до гибели Коммуны).

В семье постоянно говорили о трагедии, переживаемой Парижской коммуной. Высказанные здесь некоторые мысли мы встретим в знаменитой брошюре Маркса «Гражданская война во Франции», где Маркс подытожил опыт Коммуны.

Но Женни по-своему переживала и по-своему перечувствовала все факты этой героической трагедии, и каждая строка ее письма тому свидетельство. Особенно потрясает одно место из ее письма к Имандту после гибели многих участников – членов Коммуны. Здесь она говорит языком человека, который помогал вышеставать кадры партии, воспитать эту гвардию и который чувствует сильно и трагично потерю каждого из них. Женни писала ему 13 июня 1871 года: «Вы не представляете себе, дорогой г-н Имандт, что мы пережили за эти недели, какую боль и гнев. Понадобилось больше 20 лет, чтобы вырастить таких мужественных, дельных, героических людей, и вот теперь почти все они там... Другие еще скрываются, но боюсь, что ищейки их выследят». При этом она восхищалась исключительным героизмом парижских пролетарок и пролетариев, проявленным ими особенно в последние дни трагической эпопеи. Женни подчеркивала, что, уже лишённые своих руководителей, они продолжали на баррикадах неравную борьбу с врагами, защищая последние подступы, умирали стоя, не выпуская знамени из рук. «Но настоящие герои – это прежде всего рабочие и работницы, которые в течение недели сражались без руководителей в Вилетте, Бельвиле и Сент-Антуане!!»²²

И это Женни писала после того, как ее собственные две дочери, Дженни и Элеонора, были арестованы полицией на юге Франции. В связи с тем что французские газеты хвастали захваченными полицией «трофеями» – письмами Женни Маркс к дочерям якобы о деятельности Интернационала, Женни возмущенно заметила в письме к Имандту: «Вот как лжива французская пресса. Я, конечно, держу детей в курсе дела, чтобы успокоить их, но что я ни слова не писала о тайных заседаниях, разумеется само собой»²³.

Женни не пришлось непосредственно участвовать в борьбе Парижской коммуны, но ей суждено было потом залечивать ее раны.

Те коммунары, которым удалось чудом спастись из рук кровавых версальских палачей и бежать за пределы Франции, не могли все же прочно осесть ни в одной стране, поскольку правительства этих стран были готовы выдать их по первому требованию. Пережив кровавую бойню в Париже, они после своего бегства из Франции скитались по разным странам, ища пристанища. Ни одна страна не хотела их принимать.

В письме И. Ф. Беккера, адресованном Зорге, дано описание трагического положения коммунаров, находившихся в Швейцарии: «Версальское правительство считает коммунистов «обыкновенными преступниками» и требует на основании соответствующего договора с Швейцарией их выдачи. Власти союза и кантона не обнаруживают даже больших колебаний; произошли здесь уже два ареста... Людей, спасенных с такими жертвами, необходимо отправить дальше, т. е. переправить в Англию»²⁴.

Спасшимся коммунарам удалось, наконец, укрыться за морем — в Англии. Все эти толпы несчастных и измученных беглецов стали постепенно прибывать в Лондон и наполнять дом Маркса. И Дженни правильно заметила, что дом Маркса в этот период представлял собой «нечто вроде улья, наполненного эмигрантами». Но в каком оборванном виде прибывали сюда эти «поджигатели» вместе с женами и грудными детьми! «Число эмигрантов растет здесь с каждым днем, — писала Дженни Кугельману. — Бедняги находятся в такой нужде, что сердце разрывается: они не научились искусству Баденге, Орлеанов, Гамбетты и К^о запастись на черный день и приехали сюда раздетые, без гроша в кармане. Зима здесь будет ужасная»²⁵.

И Женни, и ее дети тотчас же принялись помогать эмигрантам на «новой родине». В письмах Женни к младшей дочери Элеоноре в Брайтон (где та учительствовала) мы часто встречаем описание страданий французских коммунаров, которых уда-

лось разместить в Лондоне. В одном из писем мы читаем: «Ле Муссю уже в течение трех недель не может найти какую-либо работу, ввиду чего бедные люди в страшной нужде. Они уже почти все заложили, чтобы прокормиться, но не смогли заплатить последние две недели за квартиру. Хозяйка так скверно, грубо с ними обходилась, что им пришлось оставить квартиру, несмотря на то, что она очень дешево стоила»²⁶.

Если даже кому-либо из эмигрантов и удавалось найти в Лондоне какую-либо работу, его немедленно лишали ее, как только обнаруживали, что он из числа «поджигателей».

Причем Дженни также лишилась уроков, поскольку она была дочерью «главы этих поджигателей». Дженни, как и мать, принимала очень активное участие в судьбе коммунаров. «Последние три недели я бегаю из одного лондонского предместья в другое (что в этом огромном городе — немалое дело), а потом нередко до часу ночи пишу письма. Цель этих поездок и писем — добывать средства для помощи эмигрантам. До сих пор наши старания — увы! — успеха не имеют. Подлая клевета бессовестных газетных писак так настроила англичан против коммунаров, что все смотрят на них с нескрываемым ужасом. Наниматели не хотят иметь с ними дела. Людей, которым удалось получить работу под вымышленными именами, увольняют, как только обнаруживается, кто они такие. Бедные г-н и г-жа Серрайе, например, получили работу в качестве преподавателей французского языка. Однако несколько дней тому назад им сообщили, что услуги бывшего члена Коммуны и его жены более не требуются. Да я могу говорить о таких вещах и по личному опыту. Монро, например, порвали со мной всякую связь, так как сделали ужасное открытие, что я — дочь главаря поджигателей, защищавшего противозаконное движение коммунаров.

Раз эмигранты не могут найти работы, то можете вообразить, до какой нужды они доведены. Страдания их неописуемы: они буквально умирают с голода на улицах этого громадного города, который довел принцип «каждый за себя» до высшего

совершенства»²⁷, — писала она в письме Кугельману в декабре 1871 года.

Но помогать эмигрантам приходилось не только вначале, а систематически, потому что они почти ничем не могли заняться в чужой стране с чужим для них языком. Двери Франции, где свирепствовала ожесточенная реакция и продолжалась кровавая месть, еще на долгие годы оставались для них закрытыми. Постепенно некоторые из коммунаров уезжали из Лондона, рассеиваясь по свету, ища пристанища и приложения своих сил. С болью и тревогой в сердце, точно мать родная, прощалась Женни с ними, отпуская их в далекое «неизвестное». Сохранилось ее письмо к храброму Франкелю, которого она очень ценила. Франкель, один из выдающихся деятелей Парижской коммуны, в 70-х годах покинул Лондон, чтобы пробраться в Германию или на родину в Венгрию и вести там революционную работу. Женни писала ему: «Очень тяжело расстаться с преданнейшим и лучшим другом. Как часто, мой дорогой Франкель, я буду думать о Вас... Как часто по воскресным дням я буду вглядываться в окно, не идет ли Франкель. В последние печальные годы во время бесед с Вами я так часто черпала утешение и мужество из Ваших ободряющих слов».

Интернационал все время оказывал помощь эмигрантам, но ему приходилось также одновременно помогать рабочим разных стран, выброшенным с предприятий локаутами.

Маркс выбивался из сил: помимо воззвания от имени Генсовета он лично писал во все концы мира, умоляя не забывать бедствующих коммунаров-эмигрантов. Правда, этих концов света становилось все меньше. В целом ряде стран после победы над Коммуной воцарилась реакция и рабочее движение подверглось преследованиям. В Германии, например, Бебель и Либкнехт за выражение солидарности Парижской коммуне и за защиту ими революционной позиции в вопросе об Эльзас-Лотарингии были осуждены к заключению в крепости.

Марксу оставалось главным образом апеллировать в Америку. Вот, например, одно из его писем, адресованных Больте, члену ЦС Интернационала

в Америке: «На следующей же неделе Вы получите Обращение Генерального Совета о помощи коммунарам-эмигрантам. Основная масса их (80 — 90 человек) находится в Лондоне. Генеральный Совет до сих пор спасал их от гибели, но за последние две недели наши денежные ресурсы настолько иссякли, в то время как число вновь прибывающих возрастает с каждым днем, что последние оказались в самом плачевном состоянии. Надеюсь, что в Нью-Йорке будет сделано все возможное. В Германии все средства партии поглощаются жертвами тамошних полицейских преследований; то же самое происходит в Австрии, а также в Испании и Италии. В Швейцарии приходится поддерживать не только эмигрантов — правда, лишь незначительную часть, — но, из-за локаута в Санкт-Галлене помогать и членам Интернационала. Наконец, в Бельгии тоже есть эмигранты, хотя и не так много, а кроме того, бельгийцы должны оказывать помощь тем, кто направляется в Лондон»²⁸.

Но устроить прибывших эмигрантов было только частью дела. Марксу пришлось заниматься также спасением тех коммунаров, которые еще скрывались в темных подвалах и мансардах Парижа.

Женни, принимавшая живейшее участие в интернациональной работе, несла одновременно большую нагрузку в связи с работой Маркса над «Капиталом». Как известно, первые годы существования Интернационала совпали с самым горячим для Маркса периодом подготовки к печати первого тома «Капитала». Работа часто прерывалась приступами болезни, поэтому Женни в это время усиленно переписывается вместо Маркса с И. Ф. Беккером, Имандтом, Либкнехтом и другими по делам Интернационала. Сколько раз мы встречаем в ее письмах просьбы-советы Интернационала (главным образом в 70-е годы)! Но особенно усилилась ее работа в период Коммуны и после нее. Так, в письме к Имандту от 13 июня 1871 года Женни пишет по поводу знаменитого воззвания «Гражданская война во Франции»: «Вы получите сегодня экземпляры воззвания Интерна-

ционала. Может быть, Вам удастся что-нибудь из него напечатать в газетах»²⁹.

Женни пришлось пережить очень много неприятностей в связи с борьбой, развернувшейся между отдельными секциями в Интернационале. Как известно, организованное рабочее движение в отдельных странах в то время еще только зарождалось. В Германии разброд в партийные ряды вносили лассальянцы.

После смерти Лассалья развернулась жестокая борьба между последователями Маркса (Либкнехт, Бебель) и лассальянцами. Еще до того произошел раскол в среде самих лассальянцев. Графиня Гацфельдт, считавшая, что Швейцер после смерти Лассалья отступил от духа учения вождя, основала вместе с Менде, Рейше и другими отдельную лассалевскую организацию. Женни, которая отрицательно относилась к деятельности Лассалья в последний период его жизни, еще более отрицательно отнеслась к его наследникам.

Большую роль в развитии немецкого рабочего движения сыграли Либкнехт и Бебель. Либкнехт, ученик и друг Маркса, в 1862 году переехал в Германию. Через него Маркс и Энгельс старались влиять на развитие классового сознания немецкого пролетариата в нужном направлении и оказывать соответствующее давление на лассальянцев. К сожалению, сам Либкнехт иногда в некоторых вопросах поддавался их воздействию и делал им уступки. Женни со свойственной ей прямотой резко его критиковала. «Вильгельм Либкнехт, — писала она, — который в августе 1862 года поселился в Берлине, слишком тесно связался с этой шайкой, дал себя одурачить ею и интригующей вместе с ней графиней Гацфельдт, — и теперь вынужден дорого расплачиваться за свое легковерие»³⁰.

С другой стороны, предстояло преодолеть влияние на южногерманских рабочих так называемой Народной партии, с которыми Либкнехт отчасти был связан, и эта связь также отрицательно сказывалась на его деятельности. В письме к Кугельману Энгельс точно сформулировал задачу, стоящую перед Либкнехтом и Бебелем: «Разложение лас-

сальянской секты и, с другой стороны, освобожденные саксонских и южногерманских рабочих от помочей Народной партии — таковы два основных условия для образования новой, подлинно рабочей партии Германии»³¹.

Либкнехт вместе с Бебелем выполнили поставленную перед ними задачу и много сделали для создания в Германии подлинно пролетарской партии: на съезде, созванном в Эйзенахе в 1869 году, была организована социал-демократическая партия.

Хотя на программе этой партии еще оставался некоторый налет лассальянских догм и душок вульгарно-демократических представлений, тем не менее ее программа в основном опиралась на «принципы программных документов Интернационала».

Поражение Коммуны еще более обострило старые разногласия между прудонистами и бланкистами и другими направлениями. И все эти разногласия были перенесены во французскую секцию Интернационала и сильно отразились на работе всего Интернационала.

Представители английского пролетариата вели себя совсем не по-революционному. В Генеральном Совете некоторые из них даже отказались солидаризироваться с манифестом по поводу Парижской коммуны, написанным Марксом по поручению именно Генерального Совета. Впрочем, поведение англичан было не случайным. Английское рабочее движение все больше скатывалось к оппортунизму. Промышленность Англии непрерывно развивалась. Подкуп рабочей верхушки сверхприбылями — процесс, который начался незадолго до этого, — развивался теперь усиленными темпами.

Женни, как уже отмечалось, в таких случаях не любила лавирования и «полумер», поэтому она заняла совершенно непримиримую и принципиальную позицию в отношении тех англичан, которые вели раскольническую политику в Интернационале. Она со свойственной ей прямоотой в очень резкой форме писала Зорге: «Об английских рабочих à la Моттерсхед, Эккарнус, Хейлз, Юнг и т. д. я лучше умолчу. Все они продавшиеся и продаж-

ные сверхпрохвосты и в погоне за грошом способны на все. Поистине жалкий сброд!»³²

Французы-эмигранты, среди которых были и прудонисты, и бланкисты, также вносили в Интернационал свои раздоры. Маркс писал Женни в связи с этим из Брайтона 25 августа 1871 года: «Я нахожу, что в Генеральном Совете слишком много прудонистов, и по возвращении буду настаивать на оставлении в качестве противоядия Мартена и Ле Муссю»³³. Беккер в письме Зорге от 30 ноября 1871 года отмечал, что парижские эмигранты устраивают скандал за скандалом; среди них очень мало старых членов Интернационала и еще меньше или почти нет рабочих, но зато много тщеславных героев слова и заядлых шовинистов³⁴.

Беккер здесь подтвердил ту характеристику коммунаров, которую ранее в письме к нему давала им Женни. Она тоже обвиняла их в шовинизме в связи со спорами, которые имела с ними по вопросу об оценке франко-прусской войны, после того как изменился самый характер этой войны. Марксу приходилось вести тогда острую борьбу с противниками Интернационала и работать в тяжелых условиях, объединяя, по словам Ленина, «рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок...»³⁵.

Все эти события усугубили то тяжелое положение Интернационала, в котором он очутился после гибели Коммуны и наступления реакции. К этому надо прибавить раскольническую деятельность анархистов с Бакуниным во главе.

Мы говорили уже на страницах этой книги о встречах Маркса и Бакунина, о том, как ценил Бакунин Маркса и как дружески Маркс относился к нему, несмотря на отдельные расхождения. И даже в 60-х годах Маркс, встретив Бакунина после шестнадцатилетнего перерыва, хвалил

его в письме к Энгельсу (от 3 ноября 1864 года). Но за период своего пребывания в Италии (1865—1867 годы) Бакунин окончательно и бесповоротно скатился к анархизму и поставил себе целью подчинить Интернационал своему идейному влиянию. Когда это ему не удалось, он основал в Швейцарии (в конце 1868 года) свою организацию — «Международный альянс социалистической демократии» и просил Генеральный Совет принять ее в состав Интернационала. Просьбу Бакунина отказались выполнить, так как по Уставу в Интернационал принимались только местные, национальные, а не международные организации. Но Бакунин, проникшись твердым намерением и решением взорвать Интернационал изнутри, вторично обратился в 1869 году с той же просьбой, заявив при этом о своем согласии распустить Альянс, если отдельные секции его будут приняты в Интернационал. Бакунину тогда предложили внести необходимые поправки в свои программные документы, которые расходились в существенных пунктах с программой Интернационала. Все условия, выдвинутые Генсоветом, были официально приняты Бакуниным и его последователями. Но только на словах. Хотя Альянс формально был распущен, его женевская группа, будучи секцией Интернационала, продолжала в то же время осуществлять руководство Международным альянсом и именовалась теперь «Альянс социалистической демократии. Центральная секция». И работу в ней вели самые ярые бакунисты.

В 1870 году в противовес Альянсу сформировалась Русская секция Международного Товарищества Рабочих. В секцию входила группа революционных эмигрантов, порвавших с Бакуниным: Н. И. Утин, А. Д. Трусков, Е. Л. Дмитриева-Томановская, А. В. Корвин-Круковская (обе — участницы Парижской коммуны) и В. И. Бартев-Негов.

12 марта 1870 года комитет этой секции (в лице Утина, Негова и Трускова) обратился к Марксу с просьбой быть их представителем в Генеральном Совете. Они писали: «...эта группа русских только что образовала секцию Интернационала, так как

великая идея этого международного движения пролетариата проникает также и в Россию. При создании этой первой Русской секции мы прежде всего ставим себе целью (как вы увидите из прилагаемого устава) оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала среди русских рабочих и объединить их во имя этих принципов... Мы считаем также своим долгом предупредить вас, что не имеем ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сообщниками. Напротив, нам придется в ближайшем будущем выступить с публичной оценкой этого человека»³⁶.

Маркс ответил им, что Генеральный Совет на своем заседании от 22 марта единогласно постановил принять эту ветвь в состав Интернационала и что он согласен быть их представителем. «Я с удовольствием, — писал он, — принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете»³⁷.

Маркс теперь в качестве секретаря-корреспондента Русской секции оказывал ей помощь, вел с ней переписку, разъяснял многие теоретические вопросы (как, например, о ведущей роли пролетариата, о судьбе русской общины) и тем самым помог членам секции освободиться от остатков народнической идеологии.

В свою очередь члены секции многое сделали для ознакомления русских с важными документами Интернационала и произведениями Маркса. И разумеется, особенно велика была заслуга Русской секции в борьбе с анархистской деятельностью Бакунина в Интернационале.

Женни высоко ценила эту сторону деятельности секции и хвалила Утина как одного из энергичных борцов против раскольнической деятельности, расшатывавшей Интернационал.

В письме к Беккеру Женни писала о Н. И. Утине: «Очень сожалею, что не познакомилась с ним лично. Я восхищаюсь его энергией, его железной трудоспособностью. Если вы его увидите, скажите ему, что я в восторге от его руководства»³⁸.

Первым представителем Русской секции, с кем лично познакомилась Женни и Карл Маркс еще

в 1870 году, была женщина удивительной судьбы — Е. Л. Дмитриева-Томановская.

В упомянутом выше обращении к Марксу представители секции просили его: «...соблаговолите сообщить нам, разрешаете ли Вы направить к Вам наших друзей, едущих в Англию?» В декабре 1870 года в доме Марксов появилась одна незнакомая дама с письмом, в котором было сказано: «...разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России. Мы будем счастливы, если при ее посредничестве нам удастся ближе познакомиться с Вами и в то же время более подробно осведомить Вас о нашем положении, которое она Вам сможет обстоятельно обрисовать»³⁹. И вот перед Карлом и Жюли Маркс предстала стройная, красивая, смелая, совсем еще юная девятнадцатилетняя девушка Елизавета Кушелева. Несмотря на молодость, она сумела толково, подробно, с большим знанием дела изложить Марксу все о работе секции и дать полную картину борьбы с бакунистами в Швейцарии. Елизавета Лукинична оказалась девушкой очень образованной и весьма революционно настроенной. В этом убедился Маркс и из позднейшей переписки с ней по вопросам оценки книги Флеровского, оценки роли и судьбы русской общины, и, наконец, это подтвердили события, связанные с Парижской коммуной, в которых она под фамилией Дмитриева приняла живейшее участие и обессмертила свое имя.

Да, ее судьба была не совсем обычной. Дочь богатого помещика Кушелева из деревни Волок Холмского уезда, Лиза, проникшись модными тогда идеями женской эмансипации, стремилась к знаниям, к самостоятельной деятельности. Подобно другим девушкам из дворянских семей она вышла фиктивно замуж за полковника Томановского, получила отдельный паспорт и поехала учиться в Петербург. После пребывания в Петербурге, где на нее оказали сильное влияние революционные идеи, она попала в Швейцарию и примкнула там к группе членов Русской секции Интернационала. Ее деятельность в секции была очень плодотворной

и полезной. Но вот вспыхнула революция в Париже — и Томановская немедленно устремилась туда. Товарищи Елизаветы Лукиничны по секции, не имея никаких сведений о ней, обеспокоенные за ее судьбу, обращались даже к Марксу с письмом, в котором спрашивали: «...нет ли у вас сведений о нашем молодом и драгоценном друге Элизе Томановской... Вы были так добры и так тепло относились к ней, поэтому я не имею надобности скрывать от вас, — писал Утин, — что мы очень боимся, как бы отвага и энтузиазм Томановской не привели ее к гибели, а эта утрата была бы исключительно тяжелой...»⁴⁰

Мужество и отвага, проявленные Елизаветой Лукиничной в период Парижской коммуны, были изумительны. Ее избрали членом комитета бдительности. Она не только сама сражалась на баррикадах, но и подняла на защиту Коммуны тысячи и тысячи женщин. Дюбрейль в своей истории Коммуны описывает, как на площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне сражавшейся в Батиньоле, проявили чудеса храбрости.

Под знаменитым воззванием к женщинам Парижа стоит и подпись Дмитриевой.

И в эти горячие дни она успевала письменно информировать через Юнга Карла Маркса о событиях. Фактически Елизавета Дмитриева была одной из очень немногих корреспондентов Маркса, писавших непосредственно с поля сражений. Причем ее корреспонденции представляют особенную ценность не только потому, что Дмитриева давала живую информацию по горячим следам, будучи участницей событий, но и потому, что это была очень зрелая оценка событий, совпадающая отчасти с оценкой самого Маркса (правильный анализ ошибок, совершенных Коммуной, и определение стоявших перед ней задач). Например, Дмитриева указывала на то, что «не обратились вовремя с манифестом к крестьянам», или на необходимость ввиду некоторой пассивности провинций «во что бы то ни стало агитировать в провинции за помощью нам». В этом же письме она дает правильную характеристику отдельных деятелей Коммуны — Дом-

бровского, Серрайе, Ключере и др. Свои деловые письма она всегда заканчивала приветом «г-же Маркс» и ее детям, с которыми она познакомилась во время своего визита к Марксам. Особенно она подружилась со старшей дочерью — Дженни.

Дмитриевой чудом удалось спастись от версальских палачей после гибели Коммуны и бежать в Швейцарию, где в это время Утин и другие члены секции готовились к Гаагскому конгрессу Интернационала.

Женни и Карл Маркс продолжали интересоваться судьбой Дмитриевой и после того, как она из Швейцарии вернулась в Россию. Узнав от Утина, что Елизавета Лукинична попала в большую беду (царское правительство искусственно пристегнуло ее к уголовному процессу, возбужденному против ее мужа Давыдовского), Маркс обратился к Ковалевскому с просьбой найти для нее адвоката-защитника. «Я узнал, — писал Маркс, — что одна русская дама, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа... Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь и так как г-жа..... решила следовать за своим мужем, которого считает невиновным, то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника»⁴¹.

Еще до Гаагского конгресса, в 1871 году, была проведена конференция Интернационала в Лондоне. Женни ввиду отъезда в Рамсгейт на лечение не могла присутствовать на ней. И Маркс подробнейшим образом информировал ее о ходе конференции. В его письме от 23 сентября 1871 года мы читаем: «Сегодня наконец конференция заканчивается. Это была тяжелая работа. Утренние и вечерние заседания, в промежутках заседания комиссий, выслушивание очевидцев, подготовка докладов и т. д. Но зато и сделано больше, чем на всех предыдущих конгрессах, вместе взятых, ибо за отсутствием публики незачем было упражняться в театральном красноречии».

О раскольнической деятельности сторонников Бакунина Маркс пишет в заключение: «С Робеном и Бастеликой, друзьями Бакунина и его соучастни-

ками по интригам, дело было трудное. Разоблачения относительно деятельности Робена в Женеве и Париже действительно поразительные»⁴².

На происходившем в 1872 году конгрессе в Гааге Женни Маркс уже присутствовала. Здесь она свиделась и с дочерью Лаурой, прибывшей вместе с Лафаргом. На конгрессе обсуждались важные и животрепещущие вопросы, как, например, отношение к профсоюзным организациям (речь здесь по существу шла об английских реформистах), о недопустимости существования внутри Интернационала тайных организаций (типа бакунинского Альянса) и др. Конгресс был очень многолюдным и, пожалуй, самым шумным. Тут велись горячие дискуссии. И, судя по рассказу Кугельмана (который на конгрессе впервые встретился и познакомился с Женни Маркс после многолетней переписки), Женни была целиком захвачена этими партийными спорами... Его дочь Франциска пишет в своих воспоминаниях со слов отца: «Г-жа Маркс, стройная, очень моложавая женщина, следила там... с огромным интересом за партийной жизнью и была, по-видимому, совершенно поглощена ею...»⁴³

Женни очень болезненно реагировала на интриги противников еще и потому, что это подрывало силы Маркса. Она писала Либкнехту в связи с этим: «Вы не представляете себе, что мы вынесли здесь в Лондоне со времени падения Коммуны. Вся эта невыразимая нужда, безысходная боль! И к тому же еще — невероятная работа в Интернационале. Пока Мавр вел всю работу и с огромным трудом, с помощью дипломатии и лавирования, поддерживал единство противоречивых элементов, перед всем миром, перед сонмом врагов, предостерегал Товарищество от нелепостей, и внушал страх и ужас дрожащей толпе, нигде не выступал на первый план, не посещал ни одного конгресса, пока на его долю доставались все труды и никакой чести — сволочь молчала. Но стоило друзьям предать его имя гласности и выдвинуть его на первый план, как вся свора полицейских и «демократов» завыла одно и то же: «Деспотизм, жажда власти, честолюбие!» Насколько лучше и полезнее

было бы для него продолжать спокойно работать и развивать для борющихся теорию борьбы»⁴⁴.

Особенно большой вред Интернационалу нанесли раскольники. Энгельс писал Лафаргу по этому поводу: «Для рабочих Интернационал — великое завоевание, которого они ни в коем случае не хотят лишиться; для этих же доктринеров-интриганов он лишь арена для мелких ссор отдельных лиц и сект»⁴⁵. Свою клевету на Интернационал и травлю Маркса они перенесли в печать и солидаризировались тем самым с воим и улюлюканьем, которые раздавались со времени падения Коммуны в официальной прессе и среди полицейских кругов.

Об этой непрерывно ведшейся кампании клеветы Маркс сказал: «Со времени нашего последнего конгресса в Базеле две великие войны изменили лицо Европы — франко-прусская война и гражданская война во Франции Третья война предшествовала этим двум войнам, сопровождала их и продолжается и теперь, — это война против Международного Товарищества Рабочих»⁴⁶.

Генеральный Совет I Интернационала был перенесен в Нью-Йорк. В 1876 году состоялся последний конгресс, принявший решение о роспуске организации. В. И. Ленин писал по этому поводу: «I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»⁴⁷.

Женни, как и Карл Маркс, продолжала интересоваться русским революционным движением и поддерживала связь с бывшими членами Русской секции (а через них и с другими революционными деятелями России) и после того, как Генеральный Совет Интернационала был переведен в Америку, а также и после роспуска Интернационала. Так, в 1875 году Женни Маркс во время поездки в Германию посетила Швейцарию и встретила там с некоторыми из прежних членов секции. Особенно тепло она отзывалась о Левашевой. Своей дочери

Элеоноре она писала: «Я провела в Женеве очень приятные дни... Любезность тети Ольги и ее сестры (которая замужем за бывшим бакунином и анархистом) невозможно описать... Я понимаю теперь, почему старик Беккер и другие так восторгаются ею...»⁴⁸

Из Швейцарии Женни держала путь в Германию. Это был период, когда под давлением рабочих масс произошло объединение эйзенахцев с лассальянцами на съезде в Готе в 1875 году. Выросший за это время рабочий класс Германии не хотел мириться с распрями между теми и другими, которые ослабляли его силы в борьбе с врагом. Это было по существу продиктовано здоровым рабочим инстинктом. Но к сожалению, при слиянии были сделаны слишком большие уступки лассальянцам. Маркс очень неодобрительно отнесся к этому. И Женни, которая во время своего пребывания в Германии виделась и имела беседы со многими партийными товарищами, несомненно, передала его мнение. Маркс, как известно, сам в 1875 году подверг сокрушительной критике Готскую программу. В частном письме к Зорге Маркс писал в 1877 году: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей... пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (через *Моста*) с Дюрингом и его «почитателями», и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства»⁴⁹.

В Германии, так же как и во Франции, Англии и других промышленных странах, шел процесс формирования пролетарских партий и ширилось влияние Марксовых идей. Женни находила большое моральное утешение в растущей мощи рабочего движения. Особенно она обрадовалась, когда немецкая социал-демократия одержала блестящую победу на выборах в рейхстаг. Уже тогда Женни

давала очень правильную оценку буржуазному парламентаризму. Так, в 1877 году она писала Зорге:

«Важно не то, что они пошлют гораздо больше людей в парламент, а то, что число голосов, которые они получили повсюду, не исключая даже участка тайных советников в Берлине, чрезвычайно велико и, по-видимому, совсем выводит из себя всех карьеристов, грюндеров и эксплуататоров»⁵⁰.

Напуганное успехами рабочей партии, правительство поторопилось издать чрезвычайный закон против социалистической деятельности. Этот период в истории Германской социал-демократии, совпадавший с последними годами жизни Женни, Ленин характеризовал следующим образом: «Объединенная по-бисмарковски, обновленная по-пруски и по-юнкерски, Германия ответила на успехи рабочей партии исключительным законом против социалистов. Легальные условия для партии рабочего класса были разрушены, она была объявлена вне закона»⁵¹.

Не только Маркс, но и Женни обрушилась гневно на Бисмарка. Приняв чрезвычайный закон, запрещающий в Германии революционную деятельность, и введя драконовские меры против социалистов, бисмарковская Германия стала на путь реакционной царской России. Это послужило косвенным поводом к выступлению Женни в печати со статьями о России.

Женни-литератор

Только в последние годы жизни Женни Маркс получила возможность выступить самостоятельно на литературном поприще. Это произошло в конце 70-х годов, когда секретарские обязанности стали поочередно выполнять подросшие дочери и уменьшившиеся заботы о детях и хозяйстве предоставили ей большой досуг. И вот тогда-то Женни Маркс проявила себя талантливым публицистом. В одном из писем Женни сама со свойственным ей юмором выразила удивление по поводу того, что в пожилые годы она стала выступать в печати как заправский литератор и выделывать «пируэты и антраша» в фельетонном жанре. К сожалению, это продолжалось недолго. Подкравшаяся к Женни неизлечимая болезнь оборвала ее литературную деятельность.

Первые статьи Женни Маркс, печатавшиеся во «Frankfurter Zeitung» на протяжении 1875–1878 годов, были посвящены театральной и культурной жизни Англии. Об этом сообщалось даже в полицейских донесениях о Марксе. В одном из них мы читаем: «Г-жа Маркс, как она уверяет, пишет за спиной своего «критического мужа» театральные обзоры и заметки для «Франкфуртской газеты»...»¹

Театром Женни Маркс увлекалась страстно, и сама, несомненно, обладала актерским дарованием — она прекрасно читала стихи на рабочих собраниях, о чем упоминалось в партийной прессе. Внимательно следила она за театральной жизнью тех стран, где ей приходилось жить: Германии, Франции, Англии. И даже под конец жизни, уже неизлечимо больная, Женни продолжала посещать

лондонские театры. Это доставляло ей величайшее наслаждение и помогало превозмочь страдания.

Дочери также унаследовали от матери артистические способности и любовь к театру. Старшая, Дженни, и самая младшая, Элеонора, пробовали свои силы на сцене, выступая в шекспировских женских ролях.

Как ранее упоминалось, увлечение Шекспиром было общим для всей семьи Маркса.

Карл Маркс цитировал Шекспира особенно широко и охотно не только в своих исторических работах, но и в «Капитале», «К критике политической экономии». Маркс, по свидетельству Максима Ковалевского, любил смотреть в театре шекспировские спектакли, и особенно «Гамлета» с участием Генри Ирвинга, которого он очень ценил и ставил даже выше прославленного Сальвини².

Свой первый театральный обзор Женни Маркс и посвятила этому лучшему исполнителю шекспировских ролей.

В вышеупомянутом полицейском донесении сообщалось, что для опубликования своих статей во «Frankfurter Zeitung» Женни Маркс прибегала к содействию Карла Гирша³.

Действительно, первая статья Женни Маркс была послана Гиршу с сопроводительным письмом дочери — Элеоноры от 25 октября 1875 года, где та писала: «Мама хотела бы, если Вы это сможете, поместить эту статью во «Frankfurter Zeitung».

Если бы у папы было время, он бы сам написал статью о г-не Ирвинге, который нас очень интересует (хотя мы и не знаем его лично). Прежде всего потому, что это человек редкого таланта, а также потому, что вся английская пресса, вследствие наиподлейших интриг, ополчилась на него и развернула против г-на Ирвинга настоящую кампанию. Опубликовав мамину статью во «Frankfurter Zeitung», Вы доставили бы нам огромное удовольствие»⁴.

Эта первая статья Женни об Ирвинге, где она со свойственной ей смелостью берет под защиту молодого талантливый артиста от несправедливых нападок буржуазной английской прессы, как и остальные ее статьи о театре⁵, написана с большим

знанием дела, мастерски и остроумно. К тому же эти театральные обзоры даны на фоне общественной и политической жизни тогдашней Англии. Высмеивая мещанские нравы и вкусы Джона Буля, Женни Маркс в то же время подчеркивает стремление и интерес пролетариата к искусству и предсказывает ему великую культурную миссию в будущем.

В первой статье «Из лондонского театрального мира» Женни Маркс пишет: «Джон Буль очень кичится своей прославленной конституцией, своим Мильтоном, которого он не знает, своим свиным паштетом, который очень хорошо знает, и, наконец, своим Вильямом Шекспиром. Но все это пустое. Всерьез он принимает только паштет. Национального высокомерия и ханжества хватает, когда речь идет о том, чтобы воздвигнуть памятник «зйвонскому лебедю», величайшему из всех поэтов, но только низшие слои народа своими пожертвованиями осуществляют это дело. Вокруг маленького дубка, посаженного на Примроз-хилле одиннадцать лет назад, в трехсотлетнюю годовщину со дня рождения драматурга, собираются только актеры, влюбленные в своего Шекспира, да рабочие, которые основательно его знают по дешевым изданиям в один шиллинг и которые носят своего «Вилли» глубоко в сердце. Более двадцати лет тому назад Фелпсу — артисту маленького театра на восточной окраине Лондона — удавалось в течение длительного времени будить и поддерживать в рабочих интерес к Шекспиру. А в это время в западной части города так называемые образованные слои устремлялись на шекспировские драмы, даваемые Чарльзом Кином в порядке «возрождения Шекспира». Но в театр они шли не для того, чтобы услышать изумительно прекрасный язык Шекспира, им хотелось поглядеть на роскошное, расшитое золотом платье красивой златокудрой Анны Болейн, им хотелось полюбоваться пиром и торжественным выходом Генриха восьмого, которого Кин изображал с соблюдением исторической достоверности, к тому же освещенной электрическим светом.

Несколько лет назад талантливейший ирландский актер Барри Саливен попытался спасти Шекс-

пира от забвения. Вместе с ним выступала лучшая, или, вернее сказать, единственная, замечательная исполнительница лучших шекспировских образов – м-с Герман Везин. Но все было напрасно! Отелло и Дездемона, Гамлет и Офелия, король Лир и Корделия появлялись перед пустым залом. После того как Саливен пожертвовал все свое состояние, приобретенное в Австралии шекспировскими спектаклями, ему пришлось окончательно отказаться от своих попыток. Тогда театр Old-Drury-Lane попытался заполнить эту брешь... Но театр пустовал, и директор вынужден был по прошествии нескольких недель разъяснить, что «Шекспир равнозначен банкротству». И так Шекспир был забыт. Только иногда и кое-где в рабочих районах появлялся Гамлет или Макбет, чтобы так же скоро исчезнуть».

Переходя к оценке игры Ирвинга, Женни замечает: «...но вот год назад молодой актер Генри Ирвинг, известный до этого лишь в провинции, – в Лондоне он проложил себе путь только исполнением мелодраматических ролей – отважился снова поставить «Гамлета». Он решился пренебречь общепринятой старинной традицией и вместо прежнего, привычного Гамлета самостоятельно создать правдивый и оригинальный шекспировский образ. Тут ополчились на него критики. Они начали ворчать, брюзжать, придираться, один считал, что в нем мало от принца, другому не нравилась его походка, третий находил его слишком манерным. И все же, несмотря на это, публика продолжала посещать театр. Тогда ветер подул вдруг в другую сторону. Журналисты прекратили свою критику и начали его хвалить, чуть ли не превозносить его до небес, и тут произошло нечто невероятное. В течение двухсот вечеров на его спектакли стекалась огромная толпа, которая слушала его благоговейно и воодушевленно. Стало модным смотреть Ирвинга в роли Гамлета. Хорошим тоном считалось восторгаться Шекспиром!»

Остановливаясь на выступлении Ирвинга в новой для него роли Макбета, Женни зло бичует газетных поверхностных критиков, которые создают так называемое общественное мнение, и хва-

лит зрителей из рабочей среды, которые верят только своему глазу и уху.

«Миновал уже месяц, — пишет она, — с тех пор, как Ирвинг играет Макбета. И снова повторилось то же самое брюзжание и ругань прессы, как это было при первой постановке «Гамлета», с той только разницей, что теперь это делалось в более ядовитой и резкой форме. Лишь «Таймс» поддерживала молодого, ищущего артиста справедливыми и ободряющими словами. Остальные крупные ежедневные газеты были заполнены длинными противоречивыми критическими статьями, повторяющими одна другую; ни одна из них не попыталась глубже вникнуть в Шекспира, все свое внимание они сосредоточили на поверхностных и второстепенных вещах. Мелкая же пресса опустилась до ничтожных, чисто личных нападок, которые свидетельствуют лишь о бессильной злобе, кознях и зависти. Несмотря на это, театр ежедневно полон и билеты надо заказывать за неделю вперед. В зрительном зале царит, однако, гробовая тишина. Лишь изредка раздаются робкие хлопки. Не слышно оваций, способных воодушевить молодого художника; все сидят застывшие, замороженные. Чем объяснить это оцепенение публики? Быть может, английские средние слои уже устали от цепей, которыми хороший тон приковал их к Шекспиру, быть может, высшее общество захотело уже от истинных творений искусства вернуться к мелодраматическим спектаклям с горящими кораблями, рушащимися скалами, настоящими фиакрами, лошадьми, верблюдами и козами? Или, может быть, тайным вожделением утонченных дам являются плохо переведенные современные пьески Сарду с двусмысленными фразами и цекотливыми положениями? Или, может быть, публика запугана и подавлена критикой? Английский филистер редко берет на себя смелость иметь свое суждение. Он любит грозить кулаком в кармане. Ему лень думать: каждое утро к завтраку наряду с обязательной яичницей с ветчиной он имеет наготове своего газетного писака, который думает за него. Как это удобно: вместе с готовыми газетными фразами в кармане садиться в омнибус, ехать в Сити или

в клуб или же вечером расположиться в театральной ложе. Ведь еще утром «Дейли ньюс» его наставляла, что Ирвинг неточно исполняет Макбета, что Макбет, дескать, является искренним, отважным и смелым полководцем, а Ирвинг представляет его свирепым и трусливым убийцей и лишь к концу жизни снова делает его смелым и храбрым. «Какая противоречивая постановка!» — заявляет «Дейли ньюс», а наш буржуа верит своей «Дейли ньюс». Но рядом с ним сидит филистер с газетой «Стандарт» или даже поклонник «Сатердей ревью»; для всех них припасены твердые и готовые мнения.

Рабочая публика имеет и здесь огромное преимущество. Пресса не может рабочего сбить с толку. Когда он приходит в театр, то верит своему слуху и зрению, аплодирует и улюлюкает по своему вкусу и своему усмотрению, и при этом именно там, где следует...»

Следующую статью — «Лондонский сезон» Женни посвящает обзору театральной и музыкальной жизни, а также зрелищно-увеселительных представлений Лондона за 1876 год.

Здесь речь идет об Итальянской опере, гастролировавшей тогда, о популярных концертах Шумана, даваемых по понедельникам, и остальных театрах, усиленно готовящихся к «достойной встрече иностранцев», которые стекутся со всех концов света. Говоря о зрелищных мероприятиях, Женни остроумно замечает: «Приемы, концерты, балы, театральные гала-представления, гарден-парти, выставка цветов, кошек, кроликов — все это повторяется из года в год, как равноденствие. Но зато в этом сезоне наш славный Джон Буль стал на два национальных мероприятия богаче: «Скейтинг-ринг» и «Орфографический турнир»». «...Двести дам, — пишет она, — бросились в орфографический бой, вооруженные огромными словарями. Как-никак речь шла о премии в 50 фунтов стерлингов».

Но постепенно, по мере усложнения терминов (особенно технических), таяло число этих соревнательниц и в самом конце «у бойниц осталось всего два стрелка». А когда одному из них была прису-

ждена премия, поднялся ужасный шум и бунт со стороны остальных недовольных, так что судья — в данном случае духовное лицо — вынужден был броситься в бегство, нахлобучив шляпу «на свою аристократическую голову». И остальные разбежались.

В заключение статьи Женни вопрошает: «Старая, добрая Англия, что тебе втемяшилось, когда ты вешалась на шею «Скетинг-рингу» и «Словесному турниру»?»

В третьей статье — «Изучение Шекспира в Англии» Женни описывает возникновение филиалов, клубов, кружков вновь созданного Шекспировского общества для серьезного и глубокого изучения текстов драматурга. Женни подчеркивает, что собрания Лондонского общества посещались плохо, но при этом она с мягкой иронией рисует фанатизм и преданность тех немногих кружков, где ревнители страстно привязаны к Шекспиру. «В этой Шекспировской ложе, — читаем мы, — царит подлинное братство; все, от зеленых юнцов до поседевших ветеранов, радушно принимают всякого вновь пришедшего, и настоящая улыбка и ухмылка Мальволио встречает молодого рабочего или работницу в ветрограде господнем... Даже в этой деловой и рассудительной нации попадаются энтузиасты. Если англичанин чем-нибудь увлечен, если у Джоа Буля возникла идея, то она у него легко перерастает в навязчивую идею, в манию, в причуду, в принцип»⁶.

Между прочим, Элеонора (работавшая с президентом Лондонского шекспировского общества Фарнивалем над изданием прижизненных текстов Шекспира) была инициатором и создателем одного из таких любительских кружков, прозванного шуточно «клубом Догбери» — по прозвищу одного из геросв Шекспира. На протяжении 1880 — 1881 годов заседания этого кружка происходили в доме Марксов. Участие в них принимала и Женни.

Член клуба М. Комин в своих воспоминаниях рассказывает, что Женни Маркс даже в последний год своей жизни, уже смертельно больная, поднималась с постели, чтобы принять участие в заседаниях домашнего Шекспировского кружка: «Рядом с ним

(Марксом) сидела его жена, привлекательная, симпатичная женщина, чувствовалось, что она хорошо воспитана и обладает прекрасными манерами, говорили, что в молодости она была красавица, но слабое здоровье, а быть может, пережитые ею беспокойные времена наложили свой отпечаток на ее внешность»⁷.

Очень профессионально и глубоко написана статья «Ричард III», где Женни рисует игру Ирвинга в этой трагедии. Она хвалит его за то, что он «прокинул все старые традиции» и сумел скупыми штрихами и почти неприметной мимикой «показать этого пронырливого притворщика и убийцу».

В заключительной статье «Из лондонского театра» Женни анализирует игру Ирвинга в других пьесах. Дирекция театра, чтобы дать возможность Ирвингу отдохнуть от физического и умственного напряжения и чтобы угодить той публике, которая жаждет мелодрамы, сменила шекспировский репертуар на более легкий и развлекательный. Но чрезвычайно интересно, что, говоря в этой статье об Ирвинге как актере и авторе (последний опубликовал заметки с практическими советами для актеров и указаниями для театральных дирекций), Женни вдруг уклоняется в сторону от своей темы и переходит к России, к вопросу о жертвах царского режима, выступая при этом с резкой критикой по адресу английского журналиста Ролстона. Это объясняется тем, что в том же номере журнала рядом со статьями Ирвинга соседствовала статья Ролстона «Русская революционная литература». В ней он непочтительно отзывался о революционной литературе России, а заодно и о русских революционерах, касаясь знаменитого «процесса 50-ти», происходившего в феврале — марте 1877 года.

Женни Маркс обрушивается на Ролстона со всей силой своего острого пера, называет его «шарлатаном и дельцом от литературы». Обвиняя Ролстона в искажениях и клевете, Женни указывает на Чернышевского как на властителя дум прогрессивной молодежи и наставника революционеров-современников. Она называет его «величайшим современ-

ным революционным писателем» и недоумевает по поводу того, что Ролстон даже не упомянул о нем в своей статье.

«Сей господин Ролстон, — пишет Женни, — только на том основании, что пробыл некоторое время в России и чуть-чуть знает по-русски, захлеб повествует о России и вещает о ней на собраниях и в периодической печати. В последнем номере «The Nineteenth Century» он поместил статью о современной революционной литературе в России и о недавних революционных вспышках; в ней он говорит, что может, конечно, понять людей, жертвующих собой во имя религии и лояльности, но не во имя других незрелых идей. Поэтому не удивительно, что у него не нашлось ничего, кроме насмешки, иронии и презрения, для несчастных жертв последнего революционного мятежа, для тех, кто пожертвовал собой во имя свободы, пусть даже неверно понятой. Горе тем бедным молодым девушкам, которые, примкнув к этому движению, уже во время предварительного следствия подорвали свое здоровье, а теперь пятнадцатилетняя каторга в Сибири будет их медленно убивать.

Как же случилось, что господин Ролстон в своей статье даже не упомянул о крупнейшем революционном писателе современности — Н. Чернышевском? Разве он не знает основной его работы — «Политической экономии», написанной в форме критического исследования «Principles of Political Economy»⁸ Джона Стюарта Милля? Неужели Ролстону неизвестно, что Собрание сочинений Чернышевского, состоящее в основном из критических работ в области истории, эстетики, философии, литературы и политики, насчитывает двадцать толстых объемистых томов (не говоря уже о романе под названием «Что делать?»)? И неужели Ролстону незнаком журнал Чернышевского «Современник», в котором тот требовал от русского правительства раскрепощения крестьян (правда, в другой форме, чем оно было осуществлено на самом деле) и с саркастической беспощадностью бичевал тогдашний показной либерализм петербургской прессы, так что ее руководители облегченно вздохнули, когда правительство сослало его

в Сибирь, ибо обыкновенный критик и ученый впервые стал в России общественной силой? Почему наш литератор, не принеся себя в жертву какой-либо идее, умалчивает об этом человеке, столь красноречиво распространяясь в то же время о нигилизме и фиктивных браках?»

В 1878 году Женни Маркс снова выступила со статьями во «Frankfurter Zeitung». На этот раз они были посвящены специально России⁹.

Как известно, и Маркс, и Женни систематически и внимательно следили за развитием передовых, революционных идей в России и за настроениями прогрессивной части русского общества.

С большим удовлетворением они констатировали все более углубляющуюся пропасть между официальной и революционной Россией. Само собой разумеется, что пристальное их внимание было приковано к происходившему в то время нашумевшему процессу над 50 народовольцами. Марксы неоднократно выражали свое сочувствие жертвам процесса, разоблачали кровавый произвол, царивший в России.

Маркс в письме к Гиршу¹⁰, написанном в эти дни, называет царя одним лишь словом: «Kindernhund» («детоубийца»)¹¹.

16 сентября 1878 года в германском рейхстаге началось обсуждение «Исключительного закона против социалистов».

Женни вместе с Марксом внимательно следила за ходом этих дебатов: Маркс срочно посылал ей в Мальверн, где она находилась вместе с Элеонорой, все газеты с телеграфными сообщениями о них. В письме Маркса от 17 сентября мы читаем: «Посылаю вам сегодня вместе с этим письмом «Daily News» и «Standard» — в них помещены телеграфные сообщения о германском рейхстаге. Бебель явно был единственным оратором, который произвел сильное впечатление. Представители правительства — Штольберг и Эйленбург — имели более чем жалкий вид»¹².

Князь Отто Штольберг (с 1878 года — вице-канцлер Германской империи) в своем выступлении в рейхстаге совершенно открыто и даже цинично признал, что в методах преследования социалистов

Германия намерена следовать за Россией, воспринимать ее опыт...

Поэтому своими заметками о России Женни преследовала двоякую цель: разоблачая жестокость, произвол, гнилостный режим царской России, она тем самым пригвождала к позорному столбу и бисмарковскую Германию, идущую по ее стопам. Она выступала одновременно против официальных правительств обеих стран.

Статьи Женни Маркс о России носят несколько иной характер, чем предыдущие об Англии. Проявляя интерес к России, которую она сама ни разу не видела, Женни усердно знакомилась с русской литературой, и не только революционной. Она тщательно следила за всем, что появлялось об этой стране в английской прессе, и часто так или иначе реагировала на события. Мы уже видели, как она резко критиковала английского журналиста Ролстона за его лживые, недружелюбные и поверхностные суждения о русских революционерах.

В связи с этим произошел один интересный эпизод. Критика Женни Маркс статей журналиста Ролстона была настолько содержательной, убедительной и написана с таким знанием предмета, что произвела на Ролстона большое впечатление. И он решил, что подобная критика могла исходить только от русского и притом... социалиста. Будучи знаком с русским ученым Максимом Ковалевским, Ролстон допытывался у него при встрече за границей: кто из русских был автором этой критики. Об интересе, проявленном Ролстоном к автору этой статьи, Ковалевский поведал Карлу Марксу, не подозревая, разумеется, что статья принадлежит перу Женни Маркс.

В письме к Энгельсу (от 18 сентября 1878 г.) Маркс писал по этому поводу: «Наш толстяк Ковалевский снова встретил в Швейцарии Ролстона; тот сразу спросил его, не знает ли он того русского социалиста, который изобразил его (Ролстона) в отделе фельетона «Frankfurter Zeitung» обманщиком, трусом и т. д.? (Статья была написана моей женой.) Ковалевский почуял, откуда дует ветер, но ответил, не погрешая против истины, что он такого русского

не знает. С тех пор Ролстон (который здесь опять приставал к нему) стал, однако, гораздо менее доверчив. (Эта помещенная в отделе фельетона статья была вызвана подлой выходкой Ролстона в отношении «Русской революционной литературы».)»¹³.

Много данных о России Женни позаимствовала у английского журналиста Гренвиль-Мюррея, статьи которого печатались в «Pall Mall Gazette».

Гренвиль был сначала атташе на Востоке, а затем длительное время консулом в России. Он имел возможность близко наблюдать русскую действительность. К тому же Гренвиль-Мюррей слыл одним из самых талантливых журналистов в Англии. Недаром лорд Пальмерстон заявил, что из статей Гренвиля он узнал гораздо больше о Востоке, чем из специальных исследований на эту тему.

Описанные Гренвилем с натуры сцены русской действительности рисовали объективно весьма печальную картину.

Вот почему Женни сочла нужным ознакомить с ними читателя, приводя целые отрывки из статей Гренвиля, а иногда ссылаясь на него.

Этим она хотела подчеркнуть: «Вот она — Россия, увиденная глазами не революционера-социалиста, а глазами буржуазного английского дипломата и журналиста!»

При этом Женни не просто заимствует данные у Гренвиля. Она очень тщательно и строго отбирает тот материал, который наиболее ярко иллюстрирует ее и Маркса представления о России. В основном это те конкретные данные, которые характеризуют сословно-классовое разделение общества, продажность административной верхушки, чиновников и полиции, все, что рисует разложение русской помещичье-дворянской среды. Далее она описывает положение самих крестьян после отмены крепостного права и, наконец, судьбу общины, т. е. она собирает все те факты, которые лишней раз подтверждают выводы, сделанные Марксом задолго до этого в своих социально-экономических трудах. Причем Женни категорически отмечает выводы самого Гренвиля, выражающего далеко идущие в отношении России империалистические устремле-

ния и планы правящих кругов Англии. Женни Маркс пишет в самом начале статьи: «Для него, как для английского журналиста, является само собой разумеющимся, что в будущем, которое ожидает Россию, Англия должна сыграть большую роль. Мы оставляем в стороне исследование этих политических планов, касающееся перспектив будущей политики. Мы хотим опровергнуть некоторые положения Гренвиля, ввести одновременно читателя в реальную жизнь русского народа...»

Карл Маркс и Женни, которые пристально и сочувственно следили за разворачивающейся в России революционной борьбой и имели много друзей среди революционных деятелей, видели в русском народе могучего исполина и предсказывали ему огромную историческую миссию в будущем.

«...Маркс и Энгельс, — писал В. И. Ленин, — были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»¹⁴.

Характеризуя положение русского крестьянства, Женни Маркс приводит много конкретных фактов, красноречиво свидетельствующих о тяжелом положении крестьян и общины.

Маркс, как известно, в своих научных трудах и в частной переписке проявлял огромный интерес к судьбе общины в России. Особенное внимание он уделял идее Чернышевского о возможности перехода России к социалистическому строю, минуя капитализм.

Несмотря на то что Маркс высоко ценил Чернышевского, и в частности его идеи о социалистическом преобразовании России, он тем не менее считал ошибочной мысль Чернышевского о том, что Россия может идти своим, особым путем — через общину к социализму, минуя капиталистический путь развития.

Маркс писал, что «Россия упустила этот наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-нибудь народу», что она уже не «избегнет всех роковых злоключений капиталистического строя»¹⁵ и что только при социалистическом способе производства община сможет зажечь новую жизнь на новой основе.

Об этом же писал и Энгельс после смерти Маркса, подтвердив его выводы: «Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства... социалистическим – вот... предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития»¹⁶.

В своих статьях Женни, основываясь на целом ряде фактических данных, приходит к выводу о бесперспективности общины.

Далее Женни Маркс приводит много вопиющих фактов из деятельности военно-полицейского и чиновничьего аппарата с его коррупцией и произволом. В заключение она бичует деспотический режим царского правительства и его роль жандарма как внутри страны, так и на Европейском континенте. Но Женни, как и Маркс, была убеждена, что в глубине народа зреют те силы, которые покончат с этим режимом, что страна идет навстречу огромному революционному потрясению и окажет в свою очередь большое влияние на Европу.

Карл и Женни Маркс глубоко верили в русскую революцию и с нетерпением ее ожидали. «...Буча выйдет отменная, – писал Маркс Ф. Зорге. – И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!»¹⁷

Марксы не дожили до русской революции, но их предвидение сбылось. Октябрь принес эту очистительную «бучу».

Последние годы

Женни, как верная ученица Маркса, внимательно следила за всеми открытиями в области науки и усердно посещала различные лекции на религиозные, философские и естественнонаучные темы не только в молодые годы, но и под старость.

В одном ее постскриптуме к письму Маркса к Энгельсу мы читаем: «Вчера вечером мы были на первой лекции Эрнеста Джонса по истории папства. Его лекция была очень хороша и для англичанина является прямо выдающейся; для нас, немцев, прошедших муштру Гегеля, Фейербаха и т. д., она была не вполне на высоте»¹.

В своих отзывах о слышанном Женни обнаруживает большое критическое чутье и солидные знания. В качестве примера приведем еще одно ее письмо. «В отношении к религии в затхлой Англии также развивается в настоящее время большое движение, — пишет она И. Ф. Беккеру. — Виднейшие ученые во главе с Гексли (ученик Дарвина) — Тиндаль, Чарлз Лайель, Боуринг, Карпентер и т. д. читают теперь в Сент-Мартинс-холле (где жива память о вальсах) просветительные, поистине исполненные свободомыслия и смелые лекции для народа, и притом по воскресным вечерам, как раз в тот час, когда обычно божьи овечки отправляются на пастбище господне. Зал бывал битком набитым, и энтузиазм народа столь большим, что в первый воскресный вечер, когда я присутствовала там с девочками, 2 000 человек не смогли попасть в переполненное до отказа душное помещение. Три раза попы допустили, чтоб нечто столь ужасное совершилось. Вчера вечером собранию бы-

ло возведено, что лекций не должно быть никаких, пока не закончится судебный процесс, возбужденный попами против «воскресных лекций для народа». Собрание решительно выразило свое возмущение, и тотчас же было собрано больше 100 ф. ст. для ведения процесса. До чего же глупо со стороны попов вмешиваться в это дело! К великому гневу этой банды вечера к тому же еще заканчивались музыкой. Исполнялись хоры Генделя, Моцарта, Бетховена, Мендельсона и Гуно, и это пение воспринималось с энтузиазмом англичанами, которым до сих пор разрешалось по воскресеньям лишь горланить гимн «Иисусе, Иисусе, кроткий и милосердный» или отправляться в кабак»².

До последних дней, пока страшная болезнь не приковала Женни к постели, она продолжала посещать лекции, концерты и театры, к которым всю жизнь питала неодолимое влечение.

Наступил последний период жизни Маркса и Женни — 70-е годы. Энгельс переселился из Манчестера в Лондон. Он добился соглашения со своим компаньоном, ушел из дела, получил приличную сумму и смог наконец обеспечить Марксу безбедное существование для завершения теоретических работ.

Маркс получил возможность ездить на курорты, лечиться, наконец, и семья его могла немного отдохнуть и зажить по-человечески после долгих лет невзгод и материальных лишений.

Но, увы, эта перемена произошла слишком поздно. Во-первых, начавшаяся в 1870 году франко-прусская война закрыла на время путь в Карлсбад с его целебными источниками, которые так помогали Марксу. С другой стороны, сама эта война и дискуссии вокруг нее в Интернационале, затем гибель молодой Коммуны, реакция, наступившая после нее, и борьба с бакунистами причиняли новые страдания Марксу и Женни. Суммируя пережитое за этот последний период, она писала Либкнехту: «Я говорю на основании более чем 30-летнего опыта и могу сказать, что не так-то легко теряла мужество. Сейчас я слишком стара, чтобы еще питать большие надежды, а последние печальные

события глубоко потрясли меня. Боюсь, что нам, старикам, уже не приходится ожидать много хорошего, и надеюсь лишь, что нашим детям будет легче жить»³.

Маркс снова погрузился в науку, работая над окончанием второго и третьего томов «Капитала», но дело продвигалось медленно.

Многочисленные и упорные болезни, которыми страдал Маркс, осложнялись еще и потому, что он очень много работал вопреки советам врачей.

Женни часто роняет в письмах фразы о том, что ее Карл очень глубоко изучает тот или иной вопрос, не имеющий непосредственного отношения к «Капиталу».

«Что касается моего мужа, то он теперь углубился в восточный вопрос и очень гордится твердым, достойным выступлением сынов Магомета против всего христианского шарлатанства и отвратительного лицемерия купцов»⁴; — пишет она Зорге.

Вот краткий, но достаточно выразительный перечень того, чем занимался Маркс в последний десяток лет своей жизни. В начале 70-х годов он усердно изучает русский язык, а кроме того, усиленно занимается математикой и химией. За пять лет до смерти он принялся за изучение геологии и оставил огромный том конспектов по этой науке. Вообще надо сказать, что Маркс не любил знакомиться с новыми отраслями знаний в «общих чертах». Каждую книгу, которую он считал почему-либо важной, он конспектировал. Это видно из его тетрадей с упражнениями по русскому языку, который никому из иностранцев не дается легко даже в молодости, а тем более в пожилом возрасте. За два года до смерти он усиленно изучал историю первобытной культуры и законспектировал труд Моргана, который лег в основу значительной части работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Эта огромная, разносторонняя деятельность, с одной стороны, отвлекала его от завершения работы над вторым и третьим томами «Капитала», а с другой — надрывала последние силы. Усиленные занятия повлекли за собой переутомление.

Одно время всю прессу обошло сообщение, будто Маркс находится при смерти.

На запрос Либкнехта по этому поводу Женни ответила подробным письмом: «Со всех сторон приходят к нам аналогичные запросы. Газеты несколько преувеличили опасность, в данный момент она не внушает такой угрозы... Но, к сожалению, истина заключается в том, что состояние его здоровья в течение многих месяцев внушало в высшей степени страх и опасение». Далее она сообщает, что врачи настаивают на полном изменении режима: «...рано ложиться, гулять, работать не более четырех часов и главное — спокойствие (легко сказать!?)... Во всяком случае, — заключает она, — длительные, утомительные, бесконечные работы и неприятности, которые были связаны с руководством Интернационалом, постепенно разрушили его в общем могучий организм. Что же касается повода, который привел к обострению болезни в последний период, то не столько работа, сколько волнения в связи с непрерывной травлей»⁵. Но Маркс не слушал врачей. Работая над «Капиталом», он все больше погружался в науку.

Женни была уже не в силах бороться с этой исследовательской страстью Маркса: она тоже чувствовала себя утомленной. В письмах к матери Шарля Лонге Женни отмечает, что она и ее муж уже достигли такого возраста (после жизни, полной волнений, неприятностей), когда они имеют потребность и право на отдых и спокойную жизнь. Но ни покоя, ни отдыха Женни не имела до конца жизни.

Дочери ее, пристегнутые к колеснице мировых политических событий и тоже посвятившие себя служению пролетариату, испили до дна чашу страданий революционеров-борцов, познавших горечь поражения Коммуны, преследований, скитаний...

Старшая дочь, Дженни, страдала астмой, а между тем она вынуждена была из-за нужды много работать (давать грошовые уроки, совмещая их с кормлением новорожденного). Мать очень сокрушалась по поводу того, что этой замечательной женщине выпала на долю такая печальная участь

и что она так обременена заботами и обречена на жестокую, нищенскую жизнь. У Лафаргов первый ребенок умер. Та же участь постигла и двух других детей Лафаргов. Смерть внуков и болезнь Женни отразились на здоровье Маркса и особенно Женни, но они проявляли необыкновенную стойкость перед лицом всех несчастий. В письме к Зорге по поводу смерти детей и внуков Женни писала: «Но на помощь нам приходит повседневная жизнь со своими радостями и великими заботами, со всеми своими ежедневными мелкими неприятностями, и великая скорбь заглушается страданиями данного момента, и незаметно для нас сильная душевная боль все больше смягчается. Нельзя сказать, чтобы рана когда-нибудь зажила, и в особенности рана в сердце матери. Нет, но с течением времени снова оживает в душе способность чувствовать, она становится доступной новым радостям и новым печалям, и так продолжаешь жить с израненным и все же не свободным от надежд сердцем, пока оно совсем не замрет и в нем не воцаряется вечный мир»⁶.

В этом письме, полном скорби, есть и нотки философского примирения с несчастьем, и какая-то, если можно так выразиться, анестезия страданий. Оно является не только образцом стиля Женни, но и глубокой жизненности ее натуры. Невольно вспоминается страница из «Хаджи Мурата» Толстого, где он говорит о цветке, бьющемся за жизнь. Толстой пишет, что однажды он хотел сорвать полевой цветок: «Но это было очень трудно... он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна... «Какая, однако, энергия и сила жизни, — подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. — Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь!»».

В то время когда политический горизонт начинал проясняться, вечерние тени все более сгущались над Женни и самим Марксом. Хроническая бессонница привела Маркса к переутомлению. С Женни дело обстояло еще хуже. С осени 1878 года у нее обнаружилась тяжелая болезнь, которая и свела ее в могилу, причиняя ей на протяжении нескольких лет отчаянные боли и страдания.

Во время посещения Бсбелем Марксов в Лондоне Женни была уже тяжело больна. Несмотря на это, она поднялась с постели и вышла к столу специально, чтобы оказать почет гостю. Вот как описывает Бебель последнее свидание с Женни, когда он пришел проститься с Марксами: «С г-жой Женни Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу завоевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности, умевшая самым очаровательным и любезным образом занимать своих гостей... Жена Маркса была больна и лежала в постели. Я пожелал проститься с ней, и Маркс провел меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так увлеклись беседой, что я забыл о ее состоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда Маркс потерял терпение и стал меня журить, что я «гублю» его жену... Больше я ее не видал»⁷.

Судя по письму Маркса к Зорге, врач будто бы нашел у Женни опасную болезнь печени. Оказалось, что это был рак. Женни усиленно лечилась, ездила на курорты. К сожалению, Карловы Вары (Карлсбад) с их целебными источниками сделались для нее недоступными. Она получила официальный отказ, гласивший: «Экс-баронесса фон Вестфален не может ехать, так как она жена К. Маркса»⁸.

Марксу же в связи с начавшейся в Германии и Австро-Венгрии травлей социал-демократов и изданием в Германии закона против социалистов вообще был запрещен въезд в Центральную Европу.

Тогда Маркс решил обратиться письменно за советом по поводу болезни своей жены к своему карлсбадскому врачу Фердинанду Флекслесу. Врач этот, чтобы определить заочно диагноз больной, прислал Женни целую анкету-вопросник. И, как это характерно для жизнелюбивой Женни Маркс, свой анамнез она заканчивает такими словами: «...итак, я хватаюсь за каждую соломинку. Как хотелось бы мне прожить еще немного, мой дорогой, мой добрый доктор! Поистине удивительно, чем ближе к концу жизни, тем больше привязываешься к этой «земной юдолице!»⁹

Уже 20 июня 1881 года Маркс извещал Зорге: «Болезнь моей жены, между нами говоря, к сожалению

нию, неизлечима. Через несколько дней я поеду с ней к морю, в Истборн»¹⁰.

В конце июня 1881 г. Маркс вывез больную Женни к морю, в курортное местечко Истборн, где они прожили месяц. Затем, уступая горячему желанию Женни повидать внуков, Маркс отправился с ней во Францию. Там в Аржантёс (близ Парижа) они, как писал Маркс Даниельсону¹¹, наслаждались возможностью жить вместе со старшей дочерью и горячо любимыми внуками, чрезвычайно привязанными к своим дедушке и бабушке.

«В субботу, писал Маркс Энгельсу 9 августа 1881 года из Аржантёя, - мы возили мою жену в Париж, который она наблюдала из открытого экипажа; он ей очень понравился (на меня производит впечатление непрерывной ярмарки). Конечно, делали при этом несколько остановок и отдыхали на террасах перед кафе. Один раз на обратном пути ей стало нехорошо, тем не менее она снова хочет туда.

Состояние ее, как обычно, то невыносимо, то целыми часами лучше. При продолжающемся исхудании - усиление слабости. Вчера небольшое кровотечение, которое доктор рассматривает как симптом слабости. Я сказал ему, что нам надо серьезно подумать о возвращении; он говорит, что можно еще несколько дней выждать, прежде чем принимать окончательное решение»¹².

Маркс дежурил у постели больной Женни, но спасения уже не было. Женни Маркс приехала обратно в Лондон 19 августа. Вскоре заболел и сам Маркс, а 2 декабря Женни не стало.

Элеонора Маркс так описывала этот период в письме к Либкнехту: «Осенью 1881 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр схватил тяжелое воспаление легких... Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате...

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя доста-

точно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, – это были любящая девушка и влюбленный юноша...

Мавр поправлялся и если еще не окреп вполне, то во всяком случае набирался сил.

Затем, 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка»¹³.

Маркс писал Джени по поводу смерти Женни 7 декабря 1881 года: «Для меня является утешением то, что силы оставили ее вовремя... Даже в *последние часы* – никакой борьбы со смертью: медленное угасание; ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда!»¹⁴ Женни умирала медленно, в течение долгих месяцев, и терпела все страшные муки, которые приносит с собой рак. И однако, ни на одну минуту ее не покидало хорошее настроение и неиссякаемое остроумие. Она безгранично радовалась результатам тогдашних выборов в Германии (1881 год).

Чрезвычайно характерно, что, будучи уже тяжело больной, она продолжала следить за ростом влияния учения Маркса.

В «Modern Thought» была опубликована статья Бельфорта Бакса «К. Маркс». По поводу этой статьи Маркс писал Зорге 15 декабря 1881 года: «Самое же важное для меня было то, что я получил упомянутый номер «Modern Thought» еще 30 ноября, доставив радость моей дорогой жене в последние дни ее жизни. Ты знаешь, с каким живым интересом она относилась ко всем таким вещам»¹⁵. До самой смерти она сохранила веселое настроение и своими шутками старалась рассеять беспокойство близких. «Она, так жестоко страдавшая, шутила, смеялась – смеялась над нами и над врачом, над нашими опасениями. Почти до последнего момента, – писала Элеонора Либкнехту, – она была в полном сознании, и, когда больше уже не могла говорить, ее последние слова были обращены к «Карлу», – она пожимала нам руки и пыталась улыбаться... Когда приехал наш дорогой «Генерал» (Энгельс), он сказал... «Мавр тоже умер». Это действительно так и было. С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра»¹⁶.

Женни, как убежденная атеистка, была против всяких погребальных церемоний и просила похоро-

нить ее без соблюдения обрядов. «Мы не обращаем внимания на показную сторону», — сказала она сиделке. Согласно ее воле, о дне похорон не было объявлено. Только немногие, самые близкие друзья проводили ее в последний путь.

Она была похоронена 5 декабря на Хайгетском кладбище.

Дженни, преисполненная скорби, писала отцу после кончины матери: «Только на прошлой неделе я получила от мамы письмо, написанное ее красивым, четким, твердым почерком, и в каждом слове сквозил ее ясный ум и ее прекрасное сердце, сокрушить которое не смогла даже эта ужасная болезнь до самой последней минуты... Я не могу примириться с мыслью, что эта болезнь привела к безвременной смерти человека, который умел так интенсивно наслаждаться жизнью...»¹⁷ В ее письме к сестре Лауре мы читаем: «Она никогда не думала о себе, она жила только для других. Трудно было встретить натуру такого благородства и преданности»¹⁸.

«Письма с выражением соболезнования, — сообщает Маркс в письме к Дженни от 17 декабря 1881 года, — которые я получаю со всех концов и от людей самых различных национальностей, профессий и т. д. и т. п., все восхваляют Мемхен и проникнуты такой искренностью, такой глубокой симпатией, как это редко бывает в подобных случаях, обычно являющихся лишь соблюдением условностей. Я объясняю это тем, что в ней все было естественно и правдиво, просто, без всякой фальши; отсюда и впечатление, которое она производила на людей, — бодрое и жизнерадостное. Г-жа Гесс пишет даже: «В ее лице природа разрушила свой собственный шедевр, ибо во всю свою жизнь я не встречала такой умной и любящей женщины»»¹⁹.

13 декабря 1881 года Маркс писал Даниельсону: «Я был очень близок к тому, чтобы «покинуть этот несовершенный мир»...

Письма с выражением соболезнования, которые я получал отовсюду, служили для меня большим источником утешения, поскольку во всех этих письмах... звучала непритворная симпатия и настоящее

понимание и признание редких качеств моей дорогой жены»²⁰.

Из числа сочувственных писем мы приводим здесь и два письма русских доброжелателей Маркса — Даниельсона и Максима Ковалевского.

«Я прочел Ваше письмо с глубочайшим сожалением, — писал Даниельсон. — Мне так часто приходилось слышать от «нашего общего друга» о редких достоинствах Вашей супруги, что, и не зная ее лично, я испытывал к ней чувство величайшего уважения. Это еще более увеличивает мое глубокое сочувствие Вашему горю, сочувствие, которое я позволю себе выразить.

Посвящение второго тома Вашего труда памяти покойной будет лучшим ей памятником, нам же и нашим детям Ваш труд даст наилучшую возможность научиться тому, как следует служить человечеству. Память той, которая вдохновляла Вас на такое служение, будет чтиться с глубоким уважением»²¹.

Ковалевский писал Марксу из Барселоны 8 декабря 1881 года:

«Дорогой учитель!

В Барселоне, куда я приехал ради арагонских архивов, я узнал из «Temps» грустную весть о смерти госпожи Маркс. Покойная всегда была очень добра ко мне, и я привык не только уважать, но в то же время и любить ее. Радужный прием, который Вы мне всегда оказывали, дает мне право присоединиться к выражениям горячего сочувствия и, увы, бесполезных сожалений, которые Вы, я уверен, получаете отовсюду по поводу ее смерти.

Разрешите выразить Вам, дорогой учитель, чувство моей искренней привязанности.

*Ваш Максим Ковалевский»*²².

Само собой разумеется, что и немецкие партийные товарищи откликнулись на смерть Женни. Приведем соболезнующие письма Бебеля и Либкнехта, которые хорошо знали ее лично.

Либкнехт писал Марксу 12 декабря 1881 года:

«Дорогой Мавр!

Меня глубоко потрясла весть о смерти твоей жены. Ты знаешь, чем была для меня эта благород-

ная женщина; ей я прежде всего обязан тем, что не пошел ко дну во время лондонского изгнания.

Я надеюсь, что ты уже настолько окреп, что сможешь физически противостоять этому удару. Как охотно я был бы среди вас. Но к чему несбыточное желание?

Будь здоров и береги себя для партии и друзей. Тусси напишу. Моя жена, которая только вчера от меня узнала об этом (а я из-за моего цыганского образа жизни узнал лишь в субботу), целует тебя и приветствует тысячу раз.

Твой старый, верный Либкнехт».

Не менее сочувственно отозвался и Бебель: «Дорогой друг Маркс, с глубокой скорбью я воспринял весть о тяжелой утрате, постигшей тебя, — смерти твоей преданной подруги Женни. Я выражаю одновременно и от имени моей жены сердечное соболезнование тебе и детям и надежду, что всеисцеляющее время излечит и эту рану, как и аналогичные.

Про это печальное известие я узнал по пути из Майнца в Базель из «Frankfurter Zeitung», но не мог раньше написать, так как только сегодня получил пару свободных часов»²³.

Маркс ненадолго пережил свою подругу. После ее смерти он очень тяжело заболел. Врачи послали его в Алжир. В одном из писем Энгельсу Маркс писал: «...ты знаешь, что мне более чем кому-либо чужд демонстративный пафос; однако было бы ложью не признаться, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни»²⁴. Энгельс был прав, сказав после смерти Женни: «Мавр тоже умер». Да, он умер... хотя физически и протянул еще немного.

Со времени смерти Женни Карл Маркс всегда носил с собой ее фотографию, сделанную на стекле. «Мы нашли ее, — говорит Элеонора, — в кармане его пиджака после его смерти».

14 марта 1883 года Маркс скончался.

Послесловие

Бросим в заключение беглый взгляд на жизненный союз Карла Маркса и Женни фон Вестфален.

В той анкете, которую Маркс заполнил по просьбе дочерей, наряду с прочими были два следующих вопроса:

«Ваш любимый герой?» На этот вопрос Маркс ответил: «Спартак».

«Ваша любимая героиня?» Маркс ответил: «Гретхен».

Является ли этот ответ целиком и полностью шуткой, или в нем есть кое-что серьезное и кое-что биографическое?

Женни, конечно, не была Гретхен, она отнюдь не была воплощением женской слабости. Мы видели силу характера, проявленную ею как в решающем вопросе ее личной жизни, так и на протяжении сорока лет политической борьбы.

Мы видели мужественную стойкость ее в борьбе со старым миром и невзгодами их эмигрантского существования. Мы видели ее высокую сознательность и активность в политической борьбе в первом ряду первого отряда коммунистов. Но вместе с тем основную линию их жизни определял гений Маркса; в этом пункте она лишь следовала за ним как верная ученица, полная доверия к его руководству. Это подчеркивало не слабость Женни, а лишь рельефнее оттеняло силу Маркса, силу Спартака, поднявшего знамя борьбы восстающих рабов капитала. Но Маркс своей аналогией имел в виду не слабость Гретхен, а другую ее характерную черту — цельность. Благодаря этой цельности Женни органически соединила в себе не только *ewig weillie-*

hes (вечно женственное, что выразил Гёте в лице Гретхен в своем бессмертном «Фаусте»), но и верного друга, боевого товарища по политической борьбе, воплотив в себе гармоничный, законченный тип новой женщины.

Союз совершенно одинаковых натур не дает гармонии, а лишь простое сложение. В союзе же Маркса и Женни, с одной стороны, как и в дружбе Маркса и Энгельса — с другой, несомненно, были известные элементы единства противоположностей. Если брать характеры и вкусы Маркса и Женни, то их соединяла революционность, презрение ко всему буднично-обывательскому, к филистерской ограниченности, мещанской жадности, скупости, мелочности.

Маркс был пролетарским революционером, вышедшим из мелкобуржуазной интеллигентной среды. Женни фон Вестфален вышла из небогатого дворянства, в процессе своего расслоения не раз в истории выделявшего лучшие элементы для революционного движения других классов. Оба начали с оппозиции абсолютизму и закончили восстанием против всего буржуазного общества. Этот общий путь был бы невозможен без общности идеалов в их революционной деятельности, в оценках событий, людей и т. д.

Оба были высокоодаренными натурами. Оба любили искусство и литературу, особенно классическую, и знали ее в совершенстве. Обоих объединяла любовь и безграничная преданность детям. Оба были весьма непрактичны и нерасчетливы в житейских делах.

В чем заключалось различие их характеров?

Маркс был нескгибаемым и страстным борцом, беспощадным к своим врагам полемистом.

Женни была тоже страстной натурой, но более эллинским типом. Литературный стиль Женни легок, блестящ, остроумен, в нем чувствуется то задушевная лирика, то грациозность.

Маркс был величайшим гением в области теоретического исследования. Его тянуло к абстракции. Об этом свидетельствуют не только его научные труды, но и переписка с Энгельсом, где глубочайшие теоретические проблемы часто

излагались Марксом в черновом варианте так, как они возникали у него в голове.

Женни, сама не занимаясь чисто абстрактными вопросами, не являясь теоретическим мыслителем, прекрасно понимала и глубоко чувствовала величие того дела, которым был занят Маркс в области науки.

Маркс имел вкус к жизненным благам, но не был к ним привязан. Он относился довольно безразлично к уровню жизни, был очень нетребователен для себя лично. Больше всего Маркс нуждался в известном минимуме спокойствия для теоретической работы.

Женни более остро, чем Маркс, переживала снижение жизненного уровня, особенно из-за детей. Но расхождение в этом пункте не было серьезным. Если отбросить в жизни Женни и Маркса все мелкое, случайное, преходящее, если отбросить то, что отчасти существенно для биографа, но неважно и совсем незаметно для истории и ее масштабов, то перед нами пройдет дружная, красивая, глубоко интересная жизнь, неразрывно связанная с рабочим движением в самый трудный и важный период выхода этого движения на коммунистический путь.

Теперь марксизм оказывает могучее влияние на всю жизнь современного общества. Под его знамя становятся миллионы людей. Марксизм стал государственным учением не только в нашей стране, но и в целом ряде социалистических стран, где пролетариат завоевал власть и строит коммунизм под руководством коммунистических партий.

Но как трудно было пробивать первые пути к коммунизму! Какой тупой громадой стояло на этом пути буржуазное общество, находившееся в расцвете своих сил! Какой горсточкой отверженных «безумцев» должна была казаться первая группа коммунистов, которая выступила против всесильного буржуазного «сегодня», во имя пролетарского «завтра»!

Небольшой корабль первых коммунистов отважно поплыл против течения. На нем были основатели научного коммунизма Маркс и Энгельс,

а рядом с ними их первая верная ученица и товарищ, первая марксистка Женни фон Вестфален.

Мы, коммунисты, ведем свое идейное происхождение от этих людей.

Мы переняли от них несокрушимое теоретическое оружие, которое напало свое воплощение в ленинизме.

Мы взяли у них их закалку и способность плыть против течения; как и они, мы не боимся идти в атаку и «штурмовать небо», когда это нужно для победы.

Мы взяли у них твердую веру в окончательную победу коммунизма. Но мы имеем то неизмеримое преимущество по сравнению с ними, что нас уже много, что мы уже нанесли капиталу смертельные раны и практически строим социализм в целом ряде государств. За нами следуют освободившиеся народы бывших колониальных стран.

С тем большим интересом и любовью наше молодое поколение относится к основоположникам марксизма и хочет знать подлинную правду о жизни этих героических людей, в рядах которых Женни фон Вестфален занимает столь видное место.

Примечания

К читателю

¹ *Friedrich Engels. Paul et Laura Lafargue. Correspondance*, vol. 1—3. Paris, 1956.

² *Lutz Graf Schwerin von Krosigk. Die grosse Zeit des Feuers. Der Weg der deutschen Industrie. Bd 1. Tübingen, 1957.*

³ *Schwerin von Krosigk Lutz Graf, Jenny Marx. Liebe und Leid im Schatten von Karl Marx. Wuppertal, 1975.*

Юность

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 6, ед. хр. 1 (далее — ЦПА ИМЛ).

² Берта Маркгейм была близкой знакомой Женни Маркс. Одно время сочувствовала коммунистическим идеям. Оказывала иногда материальную помощь Женни.

³ «Movimento operaio». 1955, N 2.

⁴ Жена, дети и друзья прозвали К. Маркса Мавром за черные, как смоль, волосы и бороду.

⁵ См. *В. Либкнехт. Воспоминания о Марксе. Одесса, 1905*, стр. 70—71.

⁶ Из стихотворения Г. Гейне «Оборотень».

⁷ См. *Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956*, стр. 313.

⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956*, стр. 19.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 13.

¹⁰ *Westphalen Ferdinand. Geschichte der Feldzüge des Herzogs Ferdinand von Braunschweig-Lüneburg, Bd I. Berlin, 1859.*

¹¹ *Reetz Jurgen. Vier Briefe von Jenny Marx. — «Schriften aus Karl-Marx-Haus», 1970, N 3.*

¹² *Schwerin von Krosigk Lutz Graf, Jenny Marx, S. 213.*

¹³ Прусский генерал и военный реформатор. В период войны с Наполеоном был прусским военным министром.

¹⁴ *Eckert Georg. Jenny Marx und die Familie von Florencoürt. «Schriften aus Karl-Marx-Haus», 1973, N 9.*

¹⁵ *Westphalen Ferdinand. Geschichte der Feldzüge des Herzogs Ferdinand von Braunschweig-Lüneburg, Bd I.*

¹⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 29, стр. 538—539.

¹⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 40, стр. 651.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 13.

¹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 31, стр. 103.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 59.

²¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 123.

²² «Marx – Engels Gesamtausgabe». Erste Abteilung. Bd I. Halbband 2. Berlin, 1929, S. 198–199 (далее – MEGA).

²³ В. Wachstein. Die Abstammung von Karl Marx. Copenhagen, 1923.

²⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 126.

²⁵ Там же, стр. 264.

²⁶ Джени, как и сама Женни, была названа в честь своей прабабушки Джени Питероу. Мы пишем их имена по-разному в связи с разницей между английским и немецким произношением.

²⁷ Г. Гейне. Путешествие в Гарц. Пролог (Перевод В. Зоренфрея).

Германия 30 – 40-х годов

¹ Geschichte des Rheinlandes von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart, Bd. 2. Essen, 1922; J. Hansch. Preussen und Rheinland von 1815–1915. Bonn, 1918.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 184.

³ Г. Гейне. Полн. собр. соч., т. VII. М.–Л., 1936, стр. 178.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 473.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 81.

⁶ В. Lucas. Ein Erinnerungsblatt aus London. – «Leipziger Sonntagsblatt», 11.IX.1862.

⁷ См. Г. Брандес. Собр. соч., т. 11. СПб, стр. 46–53.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 184–185.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 655.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 143.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 534.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 4.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 8.

¹⁴ К. Цеткин. Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии. М., 1929, стр. 14.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 658.

Тайная помолвка.

Свадьба

¹ M. Ribbel. Karl Marx, essai de biographie intellectuelle. Paris, 1957.

² См. Е. И. Кандель. Некоторые проблемы истории формирования марксистской философии в свете новейших исследований. – «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 4, 5.

⁴ См. О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, т. 1. М., 1959, стр. 88.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 483.

⁶ Zlocisti Theodor. Ein Brief von Moses Hess an Berthold Auerbach über Karl Marx. – «Archiv für die Geschichte des Socialismus und Arbeiterbewegung», X. Jahrgang, 1921.

- ⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 280.
⁸ MEGA. Bd I, Halbband 2, S. 212.
⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 260.
¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 531.
¹¹ По желанию (лат.)
¹² Георг Веерт. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 97–98.
¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 9.
¹⁴ Перевод Е. Ильиной.
¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 469–470.
¹⁶ Там же, стр. 372–373.
¹⁷ Там же, стр. 9.
¹⁸ Там же, стр. 365–366, 388–389.
¹⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 260–261.
²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 615–616.
²¹ См. там же, стр. 622.
²² См. там же, стр. 648–650.
²³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 7.
²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 374.
²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 18.
²⁶ Там же, стр. 8, 17.
²⁷ Briefwechsel zwieschen Bruno Bauer und Edgar Bauer während der Jahre 1839–1842 aus Bonn und Berlin. Charlottenburg, 1844.
²⁸ MEGA, Bd I, Halbband 2, S. 242–243.
²⁹ Ibid., S. 187–188.
³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 645–646.
³¹ См. там же, стр. 650.
³² См. там же, стр. 646.
³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 419.
³⁴ Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Politik.
³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 357.
³⁶ Там же, стр. 363.
³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 82.
³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.
³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 371, 372.
⁴⁰ Там же, стр. 372.
⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 658.
⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 374.
⁴³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 223.

Париж

- ¹ Здесь Марселию Гервегу или его матери память немного изменила. План ведения совместного хозяйства возник еще раньше, и Руге до этого сообщал своему другу, что ищет общую квартиру для себя, Гервега и Маркса.
² Briefe von und an Georg Herwegh. München, 1896, S. 328–329.
³ См. Немецкая поэзия революции 1848 года. М., 1948, стр. 51.
⁴ Daniel Stern. Histoire de la revolution de 1848, vol. 1–2. Paris, 1850–1851.
⁵ La vie de Franz List, par Guy de Pourtales. Paris, 1927.

⁶ Au printemps de Dieus, Correspondance de la comtesse Marie d'Agout et du poete George Herwegh. Paris, 1928.

⁷ Paul Nerrlich. Arnold Ruges Briefwechsel und Tagesbuchblätter aus den Jahren 1825—1881. Berlin, 1886.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 47—48.

⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 73.

¹⁰ Walter Victor. Marx und Heine. Berlin, 1952, S. 38.

¹¹ «Oesterreichischer Arbeiter — Kalender» für das Jahr 1895, Brünn.

¹² Schwestern von Krosick Lutz Graf. Jenny Marx, S. 54, 63.

¹³ См. Г. Гейне. «Лютенция». Полн. собр. соч., т. IX. М., 1936, стр. 9—10.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 397.

¹⁵ Geheimtes Staatsarchiv. Ministerium des Innern. Rep. 77, D. N 10, S. 61.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 607.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 381.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 451.

¹⁹ Цит. по: Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 1. М., 1926, стр. 189.

²⁰ Там же, стр. 191.

²¹ В Париже Маркс основательно проштудировал произведения известных экономистов — Смита, Рикардо, Сэя и др. Результатом этих занятий явились дошедшие до нас отрывочные рукописи, известные под названием «Экономически-философские рукописи 1844 г.».

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 357.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 377.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 10.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 10.

²⁸ «Vorwärts», 10.VIII.1844.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 18.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 527.

³¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 97.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 9.

³³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 224.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 20, 21.

Брюссельское изгнание

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 224.

² Fritz Schröder. Lenchen Demuth. — «Das Neue Deutschland», 1.I.1953.

³ Не удивительно поэтому, что на вопрос детей (в «Исповеди», составленной ими) о ее самой заветной мечте она ответила: «Съесть один раз в жизни обед, не сваренный самой».

⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 112.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 385—386.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 423.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 11.

⁸ M. Stirner. Der Einzige und sein Eigentum. Leipzig, 1844.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 12.

¹⁰ «Deutsche-Brüsseler Zeitung», 6.I.1847.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 48.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

¹⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 224.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 1.

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 148.

¹⁸ Там же, стр. 281.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 12.

²⁰ Женни имеет здесь в виду предполагавшееся издание работы Маркса «Критика политики и политической экономии» (в феврале 1845 года Маркс заключил договор с издателем Леске). Но издатель по цензурным соображениям отказался от издания этой книги.

²¹ См. Ф. Меринг. Фрейлиграт и Маркс в их переписке. М. — Л., 1929, стр. XIII.

²² Стефан Борн — рабочий-наборщик, член Союза коммунистов. После революции 1848 года, в которой он занимал ошибочную позицию, Борн в дальнейшем отошел от рабочего движения.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 15.

²⁴ См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 230.

²⁵ *Stephan Born. Erinnerungen eines Achtungvierzingers.* Leipzig, 1898, S. 96.

Снова Париж. Изгнание

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 225.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 508, 509.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 684.

⁵ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 226.

⁶ *Stephan Born. Erinnerungen eines Achtungvierzigers*, S. 88.

⁷ «Northern Star», 25.III.1848.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 111.

⁹ *Stephan Born. Erinnerungen eines Achtungvierzingers*, S. 89.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 527.

¹¹ Там же, стр. 115.

¹² См. там же, стр. 526 — 527.

Революция 1848 года

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 22.

² *H. Stein. Der Kölner Arbeiter-Verein (1848 — 1849).* Köln, 1921.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 34.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 123.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 22.

⁶ См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 226.

⁷ См. *Ф. Меринг*. Фрейлиграт и Маркс в их переписке, стр. 141.

⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 529–530.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 16.

¹⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 443.

Лондонская эмиграция

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 129.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 304.

³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 227.

⁴ Там же.

⁵ См. *Ф. Меринг*. Фрейлиграт и Маркс в их переписке, стр. 15.

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 451–452.

⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 227.

⁸ *B. Lucas*. Ein Erinnerungblatt aus London – «Leipziger Sonntagsblatt», 11.XI.1862.

⁹ Предисловие к кн.: «Revolution and Counter Revolution of Germany in 1848», ed. by E. Marx – Ebeling, 1896.

¹⁰ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 190.

¹¹ Там же, стр. 230, 228.

¹² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 556.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 23.

¹⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 64.

¹⁵ Там же, стр. 202.

¹⁶ Там же, стр. 203.

¹⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 535.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 53.

¹⁹ Из драмы Гёте «Торквато Тассо».

²⁰ *В. Либкнехт*. Воспоминания о Марксе, стр. 45–46.

²¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 115.

²² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 133.

²³ См. там же, стр. 533.

²⁴ См. там же, стр. 529.

²⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 257–267.

²⁶ Там же, стр. 467.

²⁷ Там же, стр. 288.

²⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 431.

²⁹ Женни имеет в виду воззвание, выпущенное сторонниками Виллиха, которое от французской группы подписали Фанон и Каперон.

³⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 534.

³¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 228.

³² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 534–535.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 21.

³⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 315–317.

³⁵ Вместе с Виллихом Энгельс принимал участие в баденском восстании.

³⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 535.

³⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 229.

³⁸ Там же, стр. 174.

³⁹ Там же, стр. 178.

⁴⁰ Там же, стр. 493–494.

⁴¹ Там же, стр. 243.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 21.

⁴³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 536.

⁴⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 423–491.

⁴⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 136.

⁴⁶ См. там же, стр. 542–544.

⁴⁷ Там же, стр. 470.

⁴⁸ См. там же, стр. 188–189.

⁴⁹ Полицейский шпион, которому удалось проникнуть в дом Маркса, уже 23 ноября 1852 года строчил донос прусской охранке: «Вчера вечером я был у Маркса и застал его за работой над составлением очень подробного резюме дебатов нёльнского процесса. Это своего рода критическое освещение процесса с юридической и политической точек зрения; само собой разумеется, что при этом сильно достается правительству и полиции, ибо Маркс поставил себе исключительной задачей унижить прусскую юстицию, правительство и полицию в глазах общественного мнения и перед трибуналом юриспруденции; вам известно его гениальное перо, и мне нечего говорить вам, что этот памфлет будет шедевром и привлечет к себе в сильной мере внимание масс» (см. «Летописи марксизма», 1927, кн. IV, стр. 64.).

⁵⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 546.

⁵¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 550.

⁵² См. воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 105.

Женни, Карл и их дети

¹ Воспоминание о Марксе и Энгельсе, стр. 261.

² *Г. Гейне*. Стихотворение из цикла «Опять на родине».

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 432, 435–436.

⁴ MEGA, Bd I, Halbband 2, S. 243.

⁵ *F. Lassalle. Nachgelassene Briede und Schriften*, Bd III. Stuttgart – Berlin, 1922, S. 355.

⁶ *Ibid.*, S. 359.

⁷ *Stephan Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers*. Leipzig, 1898.

⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 436.

⁹ Гай Фокс с другими заговорщиками пытался 5 ноября 1605 года взорвать парламент вместе с членами обеих палат и королем. Этот день «порохового заговора» ежегодно отмечался в Лондоне.

¹⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 161.

¹¹ См. там же, стр. 530–531.

¹² См. там же, стр. 531–532.

¹³ Там же, стр. 136.

¹⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 230.

¹⁵ *G. Mayer. Beiträge zur Biographie von Karl Marx.* – «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und Arbeiterbewegung», Hrsg. von Grünberg, Bd X.

¹⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 231.

¹⁷ Там же, стр. 229.

¹⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 106.

¹⁹ См. там же, стр. 547.

²⁰ Там же, стр. 95.

- ²¹ Там же, стр. 276.
- ²² Там же, стр. 306 – 307.
- ²³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 229.
- ²⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 570.
- ²⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 532 – 533.
- ²⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 535.
- ²⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 232.
- ²⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 366.
- ²⁹ Там же, стр. 370.
- ³⁰ Там же, стр. 370 – 371.
- ³¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 110.
- ³² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 534.
- ³³ *Ф. Фрейлиграт*. Избранные произведения. М., 1956, стр. 323.
- ³⁴ *F. Lassale*. Nachgelassene Brief und Schriften, Bd III, S. 360.
- ³⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 371.
- ³⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 249.
- ³⁷ Из нотариальной бумаги, хранящейся в ЦПА ИМЛ, видно, что все наследство, включая расходы на погребение и прочее, сводится к 270 талерам, которые подлежало поделить между Женни и братом Эдгаром. Примерно в это время Женни получила в наследство от родственницы, умершей в Шотландии, около 200 фунтов стерлингов.
- ³⁸ Фоше – немецкий публицист, младогегельянец, друг братьев Бауэр, упомянутых выше.
- ³⁹ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ⁴⁰ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 232.
- ⁴¹ Ломбард.
- ⁴² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 249.
- ⁴³ Там же, стр. 233.
- ⁴⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 280.
- ⁴⁵ См. там же, стр. 531, 532.
- ⁴⁶ См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 110.
- ⁴⁷ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ⁴⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 251.
- ⁴⁹ Там же, стр. 257.
- ⁵⁰ Там же, стр. 257, 258.
- ⁵¹ См. там же, стр. 115.
- ⁵² Там же, стр. 258.
- ⁵³ Там же, стр. 260.
- ⁵⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 87.
- ⁵⁵ См. там же, стр. 90.
- ⁵⁶ Там же, стр. 527.
- ⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 54.
- ⁵⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 254.
- ⁵⁹ Герония Элеоноры – Джен Грей была девушкой весьма трагической судьбы. Будучи внучатой племянницей английского короля Генриха VIII, она в 17 лет стала жертвой борьбы между враждующими придворными кланами. Внезапно она была объявлена королевой Англии, затем низложена и обезглавлена.
- ⁶⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 48.
- ⁶¹ Там же, стр. 49.
- ⁶² Там же, стр. 116.
- ⁶³ Там же, стр. 49.

- ⁶⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 29, стр. 537.
- ⁶⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 32, стр. 259.
- ⁶⁶ Там же, стр. 268.
- ⁶⁷ Там же, стр. 280.
- ⁶⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 250.
- ⁶⁹ Там же, стр. 258.
- ⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 3/3.
- ⁷¹ Этим псевдонимом Дженни подписывала свои статьи.
- ⁷² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 32, стр. 553.
- ⁷³ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ⁷⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 292.
- ⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 55.
- ⁷⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 32, стр. 173.
- ⁷⁷ «Русское богатство», 1911, № 12, стр. 181–182.
- ⁷⁸ «The Nineteenth Century and after», 1922, N 1.
- ⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 43.
- ⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 12/2.
- ⁸¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 35, стр. 3.
- ⁸² См. Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Зорге и др. СПб, 1908, с. 158.
- ⁸³ «The Nineteenth Century and after», 1922, N 1.
- ⁸⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 233.
- ⁸⁵ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ⁸⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 235.
- ⁸⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 29, стр. 278.
- ⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 66.
- ⁸⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 31, стр. 427.
- ⁹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 66.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 31, стр. 208.
- ⁹³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 32, стр. 591.
- ⁹⁴ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 160.
- ⁹⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 37, стр. 258–259.
- ⁹⁶ *Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М.*, 1972, стр. 178.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же, стр. 196.
- ⁹⁹ Письма К. Маркса и Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 159.
- ¹⁰⁰ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 50.
- ¹⁰¹ «The Nineteenth Century and after», 1922, N 1.
- ¹⁰² «Летописи марксизма», 1927, кн. IV, стр. 67.
- ¹⁰³ *Dave Viktor. Eleonore Marx. — «L'Humanité», V–VI, 1898.*
- ¹⁰⁴ См. также письмо Элеоноры к Вере Засулич и Фанни Кравчинской в журнале «Наука и жизнь», 1967, № 9.
- ¹⁰⁵ Элеонора ошибочно приписала авторство этой работы Марксу. С опубликованием переписки Маркса с Энгельсом удалось установить, что подлинным автором этой работы был Энгельс.
- ¹⁰⁶ «Labour Leader», 24, 30.IV; 7.V.1898.
- ¹⁰⁷ *Eduard Bernstein. Erinnerungen eines Sozialisten, Bd I. Berlin, 1918, S. 177–178.*
- ¹⁰⁸ *Eleonor Marx. — «Neue Zeit», 1898, Bd II, S. 119.*

Секретарь Маркса

- ¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 260.
- ² Там же, стр. 73.
- ³ Там же, стр. 230.
- ⁴ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ⁵ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 233.
- ⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 540.
- ⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 3, 5.
- ⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138.
- ⁹ Там же, стр. 145.
- ¹⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 416.
- ¹¹ Элеонора в статье, посвященной биографии Маркса, пишет: «Французское правительство Национальной защиты опубликовало список наполеоновских информаторов (nirclings) и под буквой «V», говорилось: «Vogt — il lui a été remis en Août 1859... 40000 francs».
- ¹² См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 234.
- ¹³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 442.
- ¹⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 17.
- ¹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 521.
- ¹⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 8.
- ¹⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 300—301.
- ¹⁸ *F. Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften*, Bd, III, S. 354.
- ¹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 101.
- ²⁰ См. там же, стр. 559.
- ²¹ Да-да — арабский публицист. В 50-х годах XIX века по поручению аликирских властей он переводил на родной язык бонапартистские памфлеты.
- ²² Имеется в виду Фогт, который был очень полным.
- ²³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 251.
- ²⁴ Там же, стр. 251—252.
- ²⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 87—88.
- ²⁶ Элеонора Маркс.
- ²⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 94.
- ²⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 252, 253.
- ²⁹ *F. Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften*, Bd III, S. 350.
- ³⁰ «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.», стр. 507—508.
- ³¹ *F. Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften*. Bd III, S. 354—355.
- ³² *Ibid.*, S. 360.
- ³³ «Movimento operaio», 1955, N 2.
- ³⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 562.
- ³⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 531.
- ³⁶ См. там же, стр. 534.
- ³⁷ Там же, стр. 305—306.
- ³⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 56.
- ³⁹ Как известно, план печатания «К критике политической экономии» в виде отдельных выпусков был затем Марксом изменен.
- ⁴⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 538.
- ⁴¹ «Movimento operaio», 1955, N 2.

- ⁴² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 497.
⁴³ См. там же, стр. 498.
⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 63.
⁴⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 275.
⁴⁶ Даниельсон.
⁴⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 310.
⁴⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 577.
⁴⁹ См. там же, стр. 577–578.
⁵⁰ Там же, стр. 38.
⁵¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 578.
⁵² См. там же.
⁵³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 500.
⁵⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 579.
⁵⁵ См. Материалы для биографии М. А. Бакунина, т. 3. М., 1928, стр. 305.
⁵⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 472.
⁵⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 402.

Энгельс — друг семьи

- *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 301.
² *G. Mayer. Friedrich Engels in seiner Frühzeit (1820–1851)*. Berlin, 1920, S. 5.
³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 67–68.
⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 428.
⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 23, 27.
⁶ См. *П. Виноградская*. Поездка Энгельса на Европейский континент. — «Летописи марксизма», 1930, № 2 (XII).
⁷ См. *П. Виноградская*. Памятные встречи. М., 1972, стр. 137–139.
⁸ Нам известно, что Энгельс очень любил путешествовать и был, как говорят, легок на подъем. В 1888 году он предпринял поездку в Америку, Норвегию, Шотландию, а затем в Швейцарию, Германию, Австрию и через Прагу и Берлин — в Лондон.
⁹ См. *П. Виноградская*. Памятные встречи, стр. 138.
¹⁰ См. там же.
¹¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 301.
¹² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 188.
¹³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 533.
¹⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 529.
¹⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 555.
¹⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 529, 530.
¹⁷ Один из братьев Бауэр, друзей Маркса по Докторскому клубу.
¹⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 530.
¹⁹ См. там же.
²⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 590–591.
²¹ См. там же, стр. 597, 598.
²² См. там же, стр. 591.
²³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 302.

Женни — человек, товарищ и революционер

- ¹ *Stephan Born. Erinnerungen eines Achtungvierzigens, S. 88—89.*
- ² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 531—532.*
- ³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 303.*
- ⁴ Более обстоятельно автор касается этого вопроса в своей книге «Фердинанд Лассаль» (М., 1926).
- ⁵ «Совсем как павлин».
- ⁶ *F. Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften, Bd III, S. 358.*
- ⁷ *Ibid., S. 357.*
- ⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 562.*
- ⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 238.
- ¹⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 490—491.*
- ¹¹ *Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни, стр. 528.*
- ¹² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 73.
- ¹³ Там же, стр. 313.
- ¹⁴ Там же, стр. 162.
- ¹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 500.*

Интернационал и Парижская коммуна

- ¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 10—11.*
- ² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 109.*
- ³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 355.*
- ⁴ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.*
- ⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 556, 557.*
- ⁶ См. там же, стр. 577.
- ⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 583—584.*
- ⁸ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 307.*
- ⁹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 579—580.*
- ¹⁰ См. там же, стр. 588.
- ¹¹ Там же, стр. 377—378.
- ¹² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 5.*
- ¹³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 548.*
- ¹⁴ См. там же, стр. 547—548.
- ¹⁵ См. там же, стр. 550.
- ¹⁶ См. там же, стр. 552.
- ¹⁷ «*Movimento operaio*», 1955, N 2.
- ¹⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 188, 189.*
- ¹⁹ Там же, стр. 191.
- ²⁰ Подробности о гибели Флуранса, ученого и борца, мы находим в более раннем письме Дженни к Кугельману. Она писала: «Густав Флуранс в действительности был умерщвлен, а не пал в бою, как сообщает печать: дом, в котором находилась его штаб-квартира, был указан жандармам каким-то шпионом, окружен, и его убили. И подумать только, что лишь год тому назад мы ходили с ним в Хэмпстед, обсуждая, что можно сделать для заключенных ирландцев!» (см. «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 39).

²¹ См. *Lissagarav*. Der Pariser Kommune Aufstand mit einem vorwort von K. N. Wolf und einem Anhang: Brief von Karl Marx und Jenny über die Kommune, 1931.

²² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 553.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 77.

²⁴ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 29–30.

²⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 554.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 84.

²⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 557.

²⁸ Там же, стр. 238.

²⁹ См. там же, стр. 552–553.

³⁰ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 239.

³¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 517.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 103.

³³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 240.

³⁴ См. Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 34.

³⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, стр. 168–169.

³⁷ Там же, стр. 170.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 81.

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 181.

⁴⁰ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 48.

⁴¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 185.

⁴² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 249, 250.

⁴³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, стр. 298.

⁴⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 570–571.

⁴⁵ Там же, стр. 322–323.

⁴⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 123.

⁴⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 50.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 96. «Ее сестра», о которой говорит Женни, — это Аделаида Степановна Левашева (сестра Ольги Степановны Левашевой). Она была замужем за Жуковским, сторонником Бакунина.

⁴⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 234.

⁵⁰ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 159.

⁵¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 366–367.

Женни-литератор

¹ *Gustav Mayer*. Beiträge zur Biographie von Karl Marx im Archiv für die Geschichte des Socialismus und Arbeiterbewegung. Hrsg. von K. Grünberg, Bd X, 1921.

² См. воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 313–314.

³ Карл Гирш — немецкий социалист, друг семьи Маркса, был парижским корреспондентом газеты.

⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 387.

⁵ «Из лондонского театрального мира» (ноябрь 1875 года); «Лондонский сезон» (март 1876 года); «Изучение Шекспира в Англии» (декабрь 1876 года); «Ричард III Шекспира в лон-

донском театре «Лицеум»» (1 февраля 1877 года); «Из лондонского театра» (май 1877 года). Все эти статьи были опубликованы во «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» и вновь перепечатаны в журнале ГДР «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» (Berlin), 1966, N 6.

⁶ Перевод Е. Вильмонт.

⁷ “The Nineteenth Century and after”, 1933, N 1.

⁸ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1949.

⁹ Они печатались во «Frankfurter Zeitung. Beilage» от 17, 19 и 30 сентября 1878 года, № 261, 262 и 273, под заглавием: «Russisches».

¹⁰ Письмо от 14 мая 1877 года (опись писем, отобранных полицией у Гирша).

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 403.

¹² Там же, стр. 267.

¹³ Там же, стр. 69.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 247.

¹⁵ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 221.

¹⁶ Там же, стр. 286—289.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 229.

Последние годы

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 143.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 493—494.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 570.

⁴ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 159.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 92.

⁶ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., стр. 158.

⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 219.

⁸ E. E. Kisch. Karl Marx in Karlsbad. Berlin, 1968, S. 75.

⁹ W. Köster. Eine eigenhändige krankengeschichte von Jenny Marx. — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1966, N. 1.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 165.

¹¹ См. там же, стр. 200.

¹² Там же, стр. 11.

¹³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 123—124.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 197.

¹⁵ Там же, стр. 203.

¹⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 125, 124.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 8/17.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 11/8.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 204.

²⁰ Там же, стр. 201.

²¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 114.

²² Там же, стр. 256.

²³ Эти письма были опубликованы во «Frankfurter Zeitung» 12 декабря 1913 года.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 35—36.

*Женни фон Вестфален
(с портрета маслом)*

Каролина Гейбель
(мать Женни)

Людвиг фон Вестфален
(отец Женни)

Женни фон Вестфален
(в молодости)

Женни Маркс
(после замужества)

***Карл Маркс — студент
(рисунок)***

*Женни, Карл Маркс и поэт Генрих Гейне
(рисунок Н. Жукова)*

Фридрих Энгельс

Елена Демут

Your favourite virtue	sincerity
" " " in man	perseverance
" " " woman	affection.
" chief characteristic	sensitiveness
idea of happiness	health
" " misery	dependence
The vice you excuse most	indecision
" " " detest most	ingratitude
your aversion	debts
Favourite occupation	needlework
" " poet	Goethe
Favourite writer	Martin Luther.
Hero	Coriolanus
Heroine	Florence Nightingale
Flower	rose
Colour	blue
Favourite maxim	Never mind
Motto	Nel desperandum

Jenny, Julia, Joan Bertha Marx

Женни Маркс
(первые годы лондонского изгнания)

Карл Маркс
(Лондон 1861 г.)

*Карл Маркс и Фридрих Энгельс
с Дженни, Лаурой и Элеонорой*

Дженни Маркс

Лаура Маркс

Элеонора Маркс

Карл Маркс
(1882 г.)

Женни Маркс
(в последние годы)

Содержание

К читателю

5

Юность

14

Германия 30–40-х годов

28

Тайная помолвка. Свадьба

40

Париж

65

Брюссельское изгнание

81

Снова Париж. Изгнание

93

Революция 1848 года

99

Лондонская эмиграция

104

Жсини, Карл и их дети

129

Секретарь Маркса

180

Энгельс – друг семьи

207

Женни – человек, товарищ и революционер

222

Интернационал и Парижская коммуна

233

Женни-литератор

264

Последние годы

278

Послесловие

289

Примечания

293

Виноградская П. С.

В49 Женни Маркс (фон Вестфален). Документальная повесть. Изд. 6-е, перераб. и доп. М., «Мысль», 1978.

308 с.; 8 л. ил.

В своей книге, посвященной жизни и деятельности Женни Маркс, автор воссоздает образ благородной и самоотверженной женщины, верного друга и помощника Карла Маркса. Работа П. С. Виноградской о Женни Маркс выдержала пять изданий, однако интерес читателей к этой теме не ослабевает. Настоящее издание дополнено новыми архивными материалами, содержащими интересные сведения о Женни Маркс, о семье Вестфален и семье Маркса, о ближайших друзьях и соратниках К. Маркса.

ИБ № 830

ВИНОГРАДСКАЯ ПОЛИНА СЕМЕНОВНА

Женни Маркс

(фон Вестфален)

Документальная повесть

Издание шестое,
переработанное и дополненное

Заведующий редакцией **А. В. Варшавский**

Редактор **В. В. Стакковская**

Младший редактор **З. В. Макарова**

Оформление художника **Э. Л. Эрмана**

Художественный редактор **В. А. Захарченко**

Технический редактор **О. А. Барабанова**

Корректор **З. В. Одина**

Сдано в набор 02.07.77. Подписано в печать 23.01.78. А 05015. Формат 84 × 100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура Плэнтин. Печать высокая. Усл. печатных листов 15,99 с вкл. Учетно-издательских листов 16,06 с вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1385. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

Новые книги

В 1978 г. в издательстве «Мысль»
вышла в свет книга:

Темкин Я. Г., Туполев Б. М. От Второго к Третьему Интернационалу. 20 л., 1 р. 50 к.

Книга посвящена переломному периоду в истории международного рабочего движения — от послесловных лет и краха II Интернационала до становления III, Коммунистического Интернационала. Авторы ставят своей целью проследить исторический путь, пройденный рабочим движением в 1912—1920 гг., раскрыть роль ленинской партии на разных этапах борьбы за III Интернационал, проанализировать процессы, происходившие в международной социал-демократии, общие закономерности и специфические особенности возникновения и первоначального этапа развития коммунистического движения. До сих пор указанные проблемы не решались в советской историографии столь комплексно, как в данном труде. Большим достоинством работы является использование авторами новых документов и материалов.

Книга привлечет внимание специалистов — историков, международных и преподавателей.

Уважаемые читатели!

Предварительные заказы на большинство книг издательства «Мысль» принимают магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.

Если вышедшей книги в магазине не оказалось, посылайте заказы в отделы «Книга — почтой» местного книготорга или по адресу: 103009. Москва, Центр, проезд Художественного театра, 6. Магазин № 84, отдел «Книга — почтой».

В этой книге автор воссоздает прекрасный образ замечательной женщины – спутника жизни, неразлучного друга и верного соратника Карла Маркса.

Женни, урожденная баронесса фон Вестфален, принадлежала к одной из аристократических семей. Ее брат Фердинанд был министром внутренних дел Пруссии. Необыкновенная красота Женни, ее замечательный ум, широкая образованность и высокое происхождение сулили ей «блестящую будущность» в светском обществе.

Для смелой, непреклонной и цельной натуры Женни было достаточно силы чувства к Карлу и уверенности в правильности своего выбора, чтобы долго бороться за союз с ним, против семейных предрассудков и традиций своей среды. Женни стала самоотверженным помощником Маркса и всю свою жизнь отдала делу пролетариата. Сорок лет шагала она рука об руку с Марксом по трудному пути революционной борьбы, преследований, скитаний и тяжелой нужды.

В книге много места уделено самому Марксу, его учению и деятельности, а также ближайшему другу и соратнику – Фридриху Энгельсу. Все это дано на фоне социальной обстановки и политических событий XIX века.

Доступность изложения, хорошая литературная форма делают книгу интересной для самого широкого круга советских читателей.